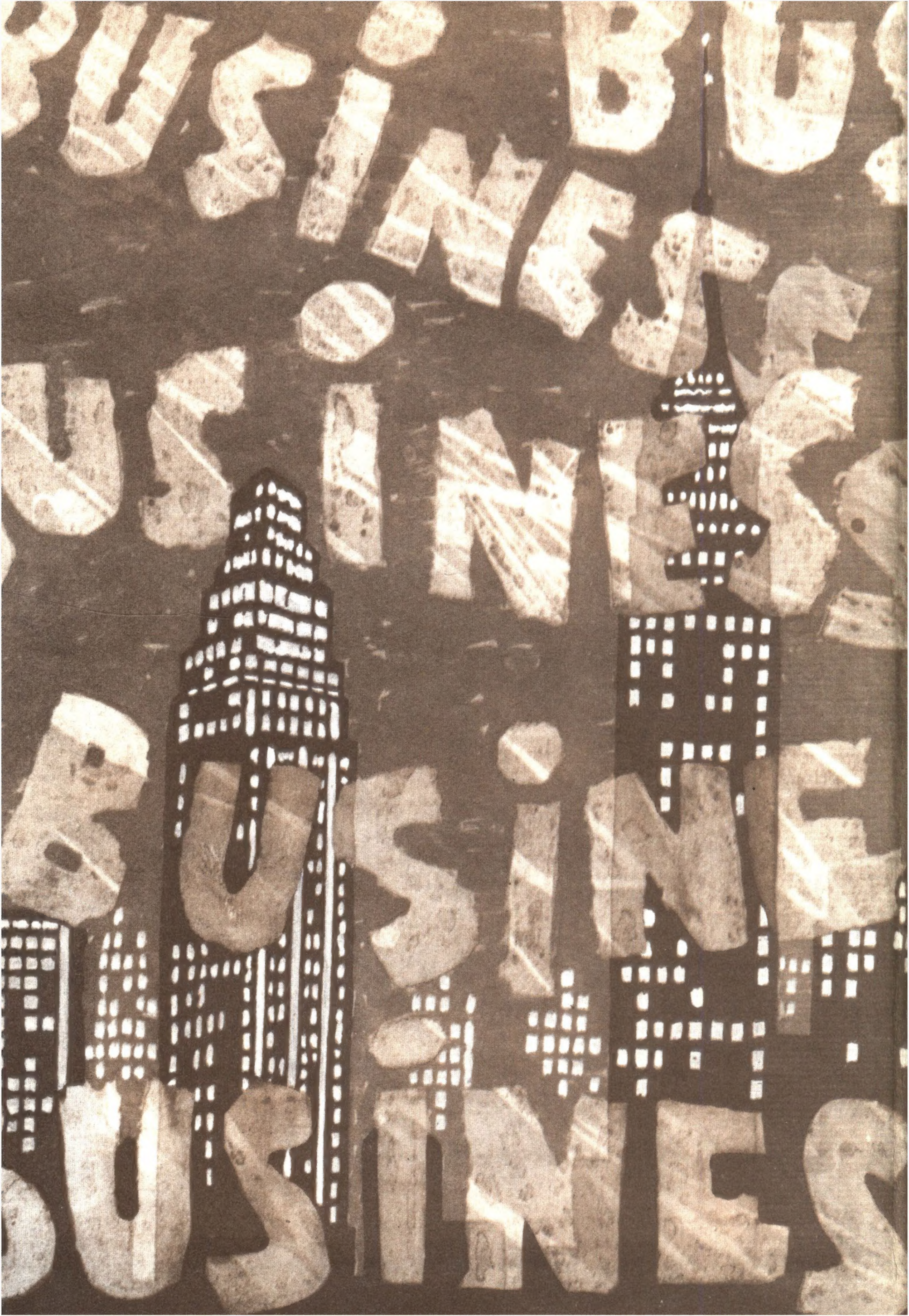
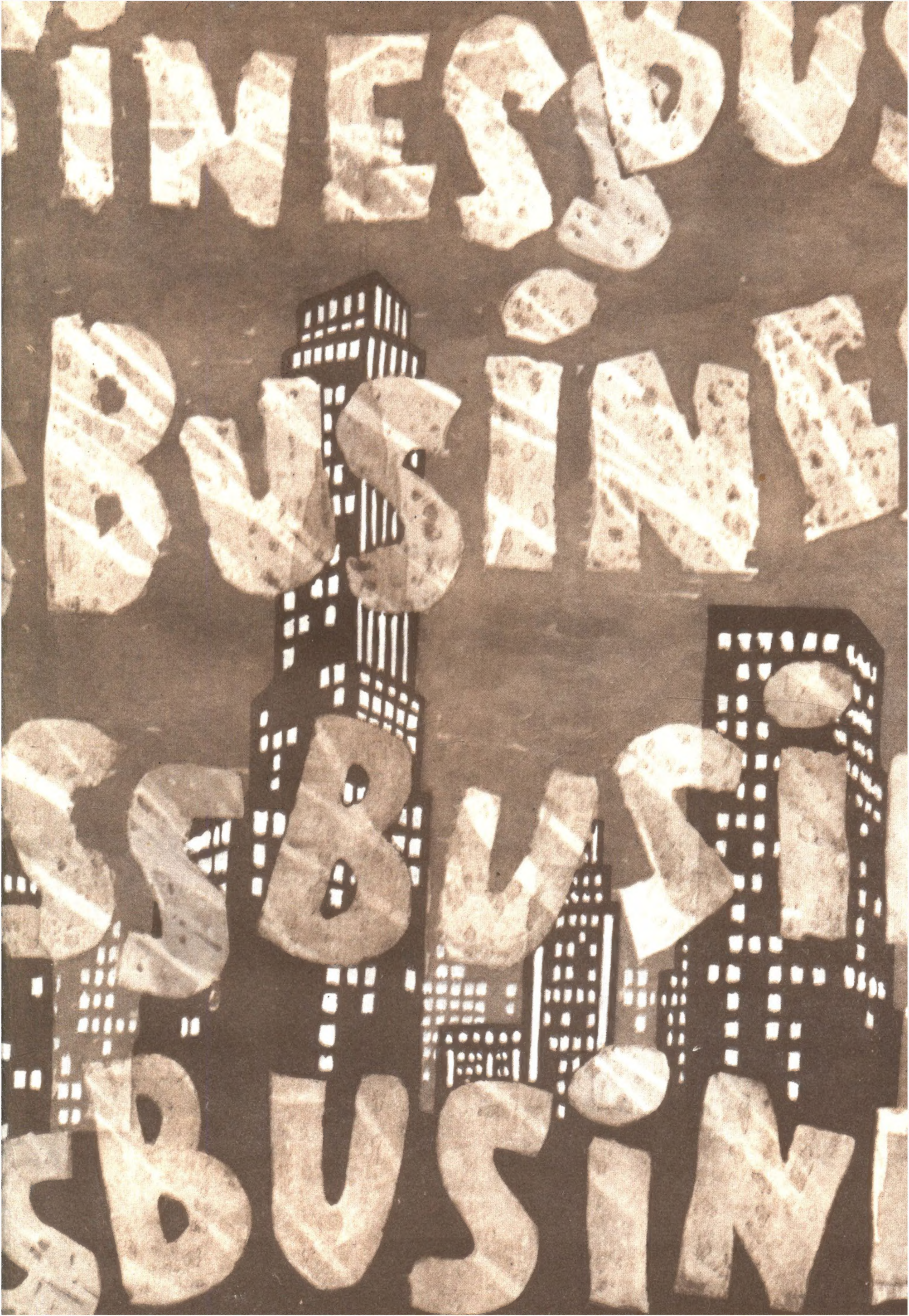
ВАЛЕНТИН ЗОРИН

ВЛАДЫКИ БЕЗ МАСОК

Д






İNESBUS
BUSİNE
SBUSİ
SBUSİN

ВАЛЕНТИН ЗОРИН

ВЛАДЫКИ БЕЗ МАСОК

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1972

32И
386

Художники
Л. Самойлов, В. Терещенко

Зорин В. С.

386 Владыки без масок. Изд. 2-е, доп. Худ. Л. Самойлов, В. Терещенко. М., «Дет. лит.», 1972.

224 с. с ил. + 16 вкл.

Кто и как управляет Соединенными Штатами Америки, что происходит за политическими кулисами этой страны. О цепи преступлений — убийствах и заговорах, крупных мошенничествах и мелком жульничестве — о мрачных тайнах правящей верхушки ведущего государства современного капиталистического мира рассказывает эта книга.

Автор книги — доктор исторических наук Валентин Сергеевич Зорин. Материалы его прежних книг «Некоронованные короли Америки», «Мистеры Миллиарды», новые встречи и беседы со многими людьми легли в основу этих очерков, адресованных юным читателям, тем, кто интересуется проблемами международной политики.

7—6—3
367—72

32И

УБИЙСТВО В ОТЕЛЕ „АМБАССАДОР“

Выстрелы раздались внезапно. Еще несколько секунд назад 43-летний сенатор Роберт Кеннеди, в котором многие уже видели следующего президента страны, усталый, но счастливый только что одержанной победой, не скрывая улыбки, которая так нравилась американцам и делала лицо этого вступившего уже в зрелый возраст человека задорно мальчишечьим, заканчивал свое выступление по телевидению. Поблагодарив избирателей Калифорнии, отдавших ему в ходе предварительных выборов свои голоса, он пожелал им спокойной ночи и, окруженный толпой почитателей и соратников, вышел из телестудии, расположенной в отеле «Амбассадор», где он обосновал свою временную штаб-квартиру.

В толпе радостно возбужденных людей находилась его жена Этель — моложавая женщина с крепко сбитой фигурой спортсменки — и пятеро его старших детей: сыновья и дочери. Еще пятеро, младших (Роберт Кеннеди был главой большого семейства) оставались дома. Самые маленькие спали, а средние, те, кому не удалось уговорить отца взять их с собой в предвыборную поездку в солнечный Лос-Анджелес, наблюдали за отцом у экрана большого телевизора, стоящего в холле их дома на окраине Вашингтона.

Звуки выстрелов были настолько неожиданны, что до тех пор, пока внезапно наступившую тишину не прорезал отчаянный крик Этель Кеннеди, никто не мог понять, что произошло. Толпа испуганно шарахнулась в сторону, и миллионы американских телезрителей, из тех, кто в этот поздний час ночи с 4-го на 5 июня 1968 года еще не успели в своих домах выключить телевизоры, увидели только что улыбавшееся лицо сенатора залитым кровью, искаженным гримасой муки.

Все произошло мгновенно. Высокий парень в джинсах и ковбойке, смуглый, с перекошенным от злобы и страха лицом внезапно выхватил пистолет и открыл стрельбу, находясь в шести-семи метрах от Роберта Кеннеди. Стрелял он не целясь, непрерывно нажимая на спусковой крючок, пока обойма от пистолета не оказалась пустой.

Кое-кто из тех, кто находились здесь же, утверждали впоследствии, что одновременно раздались и еще несколько выстрелов, но уже с другой стороны. Однако тогда все внимание было обращено на парня в джинсах. Личный телохранитель сенатора, олимпийский чемпион по десятиборью, могучий негр Рафер Джонсон, огромным прыжком преодолев пространство, отделявшее его от стрелявшего, выбил из его рук бесполезный уже пистолет. На все это ушло не более минуты.

Но минута эта была подобна взрыву, который долго готовится и последствия которого дают о себе знать еще более долго.

Пройдет еще немало времени, прежде чем будет распутан — если он будет распутан когда-либо до конца — зловещий клубок преступления. Клубок, мертвые узлы которого были завязаны еще пасмурным ноябрьским утром 1963 года в Далласе, когда так же, на глазах у жены, был убит президент Соединенных Штатов, старший брат Роберта — Джон Кеннеди. Этот клубок более запутался таинственной аварией самолета, в котором летел самый младший из братьев Кеннеди — Эдвард, сенатор от штата Массачузетс. Тогда Эдвард Кеннеди лишь чудом остался в живых, отделавшись переломом позвоночника и многими месяцами неподвижности в гипсовом корсете.

Американцы вновь вспомнили об этом узле преступлений в конце 1971 года, когда сенсационные сообщения на первых страницах американских газет заставили их мысленно вернуться к тому, что произошло в отеле «Амбассадор» в июне 1968 года.

Выплыли наконец наружу некоторые обстоятельства, до

той поры тщательно скрывавшиеся. Стали говорить, что убийца был не один, а роковые выстрелы, стоившие жизни Роберту Кеннеди, были сделаны не тем, кого следствие объявило единственным убийцей. Он лишь отвлекал на себя внимание.

В Америке немало говорят об «исключительности» преступления в отеле «Амбассадор». Но в том-то и дело, что из ряда вон выходящим его сделало лишь громкое имя человека, оказавшегося на сей раз жертвой. Это очень типичное, очень американское преступление.

Нет. Выстрелы в отеле «Амбассадор» не были случайной трагедией, что бы там ни твердила официальная пропаганда Соединенных Штатов. Слишком много «случайностей» для того, чтобы поверить в их случайность!

И это не голословное утверждение. История капитализма, а особенно история американского империализма знает немало кровавых событий и бесчеловечных преступлений из семейных хроник тех, кто царит в самой богатой и могущественной стране современного капиталистического мира. Их не так много, этих владык. Всего несколько десятков. В последние годы мне не раз приходилось бывать в Соединенных Штатах, встречаться со многими из них. Есть среди них действительно субъекты отталкивающие, вроде техасского миллиардера Гарольда Ханта, отвратительный облик которого стяжал ему в Америке достаточно красноречивое прозвище «Гиена в патоке». А есть и субъекты, внешне вполне благообразные.

Я попытаюсь рассказать вам в этой книге о том, каковы они, владыки современной Америки, чем живут, как сколотили свои богатства, какими путями приумножают их, и вы убедитесь, что бурная фантазия авторов многих детективных историй и романов из уголовной жизни бледнеет перед реальной действительностью, событиями, происходящими за кулисами деловых контор и правлений крупнейших банков и промышленных корпораций Америки.



путь наверх семейства меллонов

ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ ПРЕЗИДЕНТА ГАРДИНГА

В августе 1923 года умер президент Соединенных Штатов Америки Уоррен Гардинг.

Я хочу рассказать вам эту историю потому, что она не только история, но и день сегодняшний. Меняются фамилии, видоизменяются внешние обстоятельства, но нравы, взаимоотношения на вершинах политической власти в современной Америке такие же, как были в дни смерти президента Гардинга.

Мне хочется напомнить эту историю еще и потому, что она дает представление о том, кому под силу организовать и осуществить заговор против хозяина Белого дома. И кроме того, это будет одновременно рассказ о том, как возникали миллионы одного из самых богатых и влиятельных семейств современной Америки — семейства миллиардеров Меллонов.

...Темной августовской ночью в квартире шефа секретной службы Белого дома раздались резкие телефонные звонки. Офицер охраны задыхающимся от волнения голосом просил его срочно прибыть в резиденцию американских президентов.

— Что случилось? — недоверчиво спросил еще не вполне проснувшийся детектив.

— Случилось ужасное: президент Гардинг мертв. Сорок

минут назад он внезапно скончался,— произнес голос в телефонной трубке, и зазвучали резкие гудки отбоя.

Час спустя к расположенному в нескольких кварталах от Белого дома роскошному особняку министра финансов Эндрю Меллона один за другим подкатили дорогие «линкольны» и «роллс-ройсы», из которых торопливо вышло несколько человек. В кабинете хозяина дома началось чрезвычайное ночное совещание. Помимо 70-летнего Меллона, восседавшего за столом в ночных туфлях и халате, в совещании принимали участие любимец только что скончавшегося президента, его личный друг, министр юстиции Догерти, государственный секретарь Юз, министр внутренних дел Фолл и министр торговли, в то время еще только восходившая вашингтонская звезда Герберт Гувер — будущий президент страны.

Ровно через 40 лет, осенью 1963 года, после убийства Джона Кеннеди, американская печать занялась историческими экскурсами. На газетных страницах воспроизводились имена президентов Соединенных Штатов, ставших жертвами убийств. Авраам Линкольн пал от руки убийцы 14 апреля 1865 года, президент Джеймс Гарфилд убит 2 июля 1881 года, президент Уильям Маккинли застрелен 6 сентября 1901 года. Фамилии Уоррена Гардинга среди этих имен не было. А между тем многое заставляет предполагать, что он умер не своей смертью.

Соединенным Штатам принадлежит рекорд в умении прятать в воду концы крупнейших преступлений. Месяцами смакуя мельчайшие подробности ординарных уголовных историй, буржуазные газеты и журналы обнаруживают удивительную сдержанность, когда речь идет о злодеяниях, совершаемых преступниками, действующими в высших сферах.

В Вашингтоне по сей день циркулируют разговоры о странных, до сих пор не объясненных фактах, сопутствовавших внезапной смерти Рузвельта в 1945 году. Несмотря на давность этого события, много говорят и о не менее таинственных обстоятельствах смерти Уоррена Гардинга в 1923 году.

Подозрения вызвала прежде всего внезапность кончины Гардинга. Еще за час до того, как офицеры охраны президента подняли тревогу, Гардинг, хотя и видимо взволнованный, расстроенный, но уже выздоравливающий после недавнего недомогания, беседовал с помощниками, принимал в своем кабинете или разговаривал по телефону. Никаких признаков заболевания не отмечалось, что впоследствии подтвердил личный врач президента.

Подозрительно и обилие официальных версий о причинах смерти президента. Тут и простуда, и внезапный приступ сердечного заболевания, и отравление крабами, которых, кстати, не было в меню президента, и т. п. Одним словом, если отложить в сторону не очень-то достоверную версию о кончине Гардинга в результате «внезапного приступа болезни» — версию, в которой явно не сходятся концы с концами, то очевиден неестественный характер смерти этого президента. Единственное, о чем спорят специалисты,— что же имело место в действительности: убийство или самоубийство? Одни утверждают, что президенту был подмешан яд в ночное питье, причем не без участия его жены, другие — что силы, могущественные и неумолимые, заставили его самого покончить счеты с жизнью, угрожая в противном случае скандальным разоблачением и судом.

Что же предшествовало устранению с политической арены президента Гардинга?

2 ноября 1920 года Гардинг сменил пост сенатора от штата Огайо на высший государственный пост в стране. Он был личностью более чем заурядной, единственный талант которой, по словам современников, заключался в искусстве карточной игры в покер. До последнего дня работы съезда республиканской партии летом 1919 года его имя даже не значилось в списках предполагаемых кандидатов.

Однако в результате таинственных махинаций за кулисами съезда ни один из партийных лидеров не собрал требуемого количества голосов. Тогда-то и всплыла кандидатура малоизвестного сенатора Уоррена Гардинга.

Республиканская партия США к тому времени оказалась в крайне сложном финансовом положении. Для того чтобы покрыть расходы на избирательную кампанию 1920 года, партийные боссы по уши влезли в долги. Дефицит в партийной кассе превышал 2 миллиона долларов.

В вашингтонском воздухе запахло скандалом. И тут появился Эндрю Меллон — глава меллоновского семейства. Щедрой рукой он покрыл большую часть долгов партии из собственного кармана. За миллионы, положенные в партийную кассу, Меллон и близкие ему миллионеры получили возможность посадить в министерские кресла своих людей.

Любой президент Соединенных Штатов в своей деятельности руководствуется не только общими интересами американских монополий, но и является проводником воли каких-то

отдельных группировок предпринимателей и финансистов, которым он лично особенно обязан и с которыми особенно тесно связан. Для того чтобы сделать в Америке политическую карьеру, нужно прежде всего иметь крупные деньги. Любая избирательная кампания обходится в сотни тысяч, в миллионы долларов. Газеты, радио и телевидение превозносят достоинства того или иного кандидата за большие деньги. Бесконечные поездки по всей стране, подкуп, взятки, каверзы противнику — на все это и идут сотни тысяч, миллионы долларов.

Но если такие деятели, как братья Кеннеди, располагали собственными огромными средствами, то большинство других политиков, побывавших или стремившихся в Белый дом, делали карьеру, опираясь на средства тех или иных покровителей.

Вкладывая миллионы в какого-либо политика, толстосумы рассчитывают с лихвой их вернуть, когда ставленник займет высший пост в стране. И возвращают. Так, скажем, во времена Кеннеди заметно увеличились прибыли банков из восточных районов страны, с которыми был тесно связан этот президент. При президенте Джонсоне процветали богатеи из Техаса, много сделавшие, чтобы привести его к власти. Между появлением в Белом доме калифорнийца Никсона и золотым дождем военных заказов калифорнийским компаниям, очевидно, связь прямая и непосредственная.

В дни избирательной кампании 1968 года мне довелось находиться за океаном. Вместе с некоторыми из коллег — советскими журналистами — знойным августом я направился во Флориду, где на знаменитом курорте Майами-бич собрался в те дни съезд республиканской партии, который должен был выдвинуть кандидата на пост президента страны. В течение нескольких дней мы наблюдали за шумным зрелищем, которое в Америке именуется партийным съездом. Внешне все обстоит вполне респектабельно и демократично. С трибуны выступают ораторы, расхваливают достоинства тех или иных политиков. Делегаты шумят, спорят, аплодируют, негодуют.

Но вот проходит одно заседание, другое, и начинаешь замечать, что это все только декорация. В зале обретается лишь мелкая сошка. Что же касается руководителей, то они собираются в тщательно охраняемых и специально снятых особняках. Далеко от зала заседаний, положив на чашу весов свои толстые кошельки, они и решали вопрос о том, кому быть кандидатом в президенты.

В один из дней съезда, как раз тогда, когда предстояло выдвижение кандидатуры Ричарда Никсона на пост президента, мой друг корреспондент газеты «Известия» Мэлор Стуруа и я решили осуществить в зале заседаний один шуточный эксперимент.

Перед тем как с трибуны съезда было произнесено имя Никсона в качестве кандидата на пост президента, в зал хлынуло около 500 специально нанятых крикунов. Заполнив все проходы, они стали что есть мочи скандировать: «Ви вонт Никсон!» — «Мы хотим Никсона!» Таким образом создавалось впечатление народного волеизъявления. Очевидно, это и называется буржуазной демократией.

Смешавшись с толпой, мы со Стуруа оказались под самой трибуной. Решив, что «демократия» так «демократия», мы во всю глотку завопили тоже. Только не то, что орали все, а свое. Я орал благим матом: «Ви вонт Мэлор!» Так зовут Стуруа. Он, стоя рядом, ревел: «Ви вонт Зорин!» — «Мы хотим Зорина!» Надрывались мы довольно долго, и никто нам не мешал. Ну чем же не «демократия»?

Это журналистская шутка, забавный розыгрыш. Но, как говорят, в каждой шутке есть доля правды. Мораль сей «демократии» такова: поори и утешься. Решают не кричащие, решают доллары и те, кто ими обладает. Так происходят выборы сейчас, так происходили они и во времена Гардинга.

Будучи избранным, он начал с того, что ввел своих приближенных и политических покровителей в состав правительства. Так промышленник и банкир Меллон стал... министром финансов. Тот самый случай, когда козлу поручают стеречь капусту.

По Вашингтону поползли слухи, один скандальнее другого. Известная в тот период американская журналистка Алиса Лонгуорт, использовав свои обширнейшие связи, ухитрилась проникнуть в личные апартаменты главы государства.

«До меня доходили слухи,— писала впоследствии Лонгуорт,— и я хотела убедиться сама, насколько они соответствуют истине. Действительность превзошла все, что говорили. Комната, в которую я попала, была набита приятелями Гардинга. Воздух был тяжелым из-за плотного табачного дыма; повсюду стояли подносы с бутылками виски всех марок (продажа спиртного тогда в США была запрещена.— *В. З.*); расстегнутые жилеты, красные лица, мутные глаза, задранные на стол ноги, плевательницы на каждом шагу, в руках — карты, мелки для покера, на зеленом сукне столбики золотых монет».

Но дело не просто в кабацкой обстановке, окружавшей Гардинга. Его имя, положение президента страны давали возможность его собутыльникам и партнерам по покеру ловко обделывать свои делишки.

Уже издавна внимание нефтяных компаний США привлекали богатые нефтью песчаные отмели, расположенные вдоль побережья страны. Земли эти, по американским законам, являются собственностью государства и не должны передаваться в руки частных компаний. Тем не менее, в обход закона, под нажимом Меллона и других нефтяных магнатов в мае 1921 года Гардинг подписал приказ о передаче принадлежащих военно-морскому ведомству нефтяных отмелей Типот Доум в штате Вайоминг, а также нефтеносных отмелей на побережье Калифорнии в руки частных владельцев.

Конкуренты промышленников, получивших столь щедрый подарок, подняли шум. В газетах появились разоблачительные статьи о том, что члены правительства Догерти и Фолл, личные друзья президента, получили от нефтяных компаний взятки размером более чем в 100 тысяч долларов каждая. В столичных гостиных перешептывались о том, что еще большие взятки положены на анонимные счета в американских и швейцарских банках, а за таинственным анонимом скрывается сам президент Соединенных Штатов. Скандал нарастал. Все новые и новые грязные детали грандиозной аферы доводились кем-то до сведения газетчиков и выплывали наружу.

В этих условиях дальнейшее пребывание Уоррена Гардинга в Белом доме таило в себе угрозу для тех, кто стоял за ним: Гардинга устранили. После ряда маневров с целью вывести изпод огня других участников аферы Эндрю Меллон счел целесообразным в этой головоломной партии политических шахмат пожертвовать еще несколькими фигурами. Последовали отставки министра внутренних дел Фолла, министра юстиции Догерти.

Что же касается Меллона, то он сохранил министерский пост не только при сменившем Гардинга президенте Кулидже, но и в следующем правительстве Герберта Гувера. Вплоть до 1932 года, когда совершенно дискредитировавшую себя администрацию республиканской партии заменило правительство Рузвельта, Эндрю Меллон — глава одной из крупнейших промышленно-финансовых империй современной Америки — руководил государственными финансами. Монополистическая династия, не таясь, управляла экономической жизнью страны.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ КУРИЦА

Есть у американской пропаганды излюбленный прием—так называемые средние цифры. Чтобы заморочить голову, осуществляется ловкое и беззастенчивое жонглирование статистическими данными. Фокус заключается в том, что берется общая сумма доходов всех американцев, а затем делится на число жителей страны. В результате получается, что каждый американец в среднем получает ежегодно вполне приличный доход.

На одной из улиц Питтсбурга свечой взметнулось вверх из алюминия и стекла здание модерновой архитектуры. Медная дощечка у входа сообщает, что в этом чуде архитектуры XX века расположился «Меллон нэшнл бэнк» — один из крупнейших банков страны, с капиталом в 2 миллиарда долларов. Впрочем, два миллиарда — это лишь часть меллоновского состояния. Как частью, хотя и важной, но не главной, являются банковские операции. Главное же богатство семейства Меллонов — алюминий. Именно этому «крылатому» металлу обязаны они в значительной степени своим процветанием, своими огромными капиталами, которые приблизились сегодня к весьма внушительной цифре — 15 миллиардов долларов.

Формально перед американским законом все равны. И какой-нибудь Джонс или Смит, работающий у плавильных печей на меллоновском алюминиевом заводе в Питтсбурге, если он имеет акции завода, и братья Поль и Ричард Меллоны — хозяева этого завода. Но равенство сие сугубо бумажного свойства.

С хитроумным умыслом в одну кучу смешаны и миллиарды Меллонов и копейки Смитов. На сей счет в Америке распространена такая шутка: «Если ты за обедом съел курицу, а твой сосед, не имеющий денег, лег спать натощак, то, согласно статистике, вы с соседом съели в среднем по полкурицы». Вся американская пропаганда по поводу равноправия Меллонов и Смитов как раз и являет собой такую среднюю статистическую курицу.

Недаром один злоязычный острослов, говоря о буржуазной статистике, едко заметил, что на свете имеются три вида лжи — просто ложь, большая ложь и... статистика.

Но вернемся к богатствам Меллонов. Не так уж давно, в начале нынешнего века, алюминий был большой редкостью.

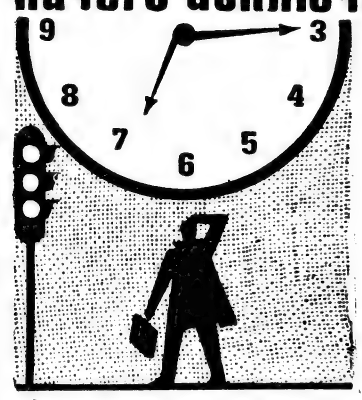
Этот необычайных свойств металл, легкий, прочный, отлично поддающийся обработке, мало подверженный коррозии, ценился поначалу наравне с золотом. Случилось так, что первым промышленником, освоившим в Америке производство этого металла, был Эндрю Меллон, тот самый, руками которого в Белом доме был водворен президент Гардинг.

Отец Эндрю Меллона — основатель семейного бизнеса Томас Меллон — был профессиональным ростовщиком. Житель Питтсбурга, где обитал в конце прошлого века старый Меллон, попав в стесненное положение, шел в его контору и брал взаймы. Под большие проценты и под залог взял сотню, через месяц вернешь 120. А не вернешь,— ростовщик оставит себе ценности, принесенные в залог. Заветное кольцо, фамильный портсигар, а нередко и что-либо покрупнее и поценнее,— все принималось.

Неопрятный старик, с застывшей на лице, как бы приклеенной улыбкой, обнажавшей почерневшие зубы, и маленькими настороженными глазками-буравчиками, Томас Меллон был известен всем в городе. Описывая его «таланты», официальный семейный биограф сообщил, что старый Томас «знал все законы, касающиеся прав кредитора на имущество должни-

•ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ•

НИЧЕГО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО



Одной из излюбленных и наиболее распространяемых американской пропагандой легенд является легенда о сверхделовитости. Так принято считать, что если американец, то обязательно пунктуальный и точный, если американское, то обязательно скрупулезно организованное. На самом же деле это в немалой степени миф. Оказавшись в Америке, очень быстро расстаешься с этой иллюзией.

Мне нужно было проехать в южный американский город Майами, расположенный во Флориде. Я находился недалеко от него, в каких-ни-

ка». Эти «знания» дали возможность Томасу Меллону скопить немалое богатство.

Молодой Эндрю Меллон решил подразнообразить отцовские методы приумножения богатств. Не отказываясь от ростовщической деятельности, он часть денег, доставшихся ему в наследство, стал вкладывать в различные промышленные компании. Под руку ему подвернулось небольшое предприятие по выплавке редкого в ту пору алюминия. Как впоследствии признавался сам Эндрю Меллон, он совершенно случайно решил купить бокситовое месторождение, обнаруженное неподалеку от Питтсбурга. Предприятие приносило доходы и расширялось: одна сделка следовала за другой.

Для производства алюминия, как известно, требуются не только бокситы, но и большое количество электроэнергии. Район, в котором находятся бокситовые рудники Меллонов, оказался чрезвычайно богатым дешевой гидроэлектроэнергией. Уразумев, какие прибыли можно извлечь из этого сочетания, Эндрю Мелон стал прибирать к рукам всю алюминиевую промышленность страны. Созданная им компания «Алюминиум компани оф Америка» — сокращенно «АЛКОА» — стала одной из крупнейших американских монополий. Жесточайшая

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

будь двадцати минутах езды на электричке. Приехал на вокзал, посмотрел расписание: до отправления очередной электрички оставалось пять минут.

Прикинув в уме: пять минут плюс двадцать на дорогу, плюс еще десять минут, чтобы добраться с вокзала до места, где у меня была назначена встреча,— я увидел, что успею вовремя и еще минут десять у меня будет в запасе.

Прошло пять минут, прошло десять — поезд не появлялся.

Обеспокоенный, я справился у дежурного, но он, недоуменно пожав плечами, сказал, что не происходит ничего необычного: электричка опаздывает.

Я прождал на перроне 55 минут, убежденный, что оказался свидетелем редчайшего случая.

Каково же было мое удивление, когда, оправдываясь за опоздание перед теми, кто меня ждал, и сославшись на столь «исключительный» случай, я услышал в ответ: «А что же здесь исключительного? У нас это обычное дело».

эксплуатация рабочих, многочисленные мошенничества содействовали быстрому росту меллоновского состояния.

...Был разгар второй мировой войны. Соединенным Штатам требовалось все больше самолетов. В эти дни в городах выстраивались странные очереди: люди держали в руках кошелки с алюминиевыми ложками, котелками и флягами. Они сдавали этот алюминиевый скарб в специальные приемные пункты, организованные властями.

Зачем же понадобилось американскому правительству скупать алюминиевую рухлядь у населения? Оказывается, в стране не хватало металла для самолетов.

Сенат создал специальную комиссию с целью расследовать причины этого. Выяснилось, что руководители «Алюминиум компани оф Америка» все предвоенные годы убеждали вашингтонских чиновников в том, что компания в состоянии полностью обеспечить нужды США в алюминии. Когда же началась война, выяснилось, что Меллоны вводили в заблуждение правительство, опасаясь, что будут созданы новые компании и меллоновские прибыли уменьшатся. Ложь эта дорого обошлась американскому народу, стоила жизни многим американским парням, ибо нехватка самолетов в первые месяцы войны обернулась значительными жертвами среди американских солдат. Зато Меллоны получили огромные барыши.

Печать, получающая от семейства Меллонов изрядные денежные суммы, а попросту говоря — взятки, среди прочих мифов упорно создает миф о меллоновском патриотизме. Дескать, Америка во многом своим прогрессом обязана этому семейству, целые отрасли промышленности возникли-де по их милости и исключительно ради блага американского народа. Да и сами братья неоднократно пространно и без излишней скромности распространялись на тему о своем бескорыстии, о том, что действуют они исключительно для общего блага, а вовсе не для своего кармана.

Но рассказанный случай дает достаточно наглядное представление о меллоновском патриотизме.

Стремительно ныне растут потребности в алюминии, вытесняющем сталь и медь, применяемом в самых различных отраслях промышленности и строительства. И одновременно увеличиваются прибыли меллоновской компании. Уже в начале 60-х годов на долю этой компании приходилось свыше трети всего производства алюминия в странах капиталистического мира.

Меллоны эксплуатируют природные ресурсы многих районов земного шара. В погоне за барышами они протянули руку к нефтяным богатствам Ближнего и Среднего Востока и Латинской Америки; главный источник сырья для меллоновских алюминиевых заводов — страны Карибского бассейна. Девять из каждых десяти тонн бокситов, попадающих в плавильные печи меллоновских заводов, вывозится оттуда. Доминиканская Республика, Гаити, Ямайка, Суринам, Британская Гвиана, Панама и Коста-Рика безжалостно эксплуатируются этим семейством.

Именно поэтому Меллоны особенно ревниво следят за положением дел в Латинской Америке. Именно поэтому корабли флота янки бороздят национальные воды латино-американских государств, а Вашингтон, обеспечивая интересы Меллонов и еще нескольких миллиардерских семейств, не жалеет ни сил, ни средств, чтобы держать латино-американские народы в цепях зависимости.

БРАТЬЯ МЕЛЛОНЫ

Кто же они, сегодняшние Меллоны, как выглядят, чем занимаются?

Некоторое время назад распространенный в Америке журнал «Тайм» опубликовал портрет холеного мужчины лет шестидесяти, большеносого, большелобого, с широко поставленными глазами, прикрытыми большими роговыми очками. Это Поль Меллон, один из двух братьев, возглавляющих ныне огромный меллоновский семейный бизнес. Он директор многих банков и промышленных корпораций, глава и собственник десятка фирм. Но, как ни странно, фотография Поля Меллона была опубликована журналом в разделе «Искусство».

Из текста, который сопровождает фотографию алюминиевого и нефтяного короля, читатель узнает, что внук Томаса Меллона, сын министра финансов 20-х годов Эндрю Меллона, в отличие от своих предков,— человек возвышенный и романтический. Журнал расписывает «великолепную выставку английской живописи XVIII и XIX веков, развернутую в ричмондском Музее изящных искусств. Коллекция принадлежит Полю Меллону, англичанину по матери, выпускнику Йельского и Кембриджского колледжей, обладателю тонкого вкуса. В 1936 году,— продолжает журнал,— он купил свою первую

картину XVIII столетия кисти Джорджа Стабса... Сегодня богатейшая коллекция Меллона включает сотни полотен, относящихся к периоду 1700—1850 годов».

Несколькими штрихами журнал рисует портрет коллекционера. Оказывается, он с детства каждое лето проводил в родовом поместье своей матери в Англии и «до сих пор помнит смеющихся дам в белом, с радужными зонтиками, мужчин в безупречных костюмах или полосатых спортивных куртках на фоне зеленых лужаек старинных английских замков». Именно с тех пор сын Эндрю Меллона приобрел вкус к охоте на лис, к скачкам, дерби, породистым лошадям.

Надо думать, рабочие меллоновских заводов в Питтсбурге или качающие нефть на вышках, принадлежащих меллоновской нефтяной компании «Галф ойл», с большим интересом ознакомились с сентиментальными воспоминаниями своего хозяина о «дамах в белом, с радужными зонтиками» и его утонченно-аристократическими англизированными развлечениями — охотой на лис и скачками. Безусловно, единственное, чего не хватает этим рабочим,— это «полосатых спортивных курток» и арабских скакунов.

Умысел «Тайма», рассказывающего о житии главы меллоновского семейства не на страницах, посвященных бизнесу и политике, а в разделе «Искусство», заключается в том, чтобы представить промышленно-финансового воротилу меценатом.

Нечто не возникает из ничего! Если Меллон выкладывает на аукционе полмиллиона долларов за картину художника, запечатлевшего породистого жеребца по кличке Пампкин, украшавшего конюшню герцогов Мальборо в середине XVIII века, то это значит, что тысячи арабов после бесконечно длинного дня на меллоновских нефтяных приисках Кувейта, добравшись до своих жилищ, пообедали горстью фасоли, запив ее тепловатой, отдающей керосином водой. Если Меллон приобрел еще один английский замок, то это произошло потому, что тысячи людей работающих на него в Венесуэле и Кувейте, Саудовской Аравии и Адене влачат жалкое существование в лачугах, сделанных из старых ящиков и обрезков жести.

Из ничего нечто не возникает! Меллоновское состояние размером в 15 миллиардов долларов — это получивший денежное выражение безрадостный труд, разрушенное здоровье, безвременная старость, кровь и слезы нескольких поколений людей в разных концах света.

Кстати, об утонченности. Костюм, сшитый у лондонского портного, и стены роскошных особняков, увешанные полотнами известных художников, отнюдь еще не признак культуры. Коллекционирование предметов искусства и старины стало в последние годы модным среди американских королей жевательной резинки и баронов свиной тушенки.

Духовная бедность сегодняшней Америки поражает советского человека, попадающего за океан, не меньше, чем замечательные творения ее архитекторов и инженеров.

Даже президенты Соединенных Штатов открыто признавались, что годами не берут в руки книгу. Президент Эйзенхауэр как-то сказал журналистам, что, помимо официальных бумаг, он в течение года прочитывает не более двух-трех книг детективного жанра. Президент Линдон Джонсон заявил, что со времени окончания колледжа прочел не более шести-семи книг.

Американская цивилизация в том виде, в каком она существует сегодня,— это прежде всего цивилизация холодильника и автомашины, цивилизация металлических конструкций и деловитости, доведенной до автоматизма. Само по себе это неплохо. Но когда холодильник вытесняет книгу, а стремление к доллару превращается в основное проявление духовной жизни, то эта цивилизация становится страшной, бесчеловечной.

И как бы ни старались редакторы «Тайма», они не смогут убедить своих читателей, что Поль Меллон прежде всего меценат. Он, как и его старший брат, 68-летний Ричард Кинг, банкир-ростовщик и эксплуататор-предприниматель.

Эндрю Меллон назвал своего старшего сына Кингом, что в переводе на русский язык означает «король». Это откровенный делец, не чурающийся спекуляций, осуществляемых им лично.

БРАКИ СОВЕРШАЮТСЯ НЕ В НЕБЕСАХ

Помимо двух братьев, в состав меллоновского семейства как самостоятельные владельцы капитала входят их дочери Элиза и Сарра. Состояние каждой из них приближается к 700 миллионам долларов. Но если муж Элизы Меллон, некий Брюс,— личность вполне бесцветная, то супруг другой наслед-

ницы меллоновского состояния Алан Скайф достоин особого разговора.

Когда дочь миллиардера Сарра Меллон объявила о своем желании стать женой человека, имя которого ничего не говорило завсегдатаям «большого света», многие были шокированы. Но отец невесты Ричард Меллон не только дал согласие на этот брак, но даже устроил свадьбу, о которой и сегодня, спустя более чем двадцать лет, в американском «большом свете» вспоминают с удивлением и завистью. Свадьба Сарры Меллон и Алана Скайфа стоила несколько сот тысяч долларов. «То была самая великолепная свадьба, какую только могут припомнить стальные и угольные бароны»,— рассказывает в книге «Миллионы Меллонов» американский писатель Гарви О'Коннор. При этом он отмечает, что рассказ о свадебных расходах Меллона вызвал весьма горькие ощущения у забойщиков «Питтсбург коул компани», ибо управляющие меллоновскими шахтами в день свадьбы выселили их из принадлежащих компании домов.

В печати Америки не часто появляются отчеты о пышных празднествах, устраиваемых богачами. Однако на сей раз из правила было сделано исключение. В летний день 1961 года Меллон устроил невиданный по своей расточительности бал, пригласив на него репортера светской хроники из газеты «Питтсбург пресс». На следующий день газета поместила огромный, на несколько страниц, отчет, который озаглавила: «Вечер Меллона стоимостью в миллион долларов побил все рекорды». Газеты писали, что даже древнеримский император Нерон, известный своей расточительностью, никогда не проматывал столько денег за одну ночь.

Как же можно было ухитриться в одну ночь промотать миллион долларов? Оформление всего праздника, по словам репортеров, было выдержано в строго французском духе. Огромное имение Меллонов в штате Вирджиния представляло во время празднества подлинное море огней и красок. Специально на одну ночь был воздвигнут городок для гостей, в котором каждому из приглашенных отвели коттедж. Эти коттеджи соединялись друг с другом и с главным зданием широкими асфальтированными дорожками.

Вот как описывала празднество питтсбургская газета:

«Танцевальный «павильон» был построен в виде миниатюрного Версаля. Знаменитый Версальский парк воспроизвели путем «посадки» молодых деревьев прямо на деревянном полу,

покрытом имитацией какой-то травы. В верхней части стволов были укреплены проволочные клетки, в отверстия которых продеты живые ветки и листья, причем настолько часто, что создавалось полное впечатление непроходимой лесной чащи. Обеденные столы стояли в этом «парке», и великолепное меню французской кухни было предложено гостям в одиннадцать часов вечера, то есть в самом начале приема; рассвет уже давно наступил, а роскошное пиршество все продолжалось».

Так капиталисты тешат свое тщеславие...

Короли, хотя без короны и скипетра, Меллоны рядятся под демократов. «То, что есть у нас, может иметь любой американец, будь он трудолюбив, экономен и прилежен»,—говорят они. Чего стоят эти разговоры, можно видеть из следующего подсчета. Если допустить, что самый высокооплачиваемый из американских рабочих не будет ни есть, ни пить, не будет тратить ни цента на свои нужды, если весь свой годовой заработок будет откладывать, то для того, чтобы достигнуть уровня Меллонов, ему потребовалось бы свыше 500 тысяч лет, а от богатства Рокфеллеров его отделяет ни больше ни меньше, как... миллион лет.

Но вернемся к Алану Скайфу. Почему же все-таки Ричард Меллон принял в семью человека без роду и племени, а главное, без гроша в кармане?

Почему меллоновское семейство, презрев предрассудки людей своего круга, с готовностью открыло двери перед Аланом Скайфом? Почему в последние годы их примеру последовал ряд других семей крупных миллионеров?

Конечно же, недостаточно приглянуться невесте-миллиардерше, чтобы ее семья дала согласие на брак. Обычно такому согласию предшествует внимательное изучение деловых и прочих качеств жениха, его здоровья, связей, наклонностей.

Алан Скайф, человек из небогатой семьи, с юности был снедаем бешеным честолюбием и неуемной жаждой власти. Неудачей для него закончилась попытка сколотить капитал. Одно за другим терпели крах самые различные начинания Скайфа. И тогда он решил попытать счастья на амурном фронте. На сей раз Скайфу повезло. Он сумел понравиться Сарре Меллон — наследнице огромного состояния.

Скайф и ему подобные люди со стороны — свежая кровь, вливаемая в жилы вырождающихся династий. Они призваны верой и правдой служить семьям, в которые вошли. Это управляющие, но управляющие особого сорта.



форды-автомобильные короли

ДЕЛЕЦ С КАСТЕТОМ

Кому из читателей этой книги не известно имя Форд? Автомобили с этой фамилией на радиаторах разбежались по тысячам дорог мира. Созданные руками искусных рабочих, талантливых конструкторов, инженеров-виртуозов, они рекламируют фамилию хозяев этого крупнейшего автомобильного концерна.

Огромные заводы, сотни миллионов долларов, дворцы и виллы невиданной роскоши — таков фасад этого семейства, обращенный к внешнему миру. А за этим респектабельным фасадом разворачиваются истории, вполне под стать голливудским кинобоевикам с жестокими расправами, интригами, заговорами.

Фордовская компания была основана в начале века ловким и изворотливым дельцом Генри Фордом.

Буржуазная пропаганда создала вокруг него ореол сверхгения. Безусловно, Форд был человеком незаурядным — одаренным изобретателем и организатором.

Следует сказать, что в основе его обогащения лежало прежде всего удачное стечение обстоятельств, а также такие его качества, как безжалостность, хитрость и пренебрежение к общепринятым моральным нормам.

Наследником старого Форда был его сын Эдзел, которого папаша загодя готовил к управлению своим бизнесом. Однако Эдзелу так и не суждено было возглавить семейную фирму. Летом 1943 года американские газеты под огромными заголовками сообщили сенсационное известие: Эдзел Форд, сын и наследник автомобильного короля, внезапно скончался в расцвете лет. Новость действительно была сенсационной. И не только потому, что из жизни ушел представитель одной из богатейших американских семей, но прежде всего потому, что обстоятельства его смерти вызывали весьма серьезные подозрения. В самом деле, Эдзел Форд отличался завидным здоровьем и не страдал каким-либо заболеванием.

Еще накануне смерти Эдзел Форд ни на что не жаловался, проявлял отменный аппетит и провел несколько часов в директорском кабинете, отдавал распоряжения многочисленному персоналу. Вечером он долго беседовал со своими тремя сыновьями: старшим — Генри, названным в честь деда, и двумя младшими — Бенсоном и Уильямом. А утром в спальне был найден его уже похолодевший труп.

Причины внезапной смерти Эдзела Форда не выяснены. О них лишь можно догадываться. На основании чего? Судите сами.

Генри Форд, в течение многих лет занимавший пост президента принадлежавшей ему автомобильной компании, постарел. В кресле вице-президента восседал его единственный сын Эдзел. Но, недалекий и безвольный, Эдзел все больше оттеснялся от дел руководства компанией ловким человеком, который стал между ним и его отцом. Имя этого дельца — Генри Беннет.

История появления Беннета в компании Форда и его продвижение вверх по лестнице заслуживает того, чтобы рассказать о ней особо.

Этот субъект свирепого нрава и с железными кулаками когда-то был моряком, а затем боксером. В 1916 году Беннет попал в охрану Генри Форда, страдавшего манией преследования и патологически боявшегося гангстеров. Беннет стал личным телохранителем своего патрона, затем его доверенным лицом, компаньоном и администратором в правлении компании.

Вот как описывает Беннета известный американский историк Аллан Невинс, посвятивший семейству Фордов обширное исследование: «Плотный, мускулистый, двигающийся, как на

пружинах, видящий все своими жесткими синими глазами, он имел наружность бойца. Острые черты лица, щеки и нос, покрытые шрамами, полученными в молодости, массивная челюсть, тяжелый подбородок и толстая шея создавали облик мрачный и воинственный. Быстрая нервная походка подчеркивала силу его тела, которое всегда было в отличной физической форме. Постоянно бдительный, он мог работать и мозгами и кулаками с одинаковой быстротой».

Генри Беннет был в своем роде первооткрывателем. Сейчас в американской печати немало говорят о проникновении уголовников в бизнес и политику страны. Сегодня в Соединенных Штатах практически невозможно провести четкую грань, которая отделила бы уголовное подполье от вполне респектабельного бизнеса, гангстера от политика. Сплошь и рядом обнаруживается, что руководители преступных синдикатов вкладывают награбленные доллары в акции различных компаний, выступая в роли добропорядочных буржуа, а сам американский преступный мир организован и трестирован по принципам, на которых в Америке строится любой бизнес. Большую роль играет уголовный мир в деятельности местных организаций республиканской и демократической партий городов и штатов страны.

Одним из основоположников этого слияния преступного мира с политикой и бизнесом был Генри Беннет. Это он расставил на важнейшие посты в компании Форда своих дружков. Люди, окружавшие Беннета и осуществлявшие полицейские функции на заводе, были, по словам историка Невинса, «бывшими боксерами, звездами бейсбола и футбола в прошлом, а особым почетом пользовались недавно выпущенные на свободу преступники. Беннет никогда не скрывал своих связей с преступным миром. Комиссия конгресса по расследованию преступности вызывала и допрашивала его в связи с делом известных гангстеров Антони д'Анна и Джо Одониса. Беннет раздавал подарки и подряды главарям мафии, по их просьбе нанимал на работу преступников, попавших в трудное положение. Так, известный гангстер из Детройта Честер Ламар получил подряд на поставку фруктов».

Всю эту свору Беннет держал для устрашения рабочих фордовских заводов. Стоило людям, которых выматывал нечеловеческий темп конвейера, высказать недовольство фордовской потогонной системой, как беннетовские молодчики пускали в ход дубинки и кастеты, обрезки металлических труб и

тяжелые плети. Избитых, искалеченных рабочих сотни на кровавом счету Генри Беннета, считавшего одним из своих главных достижений то, что на фордовских заводах профсоюзы оставались под запретом дольше, чем на всех других.

Старый Форд все больше подпадал под влияние своего фаворита. Беннет стал между Фордом и его семьей — сыном и внуками, фактически лишив их власти в компании. Во всех конфликтах Г. Форд становился на сторону Беннета в ущерб своим наследникам.

Все это дало основание многим в Америке заподозрить мрачную тайну во внезапной кончине Эдзела Форда. Поползли зловещие слухи о том, что дело не обошлось без Беннета, решившего устранить законного наследника, стоявшего на его пути.

После смерти Эдзела Беннет по-хозяйски расположился в кабинете, у дверей которого за несколько лет до того он стоял в качестве личного телохранителя Генри Форда. То и дело в апартаментах директоров фордовских заводов, управляющих различными участками концерна, раздавался телефонный звонок и хриплый голос Беннета властно бросал: «Мистер Форд хочет...», «Мистер Форд просил передать...»

Окруженный ненавистью и интригами наследников Форда, Беннет вел борьбу не на жизнь, а на смерть. Он хорошо знал, с кем имеет дело, знал нравы и мораль, точнее, безнравственность и аморальность того мира, в который он пробрался. Об обстановке, царившей в то время в руководстве фордовской компании, можно судить по тому, что в свой директорский кабинет Беннет являлся вооруженный до зубов, под охраной двух телохранителей из числа преданных ему уголовников. Рядом с золотым пером, которым Беннет подписывал бумаги, на его письменном столе всегда лежал тяжелый кольт, и он владел им лучше, чем пером.

НАСЛЕДСТВО СТАРОГО ФОРДА

А между тем дела компании шли под уклон. Новых моделей появлялось мало, да и те не выдерживали сравнения с машинами других компаний. Прибыли падали. Конкуренты отнимали у Форда одну позицию за другой. Компания не при-

носила прибыли. Она приносила убытки. Причем в таких масштабах, что все фордовское состояние грозило раствориться как дым. По 10 миллионов долларов в год теряла компания в период 1944—1946 годов.

Обеспокоенное этим, фордовское семейство пришло к выводу, что больше так продолжаться не может. Прежде всего на семейном совете было решено любыми мерами изгнать Беннета и поставить у руководства компанией старшего из представителей третьего поколения, внука старого Форда, тоже Генри, который еще в школьные годы стал подписываться «Г. Ф. II» — «Генри Форд II». Решили воспользоваться тем обстоятельством, что, передав в руки Беннета исполнительную власть, хитрый Форд все же сохранил за собой пост президента и право окончательного решения. Жена старика Клара Форд стала настойчиво убеждать мужа отказаться от президентского поста, передав его старшему внуку.

После длительных уговоров, в один из весенних дней 1945 года, дряхлый глава семейства, поддерживаемый внуками, был введен в зал, где заседал совет директоров компании. Сказав собравшимся несколько нечленораздельных фраз, слабеющей рукой он подписал приказ, которым назначал Генри Форда II президентом компании. На следующий же день новый президент повелел изгнать из компании Беннета. Очевидец, находившийся в кабинете Беннета, когда тот узнал о случившемся, рассказывает, что взрыв ярости свергнутого властителя не поддается никакому описанию. «Лицо его перекосилось от злобы, он сжал кулаки и стал крушить все вокруг себя. «Сукин сын, юнец, жаль, что я не придушил его».

Правда, в своих воспоминаниях, названных «Мы никогда не звали его Генри», которые Беннет выпустил в 1951 году, удалившись от дел в свое богатое имение в Калифорнии, он рисует совсем иную картину. По его словам, Форд II самолично явился к нему после своего назначения на президентский пост. «Поздравив нового президента,—рассказывает Беннет,— я сказал ему, что хотел бы его полюбить и стать ему таким же другом, каким я был для его великого деда». На это Форд якобы ответил Беннету, что он разделяет эти чувства и не знает, что будет без него делать. «Оставайтесь и работайте в компании до конца дней своих»,— будто бы сказал молодой Форд.

Беннет не объясняет, почему ему все-таки пришлось уйти. «Иногда,— рассказывает он в книге,— мой старый хозяин звонил мне по телефону и, если при этом около него никого не

было и его никто не мог слышать, жаловался на свою судьбу и просил вернуться. Потом он вдруг начинал плакать и что-то бессвязно бормотать. В конце концов я перестал обращать внимание и на его просьбы, и на его звонки».

В 1947 году старый Форд умер. Его наследники оказались во главе концерна, включавшего 48 заводов в 23 странах мира. В цехах этих предприятий трудилось свыше полутораста тысяч рабочих.

В чьи же руки попали огромные фордовские богатства?

Компанию «Форд мотор К⁰» (так она сейчас официально называется) возглавляют три брата: Генри, Бенсон и Уильям Форды — внуки старого Генри, воспитанию которых он уделял особое внимание. По его собственным словам, он приобщал их к самым простым и скромным радостям жизни: разрешал им спать в сарае, так как ему казалось, что это должно приводить в трепет каждого ребенка; ходил вместе с ними разорять птичьи гнезда, с малых лет поощрял на мелкие спекуляции, считая, что это развивает деловые способности.

Главой фирмы считается старший из братьев—Генри Форд, которому в 1972 году исполнилось 54 года. Журнал «Тайм» посвятил как-то братьям обширную статью, полную почти-

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

храмы америки



Издавна принято считать архитектурный стиль той или иной эпохи одним из характерных показателей времени, нравов и даже, если хотите, общественных отношений. В прошлом самыми торжественными строениями были храмы, позднее правительственные учреждения, театры, стадионы стали безмолвными воплощениями идей и фетишей разных обществ.

В сегодняшней Америке строят много, строят быстро. Нередко красиво. Чаще всего масштабно. Мне бросилось в глаза многозначительное обстоятельство, думается, важное и по-

тельного восхищения и эпитетов в превосходной степени. Однако, несмотря на все старания, автор статьи, рисуя портрет нынешнего главы династии, смог лишь сказать о нем: «Генри довольно полный мужчина, высокого роста. Так же как и старый Генри, он мало читает. Он принадлежит к тем людям, которые все узнают и схватывают на слух».

Как свидетельствует журнал, «Генри Форд не проявил себя в годы учебы способным студентом. Он ушел из Йельского университета со старшего курса в 1940 году, и его академические успехи были явно недостаточны для получения диплома об окончании университета». Можно представить себе «академические успехи» мистера Генри Форда II, если даже носителю столь громкого имени руководители университета не решились выдать диплом.

Убедившись в том, что гранит науки не по зубам Генри II, его родители, а также дед с бабкой решили на семейном совете больше ребенка не мучить и учебой ему не докучать. «Не хочет учиться — пускай женится»,— решил Эдзел Форд и сочетал своего отпрыска с Анни Макдоннел — наследницей крупного состояния. Этот брак был полезен для фордовской семьи тем, что укреплял их связи с могущественными банками.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

казательное для нынешних американских городов: самые пышные, наиболее эффектные творения современной архитектуры из стали, алюминия, меди, пластика и стекла — это здания банков и правлений промышленных корпораций. В средних и небольших городках они служат ориентирами, вертикальной осью, на которую нанизываются улицы и здания. Можно не читать медных табличек у входа в эти здания, все равно не ошибешься, определив их как вместилища денежной благодати. Мне довелось проехать по американским дорогам тысячи миль, останавливаться в десятках городов и городишек, и каждый раз, пожалуй, без единого исключения, я сталкивался именно с этим. Выйдя утром из гостиницы незнакомого городка и оглядевшись, я безошибочно определял центр города. Именно в центре располагаются два-три крупнейших банка, и именно их здания господствуют над каждым из сегодняшних американских городов.

Это, пожалуй, не частная деталь. Тут проявляется мировоззрение сегодняшнего американского общества, насквозь пронизанного прямо-таки религиозным поклонением денежному мешку, определяющему ныне за океаном все — политический курс, систему взглядов...

Родители подарили новобрачным роскошный дворец на Кросспойнт и 25 тысяч акций «Форд мотор К°», как заявил отец жениха, «в знак признания того факта, что Генри кончает студенческую карьеру и после женитьбы вольется в «Форд мотор», которая станет полем его деятельности, а также того, что он является в настоящее время директором компании». С тех пор Генри Форд II стал бизнесменом.

Американские справочники утверждают, будто Генри Форд II не один из хозяев, а всего лишь служащий компании. Правда, служащий весьма высокооплачиваемый, один из трех наиболее высокооплачиваемых служащих в стране, но все-таки только служащий.

Занимая должность председателя правления компании «Форд мотор», он получает 585 тысяч долларов в год. Однако жалованье это — мелочишка по сравнению с деньгами, которые ежегодно этот «сам у себя служащий» кладет в карман в виде миллионных прибылей!

Но справочники справочниками, а жизнь жизнью. Каков он, Генри Форд II, сегодняшний глава династии миллиардеров, как выглядит, о чем думает, как руководит своим бизнесом? Я решил выяснить это у него самого. Встреча наша состоялась в штаб-квартире фордовской компании.

Представьте себе 12-этажный алюминиево-стеклянный прямоугольник, расположенный в центре Дирборна — столицы фордовской империи. Каких-нибудь 50 лет назад это была маленькая деревушка, жители которой выращивали овощи для продажи на городском рынке в близлежащем Детройте. Ферма старого Форда находилась именно здесь. Здесь был собран первый автомобиль. Сейчас здесь расположены заводы фордовской компании. А из стеклянного дома братья Форды управляют своим многомиллионным бизнесом. Дом этот господствует надо всем городом.

Бесшумный лифт доставляет на 12-й этаж, в кабинет Хозяина (так почтительно именуют Генри Форда II служащие компании). Из больших окон открывается вид на город — серые громады заводских корпусов. Огромный кабинет, тщательно обставленный, являет собой нечто среднее между обиталищем бизнесмена и конструкторским бюро. Вся его обстановка, включая эллипсовидный стол хозяина кабинета, должна наводить посетителя на мысль о сверхсовременности фордовского бизнеса, внушать почтение.

Правда, Генри Форд, несмотря на техницизированную об-

становку его кабинета, никакого отношения к инженерной деятельности не имеет, что в разговоре сам и признал.

— Мое дело,— сказал он,— люди. Я, если хотите знать, скорее начальник отдела кадров нашей фирмы, нежели что-либо другое. Конструкции и чертежи не мое дело. Для этого есть специалисты. Я подбираю людей. Самых квалифицированных. Самых талантливых. Отовсюду, где могу их найти.

Это действительно один из секретов процветания фордовского бизнеса. Братья не жалеют денег, переманивая отовсюду первоклассных специалистов. В других случаях прижимистые, они щедро раскрывают свой кошелек, когда речь идет о талантливых конструкторах, инженерах, технологах, архитекторах, ибо уверены, что затраченное вернется сторицей.

В разговоре автомобильный король не скрывает самодовольства.

— Когда наша печать представляет меня публике,— говорит он,— после моего имени не ставят запятую; достаточно сказать «мистер Форд», не добавляя, кто он такой и чем занимается. Меня знают и так.

Но фордовское самоуважение не ограничивается простым тщеславием. Оно идет гораздо дальше. Он отнюдь не скрывает, что считает себя причастным не только к проблемам автомобильного бизнеса. «У страны есть много серьезных проблем,— говорит он.— И я считаю, что все они нас касаются непосредственно». Когда Линдон Джонсон стал президентом, он продвинул Генри Форда, которого называл своим другом, на пост главы «Национального союза бизнесменов», что дало автомобильному королю возможность оказывать влияние на решение многих проблем вашингтонской политики.

В кулуарах поговаривали, что Форд не прочь занять и более высокие посты в правительственной администрации. На вопрос, так ли это, он, многозначительно усмехнувшись, ответил, что в ближайшее время не собирается покидать этого кабинета,— Форд широким жестом указал на помещение, в котором происходила беседа.

— Это в ближайшее время. А дальше?

— На этот вопрос разрешите вам не отвечать. Поживем — увидим.

И, явно желая сменить тему разговора, автомобильный король начинает рассказывать о коллекции картин, которую он собрал в своем доме — расположенном неподалеку отсюда красном кирпичном замке, построенном в стиле английских

королей. Эта коллекция содержит действительно бесценные сокровища, картины замечательных художников: Ван-Гога, Матисса, Дега.

Задаю вопрос:

— А какова главная проблема вашей компании в настоящее время?

И тут Форд сразу же становится самим собой.

— Главная проблема? — спрашивает он.— На это легко ответить. Конечно же, делать деньги.

Обратите внимание: делать не автомобили, а деньги. Автомобили — лишь путь к деньгам, не более того, в чем с очаровательной непосредственностью Форд и признается. Впрочем, дело, пожалуй, все-таки не в наивности, а скорее в цинизме.

Наш разговор вновь возвращается к личным планам Генри Форда II. Он не отрицает, что может случиться так, что он покинет кресло главы компании ради важного правительственного поста. Это не повредит бизнесу.

— Ну, а кто же возглавит концерн? Подрастает сын, ему сейчас 20 лет, его зовут Эдзел, в честь моего отца. Захочет ли он заниматься автомобильным бизнесом? Надеюсь, что захочет. Во всяком случае, его к этому готовят.

А пока рядом с Генри Фордом его младшие братья — Бенсон и Уильям; в соседнем кабинете, хотя и поменьше размером, но тоже достаточно пышном,— Бенсон, ближайший помощник Генри II в руководстве компанией. Ему тоже не повезло на ниве просвещения. С трудом добравшись до второго курса Принстонского университета, он прочно застрял там, не будучи в силах двинуться дальше. Чтобы избежать насмешек, Бенсон объявил, что ему трудно учиться, так как он плохо видит на один глаз. Старик Форд пожалел внука и разрешил ему покинуть университет. А дальше все шло по уже накатанной колее: женитьба и деятельность в компании.

Женой Бенсона Форда стала Эдит Макнотон — дочь вице-президента «Кадиллак мотор компани». Деньги должны жениться на деньгах и порождать новые деньги — таков неукоснительный принцип семейной жизни миллиардеров. Правда, как свидетельствует пресса, ранний брак не остепенил слывшего повесой наследника фордовских миллионов. По словам журнала «Тайм», «было в жизни Бенсона время, когда он предпочитал своему служебному кабинету различные питейные заведения и ночные клубы». Сейчас Бенсон Форд ру-

ководит группой, ведающей выпуском автомобилей «линкольн» и «меркурий». Впрочем, не столько руководит, сколько при сем присутствует. По-настоящему осуществляет руководство бизнесом группа высококвалифицированных специалистов — инженеров-экономистов, конструкторов.

Третий босс автомобильной «империи Фордов» — Уильям, или, как его называют, Билл,— моложе старшего из братьев на 10 лет. По свидетельству американской печати, он страстный игрок в гольф и коллекционер марок. Вот и все его «таланты». В 25 лет Уильям стал одним из директоров семейной компании. Не в силу способностей, а ввиду своей фамилии.

МИЛЛИОНЕРЫ И ПРАВИТЕЛИ

Ну, а на чем сегодня Форды наживают свои миллионы? Что производят на заводах, принадлежащих братьям?

Фирма «Форд мотор» занимается производством, сборкой и сбытом легковых автомобилей, грузовиков, автомобильных частей, колесных тракторов, различных сельскохозяйственных орудий и авиационных двигателей. Примерно треть всех автомобилей, выпускаемых в Соединенных Штатах, приходится на долю фордовской компании.

Но не только автомобили сходят с конвейеров фордовских предприятий. Все большее место в продукции компании занимают различные виды вооружения. Компания продает правительству двигатели для реактивных истребителей, авиационные поршневые двигатели, части для бомбардировщиков, танки и многое другое.

Захватить в свои руки как можно больше военных заказов правительства, сбыть оружие по наивысшей цене — такова одна из главных забот братьев Фордов вот уже много лет.

Для осуществления этой задачи они действуют весьма хитро и с большим размахом. Излюбленная их метода — сажать на ключевые посты в американском правительстве благоволящих им деятелей. Да не каких-нибудь, а самых высокопоставленных. Возьмем, к примеру, генерала Эйзенхауэра, занимавшего президентский пост в пятидесятые годы. В 1952 году на чикагском съезде республиканской партии, которому надлежало выдвинуть кандидата в Белый дом, дела Эйзен-

хауэра поначалу обстояли неважно. Его конкурент сенатор Тафт, за которым стояли миллиардеры Чикаго и Кливленда, шел впереди. Тогда на съезде появился самолично Генри Форд.

В конце концов это и решило исход дела. Эйзенхауэр никогда не забывал об этом. И военные прибыли концерна Фордов в период его президентства достигли размеров весьма внушительных.

О степени близости Фордов с президентом Эйзенхауэром можно судить и по такому из ряда вон выходящему случаю. Обычно американские президенты тщательно прячут свои связи с миллионерами — крупными предпринимателями и банкирами. Считается неполитичным публично их демонстрировать. Но, преисполненный благодарности братьям Фордам за их поддержку в ходе президентских выборов, генерал Эйзенхауэр решил презреть политические традиции.

В 1953 году в фордовской столице Дирборне пышно отмечалось 50-летие со дня основания компании. Со всех концов страны съехались видные представители делового мира. Торжества закончились роскошнейшим приемом, проходившим в специально построенном для этой цели богатом помещении. В разгар празднества в зале появился президент Эйзенхауэр в сопровождении большой свиты. На следующий день он самолично перерезал ленточку у входа в только что отстроенное здание, предназначенное для конструкторского отдела и исследовательского центра фирмы. В торжественной речи президент не скупился на комплименты по поводу «достижений» и заслуг перед страной семьи Фордов.

Но Эйзенхауэр не ограничился словесными излияниями. Спустя несколько недель после празднества в Дирборне президент опубликовал указ, в соответствии с которым Генри Форд II назначался представителем Соединенных Штатов на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

С приходом в Белый дом Джона Кеннеди дела Фордов отнюдь не ухудшились. Пост министра обороны в правительстве Кеннеди занял Роберт Макнамара, просидевший в министерстве обороны около восьми лет. Но кто такой Макнамара? Ближайший помощник Генри Форда, занимавший в его компании второе после хозяина место.

Любопытна история того, каким образом управляющий фордовской компании стал министром обороны Соединенных Штатов. Через несколько дней после того, как Джон Кеннеди

въехал в Белый дом, у него состоялась встреча с Генри Фордом II.

Сам Форд впоследствии рассказал, сколь усиленно он рекомендовал Кеннеди остановить свой выбор на Макнамаре в качестве министра обороны в новом правительстве. «Если ему,— сказал Форд президенту,— будет предоставлена возможность сделать на посту министра обороны такое же хорошее дело для страны, какое он сумел сделать для моей компании за последние 15 лет, то выгода, измеряемая в плане национальных интересов, облегчит для компании «Форд мотор» потерю, связанную с его уходом».

Говоря о «потере», Генри Форд бесподобно лицемерил. Какая уж тут потеря, когда министр обороны — это тот человек, которому в Вашингтоне поручено распоряжаться ежегодно по меньшей мере пятьюдесятью миллиардами долларов правительственного бюджета, распределяя их между частными фирмами и концернами в виде военных заказов. Форды отнюдь не потеряли, посадив своего управляющего в кресло министра обороны. Напротив, с того момента, как фордовский человек стал во главе Пентагона, кривая их доходов круто пошла вверх.

Благодарный Эйзенхауэр, Кеннеди, выслушивающий советы и поступающий в соответствии с ними,— мало кто может похвастаться подобным. Но, быть может, с приходом в Белый дом президента Джонсона что-нибудь изменилось? В какой-то степени ответил на этот вопрос американский журнал «Форчун», пожалуй наиболее информированный в делах предпринимательства. В одном из номеров журнала появился такой репортаж: «Это был обычный знойный июльский день в столице страны... Федеральное авиационное управление подготовило национальный аэропорт для приема 92 частных самолетов, в том числе и 12 реактивных самолетов «Локхид», которые в этот день доставили в Вашингтон необычных посетителей. Все они должны были направиться на Пенсильвания-авеню, 1600 и завтракать с президентом (Пенсильвания-авеню, 1600—адрес Белого дома в Вашингтоне.—*В. З.*). Свыше двухсот бизнесменов и одна бизнесменка, числившиеся в списке гостей Белого дома, откликнулись на разосланные президентом по телеграфу приглашения приехать в Вашингтон и «обменяться мнениями» за блюдом мексиканских цыплят».

А при чем тут Форды? «На самом почетном месте — по правую руку от президента — сидел Генри Форд II,— сооб-

щает журнал.— Он, конечно, крупнейшая добыча Джонсона». Форд, сидящий по правую руку от президента на дружеском завтраке бизнесменов с главой государства,— не случайность, не прихоть церемониймейстера, а деталь, точно характеризующая реальное положение вещей. В одном только можно упрекнуть редакторов «Форчуна». Утверждая, будто «Генри Форд II — добыча Джонсона», они, видимо, решили польстить президенту. Множество фактов последних лет свидетельствуют о другом. В частности, в ходе выборов 1964 года Форд своими деньгами поддержал Джонсона. Сам автомобильный король не раз говорил об этом, подчеркивая, что впервые в своей жизни голосовал за демократов. На вопрос о причине такого шага Генри Форд II снисходительно отвечает: «Я думаю, что Джонсон великолепен».

Ну, а при Никсоне? Не поколебались ли фордовские позиции в никсоновском Вашингтоне? Отнюдь. На протяжении многих лет предусмотрительные Форды щедро вносили деньги в избирательные кампании Никсона. Надо полагать, не случайно министр обороны в сформированном Никсоном правительстве Лейерд весьма близок к этой семье.

Так было. Так будет и дальше, независимо от того, кто будет обитать в резиденции американских президентов, ибо не Форд — добыча хозяина Белого дома, но, наоборот, Белый дом — давняя и важная добыча небольшой кучки самых богатых людей Америки, без соизволения которых правительство этой страны не сделает и шагу.

Основатель компании обожал рекламу. Чего только не предпринимал старый Форд, чтобы его имя никогда не сходило с первых страниц газет: от самоличного участия в автомобильных гонках до разговоров о намерении баллотироваться на пост президента Соединенных Штатов. Утонченная политическая демагогия прочно взята на вооружение хозяевами компании «Форд».

Как-то к Генри Форду обратились с вопросом: «Мистер Форд, о вас говорят, что вы идеалист. Не можете ли вы объяснить, что означает слово «идеалист»?»

Форд задумался и ответил: «Идеалистом я считаю человека, который помогает ближним зарабатывать деньги».

История не сохранила имени ни одного из сотен тысяч фордовских рабочих, который в результате многолетнего каторжного труда сумел бы разбогатеть. Не сохранила по той простой причине, что таких случаев нет. Ближние «идеалиста»

Форда работали от зари до зари, оставляя у фордовского конвейера свою молодость, силу, здоровье.

И сегодня «идеалисты» братья Форды «помогают ближним зарабатывать деньги». Официальная американская статистика свидетельствует: чистый доход Фордов от каждого рабочего их заводов составляет 1,47 доллара в час.

Иные цифры не нуждаются в комментариях. За каждый час каждый из почти 200 тысяч рабочих приносит своим хозяевам полтора доллара чистоганом!



прошлое и настоящее рода дюпонов

РАСКРЫТАЯ ТАЙНА

Осенью 1968 года, когда в Америке подходила к концу кампания подготовки к очередным выборам президента страны, мне довелось довольно близко наблюдать одну историю, которую американская печать стала называть «таинственной», «необъяснимой», «феноменальной». Поначалу все действительно представлялось таинственным и необъяснимым.

Мы уже имели случай на этих страницах говорить о роли денег в политической карьере американских деятелей, особенно претендующих на высший государственный пост в стране.

Политик, который добьется наконец доверия и заручится поддержкой больших денег, выдвигается на первые роли.

Как всегда, кандидатами обеих главных партий Америки, республиканской и демократической, были деятели, давно и хорошо известные: два вице-президента — Никсон, занимавший этот пост в правительстве генерала Эйзенхауэра, и Хэмфри, состоявший в вице-президентах при Джонсоне. Прежний президент Джонсон, отказавшись выставить свою кандидатуру на пост президента, в те дни уже упаковывал свои чемоданы, готовясь перебраться на свое частное ранчо в штате Техас.

И вдруг на авансцене появился третий претендент на президентское кресло. Неожиданным было то, что имя этого третьего большинству американцев мало что говорило. И наконец, самым неожиданным, тем, что заставило заговорить о «таинственности» и «феноменальности» происшедшего, оказалась та немалая поддержка, которую этот, нарушивший привычный ход избирательной кампании, деятель получил.

Кто же он такой?

Его зовут Джордж Уоллес. Представьте себе невысокого человечка, неопределенного возраста, с маленькими, беспрестанно бегающими глазками, суетливыми движениями и зычным, каким-то лающим голосом,— это и есть портрет деятеля, чья звезда внезапно и совершенно неожиданно для большинства стремительно взлетела на американском политическом небосводе.

Еще недавно он зарабатывал на жизнь... в профессиональном боксе, выступая на рингах Юга Америки в наилегчайшем весе, или, как там это зовется, в «весе петуха». Щуплый, юркий, необычайно злой, он иногда бывал жестоко бит, а иногда и выигрывал две-три сотни долларов.

А потом все внезапно и таинственно переменилось. Он стал полицейским чиновником, шерифом, судьей. Словно ведомый чьей-то невидимой рукой, Уоллес быстро шел вверх по лестнице карьеры. Прошло несколько лет, и этот маленький человечек с зычным голосом стал губернатором южного штата Алабама. И не просто губернатором, а губернатором со славой погромщика и палача. Злобные речи Уоллеса с призывами к расправам над неграми, удары полицейских дубинок, которые по его приказу обрушиваются на головы участников студенческих демонстраций, быстро сделали его любимцем реакции, фаворитом ку-клукс-клана и других фашистских и полуфашистских банд.

Но все это сделало Уоллеса известностью, так сказать, местного значения, не выходившей за пределы южных штатов, знаменитого американского «черного пояса», где негры особенно бесправны, а расисты особенно безнаказанны, а потому наглы. Как же случилось, что Уоллес смог замахнуться на пост президента Соединенных Штатов, и не только замахнуться, а сделать к нему значительный шаг. Во время выборов он набрал около 10 миллионов голосов и заявил, что это была генеральная репетиция, а настоящий бой он даст на следующих выборах, осенью 1972 года.

Задавшись этим вопросом, мы и обнаружили нити, тянущиеся к старинному роду Дюпонов. Собственно говоря, Дюпонами они стали сравнительно недавно, каких-нибудь сто лет назад, очутившись на американской земле. А до этого, на протяжении веков, имя этой семьи в золотой книге французского дворянства писалось дю Пон.

Но какое же отношение имеют отпрыски французских аристократов к неудачливому боксеру и фашиствующему демагогу из Алабамы? — спросит читатель. Что общего между историей дюпоновского рода и стремительной карьерой лидера американских фашистов?

Попробую ответить на этот вопрос, начав с экскурса в историю. Вспомните кардинала Ришелье — всесильного временщика в правление Людовика XIII. Того самого Ришелье, с гвардейцами которого скрещивали шпаги Атос, Портос, Арамис и их юный друг лихой гасконец д'Артаньян. Если бы Александр Дюма, автор книги о похождениях королевских мушкетеров, дожил до сегодняшних дней и узнал о деяниях неких Дюпонов из Нового Света, он наверняка, листая хроники царствования Людовиков Бурбонов, обратил бы особое внимание на дворянчиков, носивших фамилию дю Пон.

А обратив на них внимание, без труда обнаружил бы одного из них в коридорах дворца Ришелье. Одетый в форму кардинальской гвардии, он слыл гулякой и повесой. Щеголь и волокита, он тратил на кружевные манжеты, драгоценные перевязи, кутежи и попойки денег значительно больше, нежели получал от управляющего своих пришедших в упадок поместий. Именно поэтому он брался за выполнение самых скользких поручений своего покровителя, получая за делишки, от которых отказывались другие дворяне, толстые кошельки со звонкими луидорами. И кто знает, быть может, среди тех, с кем скрещивала шпаги отважная и честная четверка мушкетеров, бывал, во всяком случае мог быть, и кардинальский любимчик шевалье дю Пон.

Шли годы. Менялись короли на престоле Франции. Род маркизов дю Пон знал и взлеты и падения. Бывали времена, когда они блистали среди приближенных короля, приходилось им и обретаться на задворках. Паркетные шаркуны и моты, дуэлянты и великосветские волокиты, они неизменно сохраняли, передавая из поколения в поколение, неимоверную спесь и презрение к тем, за чей счет они существовали.

Именно это, вошедшее в плоть и кровь рода дю Пон, пре-

зрение и ненависть к простому народу привели Пьера Самюэля дю Пона и его юного отпрыска Элетера в парк королевского дворца Тюильри в бурные и грозные дни 1792 года, когда восставший народ Франции осадил этот дворец. Дрожавший от страха, безвольный и неумный Людовик XVI прятался во внутренних покоях дворца, прислушиваясь к жидкому ружейному огню, при помощи которого засевшая в парковых аллеях кучка дворян из его окружения пыталась остановить ход истории. Отец и сын дю Пон были среди них. Потом пришлось улепетывать. Без оглядки. Забыв про короля, королеву и дворянскую честь.

Поначалу они рассчитывали отсидеться. Пьер Самюэль решил даже перекраситься в республиканца. Документы Великой французской революции свидетельствуют о том, что гражданин дю Пон заседал в Учредительном собрании, а затем ухитрился стать председателем Законодательного собрания. Во времена Директории он восседал в кресле Совета старейшин. Потеряв свои дворянские титулы, упраздненные революцией, он сохранил поместья, деньги и влияние. Казалось, бури остались позади.

Но так лишь казалось. Генерал Бонапарт, еще не ставший императором Наполеоном I, шел к власти как представитель народившейся буржуазии. Феодальные привилегии аристократов были ему помехой, и Пьеру Самюэлю при всем его старании не удавалось втереться в доверие быстро шагавшего в гору генерала. И тогда... вместе с сыном он участвовал в интригах и заговорах, предательских переговорах с иноземными державами, печатал и распространял контрреволюционные прокламации.

Нет, дело было не в личной неприязни к генералу Бонапарту и даже не в преданности поверженной монархии. Маркизы дю Пон готовы были в конце концов, хотя и не без сожаления, распроститься с наследственными титулами, и гербами. Им было в конце концов все равно, кто по-хозяйски станет разгуливать в покоях королевских дворцов — члены контрреволюционной Директории или генерал, захвативший власть, король или безвестный корсиканец, провозгласивший себя императором французов.

С чем они не желали расставаться — это со своими богатствами, властью. Каждый, кто угрожал этому, становился их смертельным врагом. «Взбунтовавшаяся чернь», посягнувшая на их права и привилегии,— вот что стало объектом неизбыв-

ной, постоянной и бешеной ненависти рода дю Пон, стало их наследственной отличительной чертой, передаваемой из поколения в поколение.

Заговорщическая деятельность отца и сына дю Пон в конце концов выплыла наружу, и в один отнюдь не прекрасный день над ними нависла тень гильотины. Кем-то предупрежденные о грозящей им опасности, темной осенней ночью бежали они из своего родового имения. Захватив фамильные драгоценности и кожаные мешки с золотыми монетами, в которые они загодя перевели принадлежавшие им богатства, Пьер Самюэль и Элетер дю Пон, закутавшись в черные плащи и пряча лица, пробрались на корабль, готовившийся к отплытию в неведомый Новый Свет, как называли тогда европейцы североамериканский континент. После многонедельного путешествия бывшие французские аристократы высадились на американской земле. Старый дю Пон скоро умер, завещав сыну и свое состояние, и свою ненависть.

В начале века в крошечном тогда городишке Уилмингтоне, расположенном в лесах Делавэра, появилось маленькое предприятие, на воротах которого была водружена вывеска: «Э. И. Дюпон де Немур». «Э. И.» значило Элетер Иринэ — имя основателя компании. Преобразованная на американский лад фамилия читалась просто Дюпон, а чтобы не забывали, что речь идет не о каких-то там обыкновенных американцах, без роду и племени, в названии фирмы и по сей день значится «де Немур» — родовое имя и название давно уже не существующего владения на севере Франции.

Нельзя отказать беглому французскому аристократу в деловой хватке. Фамильные драгоценности он употребил на то, чтобы создать завод по производству пороха. Именно на нем он решил делать свой бизнес. С тех пор война, производство орудий смерти и дюпоновское семейство — понятия неразделимые.

Ну, а при чем же здесь все-таки Джордж Уоллес? — спросите вы. Заинтригованный тайной стремительного вознесения этого деятеля, я взялся в дни пребывания в Америке за выяснение вопроса: что за таинственные пружины обеспечили стремительную карьеру ничем не примечательного провинциального демагога и крикуна? В ходе этого поиска выяснились вещи отнюдь не таинственные, а весьма обычные для американских толстосумов.

Обычно Дюпоны держатся в тени. Они не любят выстав-

лять напоказ нити, при помощи которых управляют многими видными вашингтонскими деятелями. Однако иногда тайное становится явным. Известный американский прогрессивный журналист Арт Шилдс рассказал об одном случае из своей практики.

«Несколько лет назад,— поведал Шилдс,— мне удалось проникнуть в отель «Уолдорф Астория» на фашистский банкет, который был закрыт для прессы. Почетным гостем на этом банкете был фашистский писака и радиокомментатор по имени Эптон Клоуз, которому незадолго до того запретили выступать по радио за крайний антисемитизм. За столом председательствовал Мервин Харт, известный фашист. Харт раньше был платным пропагандистом генерала Франко. Он разделял и до сих пор разделяет все идеи Гитлера. Он требует произвести вторжение на Кубу и разорвать отношения с СССР. В своих бюллетенях для бизнесменов Харт постоянно клеймит саму идею демократии.

В подпитии сам Харт разболтал, что все его пропагандистские программы на протяжении вот уже ряда лет оплачивает семейство Дюпонов. То, что это не было пустыми словами, подтверждалось тем, что тут же, за столом, самолично восседал не кто иной, как Ламмот Дюпон». Поистине трогательная застолица — фашистские погромщики в обнимку с заправилами дюпоновского клана.

Рассказ Шилдса показался мне важным. Дальнейший поиск подтвердил, что уже давно именно дюпоновское семейство щедро финансирует самые реакционные фашистские и полуфашистские организации Америки. Сенатская комиссия, проводившая специальное расследование, обнаружила, что еще в 30-х годах концерн Дюпонов передал несколько сот тысяч долларов погромным антинегритянским организациям. При этом цель Дюпонов была ясна: значительное число их заводов расположено на юге страны и в прилегающих к нему штатах, в связи с чем подъем борьбы трудящихся негров никак не входит в расчеты этого семейства.

Именно здесь и лежит точка, где пересеклись пути выходцев из французской аристократии, а ныне пушечных королей Дюпонов и выскочки-самоучки, любимца южных расистов Джорджа Уоллеса. При ближайшем рассмотрении оказалось, что никакого «феномена», ничего таинственного в феерической карьере бывшего боксера нет. Ларчик сей открывается очень просто. Его луженая глотка, выкрикивающая ругательства в

адрес негров, евреев и коммунистов, привлекла благосклонное внимание нескольких весьма влиятельных персон, среди которых отнюдь не случайно оказались и Дюпоны. Они-то и стали раздувать эту фашиствующую лягушку до масштабов общенационального лидера реакции. Итак, во время президентских выборов 1968 года Уоллес получил 10 миллионов голосов.

Почему? Как объяснить эту массовую поддержку?

Она результат нескольких обстоятельств. Важным из них является неограниченная финансовая поддержка, в том числе дюпоновская, которой Уоллес располагает. Имеет значение и наличие в Америке многочисленной прослойки мелких и средних буржуа, ненавидящих рабочих, боящихся негров и уповающих на силу в борьбе с прогрессивным движением. Немалую роль играет и политическая неискушенность так называемого среднего американца, его неумение разбираться в элементарных, казалось бы, вопросах политики, таких, в которых у нас в стране разбирается любой семиклассник. Дело тут доходит буквально до анекдотов.

Расскажу эпизод, свидетелем которого мне довелось быть. Дело происходило в городе Канзас-сити осенью шестьдесят восьмого года. По приглашению моих американских коллег я находился в студии местного телевидения в тот момент, когда по национальному телевидению выступал президент Джонсон. Стремясь в последний момент изменить ход предвыборной кампании, складывавшейся явно не в пользу возглавляемой им демократической партии, он решил сделать заявление о прекращении бомбардировок вьетнамских городов. Президентское выступление было подано типично по-американски: на полуслове прервали передачу детектива с выстрелами и реками крови.

Тотчас же после появления президента на экране в комнате телевизионной редакции зазвонил телефон. Я сидел к телефону ближе всех и поэтому снял трубку.

— Это телевидение? — услышал я мужской голос.

— Да,— ответил я.

— Сейчас по телевидению выступает какой-то гай (гай — это жаргонное словечко, которое означает не то тип, не то малый, а то даже и чучело). Этот гай плетет какую-то ахинею о Вьетнаме. Неужели ради этой чепухи нужно было прерывать передачу, да еще на самом интересном месте?

Я ответил, что, по-моему, этот «гай» — президент Соединенных Штатов Линдон Джонсон.

— Что вы говорите! — услышал я в ответ.— Тогда пойду послушаю.

Это не анекдот, а случай, происшедший 2 ноября 1968 года в одном из крупных американских городов. И дело здесь не в каком-то непочтении к власти, а в том, что многие американцы не проявляют никакого интереса к политическим проблемам и к политическим деятелям. Для них кинобоевики с выстрелами куда важнее, нежели реальные проблемы и реальные выстрелы. Да и сами эти кинобоевики как раз преследуют, и, как видим, небезуспешно, цель вполне определенную: они стремятся отвлечь американцев от острых проблем современности. Если вдуматься серьезно, то президенту Джонсону, узнай он об этом случае, не следовало бы обижаться. Наоборот, он должен был бы возрадоваться тому, что многие из его сограждан, усыпленные бесконечными детективами, оставались глухи к реальной крови и реальным выстрелам.

Такая почва является благоприятной для процветания различного рода демагогов и тех, кто за ними стоит. В данном случае одной из главных сил, стоящих за Уоллесом, является дюпоновское семейство.

Пронеся через столетия ненависть к простым людям, смертельный страх перед народным гневом, Дюпоны увидели в Джордже Уоллесе подходящее орудие для борьбы с массами и сделали на него ставку. Вот и вся тайна.

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ЗАЙЧИШКА И МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ

Но что же представляют собой потомки фаворитов Людовика XVI, чем владеют, откуда их мрачная слава?

Неправдоподобная, фантастически огромная сумма — 21 миллиард долларов составляет капитал, находящийся сегодня под контролем этого семейства. Начали они с производства пороха. Военному бизнесу остались верными и по сей день.

Правда, порохом в наше время никого не удивишь. И Дюпоны давно уже переключились на атомное оружие. Именно на их заводах изготовляется смертоносная начинка атомных и водородных бомб, в их лабораториях разрабатываются новые средства массового уничтожения людей..

Семейство Дюпонов сегодня весьма многочисленно. Их полторы тысячи человек, не больше и не меньше. Досужие любители статистики подсчитали, что ежегодный прирост этой семейки превышает 30 человек. На полторы тысячи Дюпонов приходится свыше 300 тысяч работающих для их прокорма.

Подавляющее большинство членов семьи о бизнесе имеет самое отдаленное представление. Братья и сестры, двоюродные, троюродные, внучатные племянники, представители ветвей прямых и боковых — многие из них ведут жизнь типичных рантье.

Как свидетельствует «Толковый словарь русского языка», рантье — это «человек, живущий на нетрудовой доход, получаемый в виде ссудного процента, дивиденда — ренты».

Одним словом, кто-то трудится — изобретает, пишет книги, конструирует новые машины, а каждый из Дюпонов так просто, за здорово живешь, в конце года получает в виде прибылей от работы дюпоновских заводов увесистую сумму. Однако и здесь свои заботы: старейшины этого семейства напуганы весьма реальной опасностью вырождения. Изнеженные, не привыкшие к труду, отпрыски их вырастают неполноценными, а в последних поколениях и нередко умственно отсталыми. Как ни скрывают в семействе Дюпонов стыдных фактов, но уже не один хилый отпрыск их рода оказался за стенами частных клиник для психически неполноценных. Не случайно, видно, родилась ядовитая шутка о том, что если труд сделал из обезьяны человека, то отсутствие труда ведет к процессу прямо противоположному.

Кто же управляет их делами, кто следит за тем, чтобы доллары приносили новые доллары?

Сотни талантливых ученых, тысячи искусных инженеров, опытных финансистов и юристов обеспечивают деловое процветание концерна Дюпона. Управляющие дюпоновского концерна входят в разряд наиболее высокооплачиваемых лиц в стране.

Однако какие бы высокие посты ни доверяли они квалифицированным специалистам, контроль над огромным бизнесом, включающим 129 заводов, разбросанных по США и 16 иностранным государствам, производящих более 20 тысяч различных наименований товаров, сохраняется в их руках. За 164 года существования фирмы не было ни одного случая, чтобы ее возглавил кто-нибудь из посторонних.

В настоящее время верховным жрецом бизнеса является

триумвират, состоящий из 95-летнего Иренэ Дюпона, занимавшего пост президента компании с 1919 по 1926 год, 67-летнего Кроуфорда Гринуолта, вошедшего в дюпоновскую семью в результате выгодной женитьбы и возглавлявшего концерн с 1948 по 1962 год, и нынешнего президента компании Ламмота Дюпона Копленда — 65-летнего праправнука основателя компании.

Фактически исполнительная власть и текущее руководство всем дюпоновским бизнесом сосредоточены сейчас в руках Копленда. Типичная во многих отношениях для американского капитализма, эта фигура стоит того, чтобы на ней немного остановиться.

Примечательно уже то, как к фамилии этого отпрыска дюпоновского семейства добавилось имя Копленд.

На протяжении многих лет в конце прошлого века Дюпоны вели ожесточенную борьбу с компанией «Лафлин энд Рэнд», которая была их главным конкурентом. Проваливались одна за другой попытки втихомолку скупить акции «Лафлин энд Рэнд».

Многоопытные руководители этой компании вовремя разгадывали коварные ходы конкурента. Не помогли и другие

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·



Название этой улицы давно уже во всем мире символизирует американских миллионеров. Если буквально перевести с английского слова «уолл-стрит», они будут означать «улица Стены», или «Стенная улица»: «уолл» по-английски — стена, «стрит» — улица. Когда-то здесь действительно была городская стена. Переселенцы из Старого Света за бесценок купили у обитавшего в этих местах племени индейцев большой остров Манхэттен, откуда и начался Нью-Йорк.

Смелость и героизм, мужество и стойкость проявили воины-индей-

испытанные приемы — соперник был искушен во всех и всяческих трюках и хитростях.

И тогда Дюпоны решили прибегнуть к традиционному методу королевских домов — династическому браку. Сестра одного из главарей концерна Дюпонов — Луиза д'Анбело-Дюпон была предложена в жены руководителю «Лафлин энд Рэнд» Чарльзу Копленду.

В качестве приданого Копленду пообещали один из руководящих постов в дюпоновской империи.

Брак состоялся.

Копленд стал заместителем казначея концерна Дюпонов, а «Лафлин энд Рэнд» вошла в орбиту дюпоновской империи и стала ее составной частью. Плодом этого династического брака и был Ламмот Дюпон Копленд — нынешний глава семейного бизнеса.

Историографы дюпоновского семейства утверждают, что Копленд воплотил в себе все характерные фамильные черты. Низкий лоб, массивный длинный нос, тяжелый подбородок, узкие щелочки глаз, кажущихся еще у́же из-за заплывших жиром щек, наследственная у Дюпонов глухота.

Говорят, что Копленд ухитрился обратить этот физиче-

· ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ·

цы, отстаивая свою независимость. Но силы были слишком неравными. Лукам, стрелам, копьям да отчаянной отваге индейских воинов пришельцы противопоставили пушки и ружья, жестокость и коварство. Они оттеснили индейцев в самые дикие и малоприспособленные для жизни углы Американского континента, обрекая некогда могущественные племена на жалкое существование и вымирание.

Имя нью-йоркской улицы, где располагаются правления многих банков и корпораций, напоминает о тех временах, когда непрошеные пришельцы, окопавшись на Манхэттене, объявили войну хозяевам этой земли. Именно здесь проходила городская стена, за которой они отсиживались и орудийным огнем расстреливали плохо вооруженных индейцев. С тех пор и пошла мрачная слава Уолл-стрита.

В один из жарких летних дней я решил совершить экскурсию на Уолл-стрит, вблизи посмотреть на эту улицу. Чтобы добраться до цели, пришлось спуститься в душное подземелье нью-йоркского метро. Выхожу из подземелья на Бродвей. Нет, это не та многократно описанная и изображенная в десятках фильмов, сверкающая огнями улица, так сказать,

ский недостаток себе на пользу: когда он не хочет услышать что-либо для себя нежелательное, он просто-напросто выключает свой слуховой аппарат и, разводя руками, ссылается на глухоту.

Фамильное дюпоновское присутствует только в его внешнем облике. Рассказывают, что его характер дал знать о себе еще в раннем детстве. Когда ему было 10 лет, он принял участие в семейном конкурсе по биологии: маленькие Дюпоны соревновались между собой, кто в сельской местности Делавэра быстрее других найдет полный скелет какого-нибудь животного. Малолетний Копленд обогнал всех. Впоследствии выяснилось, что он избрал хотя и кратчайший, но жестокий путь: купив у охотника зайца, он преспокойно сварил его в котле со щелочью, получив таким образом требуемый скелетик.

Однако родители не полагались лишь на столь явно выраженные природные «способности» своего сына. Он получил соответственное воспитание и образование. Папаша не согласился с желанием Копленда стать врачом и отправил его в аристократический Гарвардский университет, который тот закончил в 1928 году по специальности «промышленная химия».

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·

фасад города. Здесь в Даун-тауне — Нижнем городе, протянувшаяся на много километров через весь гранитный остров Манхэттен улица, мягко говоря, весьма непрезентабельна.

Уолл-стрит — улица длиной всего в несколько сот метров.

Отсюда давно уехали состоятельные люди: жить им здесь неудобно и «неприлично». Одна за другой за ними перекочевывают и штаб-квартиры крупнейших банков, корпораций, когда-то густо гнездившиеся именно в этой части города. Сегодня признаком солидности фирмы является резиденция в центре города, где-нибудь на Мэдисон или Пятой авеню, где как грибы растут сверкающие медью, алюминием, стеклом и цветным пластиком пятидесятиэтажные и более высокие громады. Правления корпораций и банков одно за другим покидают знаменитый Уолл-стрит, перекочевывая в новые районы.

И тем не менее я не ошибся, направив свои стопы на Уолл-стрит. Показуха показухой, но крупнейшие банки и правления промышленных фирм не спешат совсем расстаться с Уолл-стритом. Перекочевывая в молодые районы Нью-Йорка, они оставляют свои штаб-квартиры и здесь, на Уолл-стрите, пребывание на которой уже само по себе признак надежности и респектабельности фирмы.

Род Дюпонов загодя пестовал высшего администратора компании. Старшины семейства быстро вели Копленда по ступеням командных постов: член правления компании, секретарь правления, председатель финансового комитета, вице-президент.

В 1962 году бывший до той поры в течение 14 лет президентом Гринуолт, жена которого Маргарет Ламмот Дюпон приходится Копленду двоюродной сестрой, перейдя на другой пост в компании, рекомендовал совету директоров в качестве своего преемника Копленда.

Замкнутый и надменный, редко снисходящий до разговоров с людьми, стоящими на социальной лестнице ниже его, Копленд железной рукой руководит делами компании, безжалостно расправляясь со всеми, кто встает у него на пути.

Правда, он не может обходиться с конкурентами так, как в детстве расправился с зайчишкой. Но к его услугам средства, действующие более надежно, чем примитивный котел со щелочью.

Образ жизни главы компании типично дюпоновский. Вот как описывает его американский журнал «Тайм»: «Подобно многим старым богачам, Копленд не стремится выставлять напоказ свое богатство. Он оставляет свой «кадиллак» дома и каждое утро едет на работу в более скромном «корвере».

Но его развлечения весьма элегантны и дорогостоящи: ловля лососей в Шотландии, охота на уток в Чезапикском заливе (он регулярно тренируется в стрельбе из пистолета на специальном стенде у себя дома). Воротила, кроме того, большой гурман и ценитель вин. Он принадлежит к клубу, объединяющему знатоков вин (есть в США и такие клубы!), а своего шеф-повара за баснословные деньги переманил от известного английского аристократа лорда Астора.

Личный капитал четы Коплендов превышает 200 миллионов долларов.

Ежегодный доход от принадлежащей Копленду части семейных акций — 3 миллиона 500 тысяч долларов. К этому надо добавить весьма солидный оклад, который он получает в качестве президента компании: 350 тысяч долларов в год — жалованье, более чем втрое превосходящее оклад президента Соединенных Штатов.

Таков этот типичный представитель современных Дюпонов.

А вот еще один.

...Когда-то в «Лайфе» была опубликована фотография глубокого старца: он позирует фотографам в бассейне своего поместья. Этого человека зовут Иренэ Дюпон.

Огромный бассейн, размерами с настоящее озеро, отнюдь не главная достопримечательность этого поместья. Вилла, расположенная близ бассейна, поразила своей роскошью даже видавшего виды репортера светской хроники американского журнала.

«Крыша дома,— пишет репортер,— из испанской черепицы, полы из итальянского мрамора, резьба по красному дереву. Дом, к которому примыкает огромный участок в сотни акров, защищен с моря искусственно созданными скальными стенами. Вдоль всего дома тянутся роскошные веранды, обращенные в сторону моря. Примыкающая территория превращена в заповедник, там водятся самые диковинные и редкие животные, на которых охотятся хозяин и его гости».

Любимое поместье главы дюпоновского семейства называется Кстанду.

По словам американских журналистов, «именно здесь он проводит большую часть года». Последняя фраза нуждается в уточнении. Уже несколько лет следует говорить не «проводит», а «проводил».

Дело в том, что это поместье находится на Кубе. Трудовой народ Кубы вышвырнул со своей земли охотников до чужого добра, а в их числе и старого Дюпона.

Нужно ли удивляться тому, что семейство проклинает кубинскую революцию, а вашингтонские политиканы, для которых шорох дюпоновских кредиток заглушает шаги истории, продолжают вынашивать планы интервенции против кубинского народа.

Если верить американской печати, то главное, чем занимается Иренэ Дюпон,— это... филантропия, благотворительность.

Вы нигде не прочтете о его деятельности, угрожающей миру, грозящей жизни и здоровью миллионов людей, не узнаете из американских газет, что он ярый противник запрещения ядерного оружия.

Зато вам скажут, что Иренэ Дюпон щедро финансирует исследования в области рака.

Впрочем, сам же Дюпон признал как-то, что делает это не столько из любви к ближнему, сколько для собственного развлечения: надо же чем-нибудь заняться на свободе. «Это

стоит дороже, чем яхта,— с неподражаемым цинизмом сказал он репортеру журнала «Лайф»,— но зато это меня больше забавляет».

Всего на пять лет младше Иренэ его кузен Генри Френсис Дюпон. Американские журналы любят печатать его фотографии. Фото эти сентиментально-трогательны — престарелый джентльмен орудует садовыми ножницами или нюхает цветочки.

Его называют «одним из лучших американских садоводов». И лишь с большим трудом удается установить, что этот «садовод-любитель» в свободное от выведения роз и незабудок время руководит делами военной корпорации «Дженерал моторс» и возглавляет химический отдел еще более военного концерна «Дюпон де Немур».

Уильям Дюпон, если верить американской печати, тоже существо вполне безобидное. Его хобби (увлечение) — лошади. Он коневод, жокей, обладатель сотен призов, заработанных лошадьми из его конюшен в различных странах мира. На страницах американских журналов его физиономия появляется обычно в сопровождении лошадиных морд или на фоне ипподромов.

Но пресса почти ничего не пишет о деятельности Уильяма Дюпона — директора атомно-химического концерна «Дюпон де Немур» и президента «Делавэр траст компани» — банка, финансирующего военную промышленность Соединенных Штатов.

...Крутятся колеса чудовищного механизма концерна Дюпонов. Все быстрее движутся ленты конвейеров на их заводах, всё новые виды оружия, грозящие гибелью миллионам людей, вывозятся из цехов их предприятий, все новые слитки золота и шуршащие банкноты оказываются в дюпоновских сундуках. Дюпоны работают на войну.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

деньги и власть

РОКФЕЛЛЕРОВСКИЕ РЕКОРДЫ

Разные на свете бывают рекорды — рекордный вес, рекордная скорость, рекордная высота, рекордная глубина. Но если бы в таблицу мировых рекордов внести графу «рекордная толщина кошелька», то на одном из первых, если не на первом месте в мире было бы семейство американских миллиардеров Рокфеллеров. 88 миллиардов долларов находятся под контролем пяти братьев Рокфеллеров, возглавляющих ныне это фантастически богатое семейство.

Подумайте только: 88 тысяч миллионов долларов подвластны им, находятся в их распоряжении, используются по их усмотрению. 88 тысяч миллионов, созданных десятилетиями труда многих миллионов рабочих рук, отдавших свои силы, свои знания, свои таланты. 88 тысяч миллионов, каждый доллар из которых полит пóтом, а нередко и кровью, прежде чем он очутился в бронированных сейфах глубоких бетонированных подвалов, выдолбленных в скальном основании острова Манхэттен, на котором расположилась центральная часть Нью-Йорка, где обосновалась штаб-квартира империи братьев Рокфеллеров.

Подвалы эти — чудо современной техники. Представьте себе несколько этажей под землей, длинные галереи, из которых входы в толстую многослойную сталь камеры. Камеры эти закрыты стальными же 52-тонными дверями с дистанционным управлением. В этих бронированных отсеках, под охраной сложнейших электронных систем, зашифрованный ключ к которым известен лишь двум-трем лицам, хранятся несметные сокровища.

Контора Рокфеллеров на Уолл-стрите.

Выбирая местоположение своей штаб-квартиры, Рокфеллеры решили перехитрить моду. С одной стороны, им не хотелось отстать от нее и воздвигнуть для себя этакое современное чудо — семидесятиэтажный небоскреб из стали и стекла. С другой стороны, они не хотели покидать Уолл-стрит. Выход был найден в том, что на соседней улице, вплотную примыкающей к Уолл-стриту, они купили обширный земельный участок, где и воздвигли небоскреб, в котором расположился главный банк рокфеллеровской империи «Чейз Манхэттен».

В семидесятиэтажном небоскребе, общая протяженность коридоров которого измеряется уже не метрами, а километрами, в сотнях комнат, кабинетов и залов, где размещены электронно-счетные машины, сидят тысячи людей, работающих в штаб-квартире Рокфеллеров.

Впервые Рокфеллеры появились на американской земле в начале XVIII века. Небогатые, но предприимчивые немцы, покинув отечество, искали за океаном удачи и денег. На протяжении сотни лет фарисейски благочестивая семья эта если и выделялась чем-нибудь в массе искателей счастья, хлынувших в те годы в далекую Америку, то лишь какой-то особой педантичностью.

В поколениях рокфеллеровской династии как бы медленно накапливались качества, нашедшие свое особенно яркое воплощение в Джоне Рокфеллере-старшем, положившем в середине прошлого столетия начало огромным богатствам этой семьи.

Засев на старости лет за мемуары, основатель рокфеллеровского бизнеса писал, что одной из причин, которая предопределила его удачи на деловом поприще, был, как он выразился, «метод воспитания меня моим отцом, который в общении со мной отдавал предпочтение вопросам практического характера». Правда, мемуарист предусмотрительно не уточняет, что имеется в виду под этими «методами воспитания»,

да и вообще всячески избегает конкретных воспоминаний об отце.

Рокфеллеры тщательно вытравляют из семейных хроник и исторических исследований какие-либо конкретные сведения о жизни и деятельности Вильяма Рокфеллера — прадеда пяти братьев, возглавляющих сегодня семейство, и отца Джона Рокфеллера-старшего. С большим трудом, буквально по крохам, удается раскопать сведения о нем в различных изданиях, преимущественно прошлого века. А раскопав наконец детали жизнеописания почтенного предка, понимаешь, в чем секрет необычной для рокфеллеровского клана сдержанности. Им очень хочется выглядеть солидно, изобразить своего родоначальника личностью уважаемой или хотя бы мало-мальски приличной. Увы, о Вильяме Рокфеллере этого сказать никак нельзя. Упрямые факты свидетельствуют: человек, которому Джон Рокфеллер-старший, по его собственным словам, обязан своим воспитанием и пристрастием к «вопросам практического характера», был... самым вульгарным конокрадом и мелким мошенником.

Как сообщают источники, «его светская осанка и воздержание от вина (пьянство принадлежало к числу немногих пороков, от которых Вильям Рокфеллер был свободен) стали причиной того, что дочь зажиточного фермера Элиза Девизон решила сделаться миссис Рокфеллер. Родители девушки не желали этого брака, так как жених пользовался в округе репутацией человека, в делах нечистоплотного, похитителя девичьих сердец и картежного игрока».

Официально Вильям Рокфеллер занимался торговлей медикаментами. Однако он не был обычным аптекарем, не имел специального образования и торговал шарлатанскими снадобьями, сотрудничая с различного рода мистификаторами и знахарями. В 1849 году, когда Джону Рокфеллеру — сыну Вильяма — было 9 лет, семейству срочно пришлось менять местожительство, причем переезд напоминал бегство. Причина его, как свидетельствуют документы, была довольно красочной — Вильям Рокфеллер обвинялся в конокрадстве.

Но и на новом месте обосноваться не удалось. Вновь под покровом ночи пришлось бежать в связи с новым скандалом.

После нескольких лет бродячей жизни семейство Рокфеллеров осело, наконец, в Кливленде, но не потому, что биг Билл— так звали Вильяма Рокфеллера среди лошадиных барышников — остепенился. Просто однажды он вдруг решил, что се-

мья — помеха его деятельности, и, не простившись с женой и детьми, навсегда отбыл в неизвестном направлении.

Нет, не получается у Рокфеллеров с респектабельным происхождением. Мучительно завидуют они Дюпонам, кичащимся своим дворянством. Но наследственность несомненна и в рокфеллеровском роду. Так же как сегодняшние Дюпоны через поколения и десятилетия пронесли ненависть своего рода к простым людям, ненависть и страх, так и Рокфеллеры от поколения к поколению передают черты, столь ярко проявившие себя в Вильяме Рокфеллере,— презрение к морали, неразборчивость в средствах, ненасытную алчность.

СЕКРЕТЫ МАЛЬЧИКА ДЖОННИ

Один из биографов рокфеллеровского семейства рассказывает, что еще в том возрасте, когда мальчишек обычно интересуют деревянные лошадки, Джон Рокфеллер — основоположник семейных миллионов — выказал совсем иные склонности.

Семилетний мальчик выпросил у матери стоявшее на камине голубое фарфоровое блюдо и стал складывать в него медяки, получаемые на конфеты и развлечения. Его сверстники покупали сладости и катались на карусели, а бледный золотушный Джонни, сторонясь других детей, мог часами любоваться своими богатствами, ласково перебирая монетки потными пальцами.

Но, быть может, биограф хватил через край? Однако вот свидетельство самого Рокфеллера. В мемуарах он вспоминал: «Одним из моих ранних испытаний было рытье картофеля у соседа на протяжении нескольких дней. Он был очень предприимчивый и процветающий фермер. Мне было тогда, вероятно, лет 12. И фермер ежедневно выдавал мне несколько монет. Я откладывал эти маленькие суммы в копилку и вскоре понял, что такие же деньги, которые я могу зарабатывать, копая картошку подряд сто дней, я мог бы получить, не ударив палец о палец, если бы положил в банк 50 долларов. Открытие это навело меня на мысль, что хорошо бы сделать деньги моими рабами, а не наоборот».

Такое признание стоит десятков страниц разоблачительных

рассуждений. 12-летний мальчик, постигший преимущества ростовщичества перед трудом! На всю жизнь будет он ушиблен этим открытием и вместе с миллионами долларов передаст его в наследство своим детям и внукам.

Надо сказать, что денежная воспитательная метода для Америки — штука традиционная. В этой связи мне хочется поделиться одним впечатлением, связанным с пребыванием в небольшом американском городке. Случилось так, что журналистская судьба забросила меня в городишко на Юге Америки, носящий не вполне обычное имя — Ганнибал. Трудно сказать, почему, по велению какой прихоти основатели этого поселка, расположенного на берегу знаменитой Миссисипи, решили присвоить ему имя великого полководца древности карфагенянина Ганнибала, прославившего себя борьбой с римлянами, в ходе которой он первым применил танки древности — армии боевых слонов. Слонов в Ганнибале нет и в помине, а мировая известность этого крошечного городка имеет, так сказать, литературное происхождение. Вспомните: ведь именно здесь родился, проказничал, выводя из себя милейшую тетю Полли, сорванец Том Сойер.

Нынешние отцы города Ганнибала вовсю используют славу Тома Сойера в своих целях. В городе нет промышленности, нет крупной торговли, и поэтому... там делают коммерцию на Томе Сойере, Гекльберри Финне и их друзьях. Приехавшим в город покажут и домик Тома, и проволочные очки тети Полли, и даже потомка ее знаменитого рыжего кота по имени Питер, с которым, как помнят читатели, Том обошелся не совсем почтительно. Что же касается того забора, право красить который так ловко использовал Том, то забор этот и сейчас служит источником наживы, причем такой, по сравнению с которой невинные барыши марк-твеновского героя выглядят микроскопичными и невесомыми.

Дело в том, что ежегодно в городе Ганнибале при большом стечении публики, представителей прессы, радио и телевидения осуществляется всеамериканский конкурс крашения заборов. Устанавливают несколько десятков заборов, и приехавшие отовсюду мальчишки и девчонки состязаются в том, кто быстрее и лучше покрасит забор, предоставленный в его распоряжение.

Собственно говоря, в самом этом конкурсе нет ничего предосудительного. Он мог бы быть вполне забавным и милым, если бы не одно обстоятельство — коммерческий дух, которым

пронизана вся эта затея. Родители ребят, которые хотят принять участие в конкурсе, должны заплатить довольно изрядную денежную сумму.

Но и это еще не самое плохое. Том Сойер был человек сообразительный и оборотистый и свое право водить кистью по забору предоставлял далеко не безвозмездно. Полученная им плата состояла, как известно, из таких ценностей, как огрызок яблока, бумажный змей, дохлая крыса на длинной веревочке, чтобы удобнее было эту крысу вертеть, двенадцать алебастровых шариков, осколок синей бутылки, ключ, который ничего не хотел отпирать, стеклянная пробка от графина, собачий ошейник без собаки, пара головастиков и еще несколько, с мальчишеской точки зрения, бесспорных сокровищ.

Но что коммерсантам и барыгам до этих ребячьих сокровищ, а заодно и ребячьих душ. Бизнес есть бизнес. И ныне в Ганнибале все походит не столько на веселую игру, сколько на азартную рулетку. И змея, и головастиков, и оловянных солдатиков заменяют доллары. Победители получают денежные призы — 100, 75, 50 долларов. И надо видеть, каким азартом, какой алчностью сверкают глазенки юных американских граждан, сражающихся за долларовые бумажки.

•ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ•

забытая могила



Стояла осень 1970 года. Мы спешили в Бостон. Машина, в которой находилось трое взрослых и десятилетний мальчик Андрюша, сын моего коллеги, работающего в Нью-Йорке, упросивший нас взять его с собой в поездку, мчалась без остановки, глотая милю за милей. Мы очень торопились, боясь пропустить острое политическое сражение, которое вел в те дни в Бостоне сенатор Эдвард Кеннеди.

Враждебные этому семейству силы, организовавшие заговор против президента Джона Кеннеди и канди-

На первый взгляд может показаться, что ничего особенного, собственно, не происходит. В конце концов, забор и малярная кисть — не рулетка, а сумма призов не так уж велика. Но кто может подсчитать моральный ущерб, те ссадины, которые остаются в юных душах в ходе этой азартной денежной игры? Нет, дело здесь не только в стремлении коммерсантов города Ганнибала нажиться на славе Тома Сойера. Дело, если хотите, и в определенной педагогической задаче — убедить маленьких американцев в бесспорном преимуществе реальных зеленых банкнот над мальчишечьими ценностями Тома Сойера. Коммерсанты загодя воспитывают себе подобных, авось из кого-нибудь получится новый Рокфеллер.

Но вернемся к нему самому. В тех же мемуарах миллиардер весьма своеобразно объясняет читателю свои успехи на поприще наживы. Дело, оказывается, в... знакомстве с бухгалтером. «Рвение мое было колоссально,— пишет он.— И кроме того, я имел громадное преимущество: мне выпала на долю счастливая случайность — судьба свела меня с бухгалтером, отлично знавшим свое дело и искренне ко мне расположенным».

Вот видите, как легко и просто.

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·

дата на пост президента Роберта Кеннеди, стремились покончить — на сей раз политически — и с последним из оставшихся в живых братьев, лишив его места в сенате.

Сменяя друг друга за рулем нашего «форда-гелакси», мы быстро удалялись от Нью-Йорка. Вокруг расстилался пейзаж красоты и живописности необыкновенной. То время года, которое у нас по старинке называется «бабьим летом» (последние тихие осенние денечки), в Америке именуется «индиан саммер» — «индийское лето». В «Новой Англии» оно особенно красиво.

Обширные леса изредка расступаются, чтобы уступить место небольшим городкам, а затем деревья вновь смыкают над дорогой свои кроны. Кажется, что щедрый и озорной художник не пожалел всего запаса красок, расписав эти кроны.

В воздухе кружились причудливо вырезанные листы — желтые, оранжевые, пурпурные, устилая дорогу пышным многоцветным ковром. Но вот начало темнеть, и нам пришлось думать о ночлеге. Обычно автомобильные путешественники в Америке останавливаются в мотелях. Это

В действительности дело обстояло иначе. Возможно, в обогащении старого Рокфеллера и были счастливые случайности, но это, конечно, не знакомый бухгалтер. В его карьере немалую роль сыграла невиданная, доходящая до фанатизма алчность, одержимость жаждой денег, полная неразборчивость в средствах на пути к богатству.

Школьным приятелем Джона Рокфеллера был Марк Ханна, человек, преуспевший впоследствии на поприще бизнеса, основавший компанию, которая в настоящее время является одной из могущественнейших на северо-западе Соединенных Штатов. Ханна — человек оборотистый. Но даже его поражал денежный фанатизм юного Рокфеллера. Позже Ханна, вспоминая юные годы и своего друга детства, говорил: Джон в те годы проявлял здравомыслие во всем, за исключением одного — он был помешан на деньгах». Сам Джон Рокфеллер рассказывал, что когда он, служа в торгово-посреднической фирме кассиром, впервые получил банкноту в 4 тысячи долларов, то целый день не мог работать. Каждые пять минут он поднимался из-за конторки и, открыв сейф, любовался ассигнацией, вертел ее в руках, разглядывал, как в детстве, когда ласкал медяки, лежавшие в фарфоровом блюде.

•ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ•

довольно удобные, чаще всего одноэтажные гостиницы, расположенные вдоль автострад.

Поставив машину под окном своего номера, вы получаете не только крышу над головой, но и блага американского сервиса — комнату с удобной постелью и ванной, а также более или менее съедобный ужин и завтрак. Правда, если путешествие затягивается, вас начинает раздражать стандартизированное мотельное однообразие. Переночевав в мотеле «Говард Джонсон» или «Холидей инн» (названия крупных гостиничных компаний, владеющих сотнями мотелей по всей Америке), скажем, в штате Нью-Йорк, а затем оказавшись в противоположном конце страны — в Калифорнии или Техасе, в Юте или на Аляске, вы можете быть уверены в том, что, начиная с вывески и расположения мебели в номере и кончая меню в мотельном ресторане, все будет абсолютно одинаковым.

Быть может, поточное производство дорожного обслуживания и удобно, но в конце концов унылость бездушного сервиса начинает угнетать и раздражать.

Я говорю об этом для того, чтобы объяснить, почему мы в тот раз, равнодушно скользнув взглядом по надоевшей вывеске очередного при-

Существует целая литература, в которой подробно описаны десятки мошенничеств Рокфеллера, положившие начало одному из крупнейших состояний современности. В начале века в Америке вышла книга, написанная Идой Тарбел. Ее отец, средний предприниматель, был разорен и доведен до самоубийства интригой, затеянной против него Рокфеллером.

При этом своим орудием в тот раз магнат избрал священника, духовного отца Тарбела. С его помощью доверчивый и богобоязненный предприниматель, не предполагавший, что слуга божий может войти в сговор с его конкурентом, был заманен в ловушку и разорен. Компанию Тарбела прибрал к рукам Рокфеллер.

Книга Тарбел наделала много шума. Ее автор на протяжении многих лет собрала факты, на основании которых Рокфеллер и его окружение должны были бы угодить в тюрьму. Но тюрьмой в данном случае, разумеется, и не пахло. Вокруг книги пошумели, а Рокфеллер продолжал свое.

Не было мошенничества, к которому бы он не прибег, жестокости, которая бы остановила его на пути сколачивания первых миллионов. Он не был более сведущ или искусен, не-

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·

дорожного «Говарда Джонсона», подрулили к значительно более скромному домику, в котором расположилась крохотная гостиничка с неожиданной, рассмешившей и умилившей нас вывеской. Гостиничка называлась «Как у мамы».

И действительно, пожилая миссис Джуди (так она себя назвала), хозяйка этого заведения, не будучи в состоянии конкурировать с кондиционерно-ванным сервисом «Говарда Джонсона», привлекает постояльцев своей, всего на пять маленьких комнат-номеров, гостиницы милым провинциальным, нестандартизированным уютом да недорогими, вкусными, вполне домашними ужинами и завтраками, которые она сама тут же у плиты готовит.

Вот от этой немолодой женщины, потерявшей на одной войне мужа, на другой сына и зарабатывающей себе на жизнь, давая пристанище проезжающим путешественникам, мы и узнали нечто заинтересовавшее нас настолько, что, несмотря на желание возможно скорее добраться до цели нашего путешествия, мы на целый день застряли в маленьком городке Эльмире, расположенном на самом севере штата Нью-Йорк.

— Вы, конечно, торопитесь, джентльмены,— говорила наша гостепри-

жели другие американские промышленники того времени. Он был более беззастенчив.

Рокфеллер набрел на нефтяной бизнес. В то время нефть мало кого интересовала. Еще не было автомобилей, не существовало двигателя внутреннего сгорания, и добыча нефти в мире исчислялась считанными тоннами. Его прибило к нефтяному берегу. И по мере того, как росло в мировой промышленности значение этого топлива, которое не случайно ныне называют «кровью промышленности», росли и богатства Рокфеллеров.

Современники с удивлением и страхом говорили, что Джону Д. Рокфеллеру чуждо все человеческое. Он не доверял никому, никому ничего не прощал, был одинаково беспощаден и к конкурентам, и к ближайшим помощникам. Его правой рукой являлся некий Арчболд, второй после хозяина человек в компании. Но даже этот влиятельный делец трепетал перед своим патроном. Например, на протяжении многих лет Арчболд каждую субботу представлял Джону Д. Рокфеллеру письменную клятву в том, что на минувшей неделе не притрагивался к спиртным напиткам.

Аскетического вида, с яйцеобразным голым черепом, кро-

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·

имная хозяйка, накладывая ранним утром на наши тарелки изрядную порцию блинов и поливая их каким-то особенно ароматным медом.

— Угу,— с плотно набитыми ртами подтвердили мы,— торопимся.

— Все сейчас торопятся, суетятся, не замечая ничего вокруг себя.

Нескрываемая горечь, прозвучавшая в этих словах, насторожила. А то, что мы услышали затем, заставило нас на ходу изменить планы. Через несколько минут мы ехали по улицам этого небольшого городка, направляясь к кладбищу, расположенному на его окраине. Моросил нудный мелкий осенний дождь. Мы бродили по кладбищу и никак не могли найти то, что искали. Уже почти отчаявшись, решив, что рассказ хозяйки гостиницы — вымысел, внезапно в самом дальнем углу кладбища мы наткнулись на заброшенную, давно не прибиравшуюся могилу, засыпанную толстым слоем пожухлых осенних листьев с покосившимся надгробьем.

Надпись на плите гласила:

«Сэмюэль Клеменс. Ноябрь. 30. 1835. Апрель. 21.1910».

Да, здесь, в заброшенном углу маленького кладбища покоится вечным сном Сэмюэль Клеменс, известный всему миру как Марк Твен, автор «Тома Сойера», «Принца и нищего» и других умных и талантливых книг,

хотными глазками, огромными, словно летучие мыши, ушами, безгубым ртом, Рокфеллер говорил тихим, ровным голосом, обычно не выказывая ни гнева, ни радости. Казалось, ничто не может его взволновать, вывести из равновесия, а главная его забота бухгалтерские книги.

Но так только казалось. Существовало нечто, волновавшее воротилу даже больше, нежели доллары. Этим «нечто» была... его собственная персона. Два опасения омрачали жизнь Джона Д. Рокфеллера: боязнь потерять хотя бы один доллар из миллионов, полученных путем всяческих махинаций, и страх за собственное здоровье. Последний в конце концов возобладал. Пятидесяти пяти лет от роду Джон Рокфеллер вдруг вообразил, что неизлечимо болен. Охваченный ужасом, он передал дела по руководству компанией старшему сыну — Джону Д. Рокфеллеру II, а сам всецело сосредоточился на лечении. Впрочем, паника себялюбивого толстосума оказалась преждевременной. С момента отхода от дел он, строго выполняя предписания врачей, прожил ни много ни мало — еще 42 года и скончался в 1937 году, девяноста семи лет от роду.

Новый глава династии оказался достойным сыном своего отца. Он обладал и наглостью, и жестокостью, и цепкостью,

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·

составивший славу и гордость Америки. Стала понятной горечь пожилой американки, говорившей о том, что имя Твена мало почитаемо в сегодняшней Америке.

В молчанье стояли мы над забытой могилой. Андрюша, расчистив надгробье от полусгнившего хлама, положил на него пышный букет разноцветных осенних листьев,— маленькую дань великому американцу, хорошо известному любому советскому мальчишке и девчонке, но полузабытому на родине, гоняющейся за призраком золотого тельца и не очень интересующейся тем, чего нельзя измерить общепринятым и единственным здесь мерилом — долларом...

и изворотливостью, и бесстыдством. Джон Рокфеллер-младший превратил миллионное дело своего папаши в многомиллиардный бизнес. Ключ, которым он открыл дверь к огромным богатствам,— военные поставки.

Первая мировая война принесла семейству Рокфеллеров 500 миллионов долларов чистой прибыли. Вторая мировая война оказалась еще более прибыльным предприятием. Танковые и авиационные моторы требовали реки бензина. Круглосуточно производился он на рокфеллеровских заводах. Но странное дело: именно в этот момент стала быстро возрастать цена на бензин. Сначала на несколько центов за галлон. Потом все больше и больше. Именно тогда, когда бензин и другое нефтяное топливо для самолетов, кораблей, танков, на которых сражались американские солдаты против фашистских полчищ, были нужны как воздух для жизни, цены на нефтепродукты, львиную долю которых в Америке производили рокфеллеровские заводы, росли день ото дня.

На все попытки их урезонить, воззвать к их патриотизму Рокфеллеры отвечали: если вам нужна наша продукция, платите. Результатом было 2 миллиарда долларов чистой прибыли, полученной за годы войны.

Но не подумайте, пожалуйста, что все рассказанное здесь только история. Стоит покопаться в сегодняшних ведомостях рокфеллеровских компаний, в статьях бюджета американского военного ведомства, и обнаруживается та же картина. Времена меняются, но нравы Рокфеллеров остаются неизменными.

ЧТО ИМИ ДВИЖЕТ

Кто же они, Рокфеллеры сегодня?

Во главе семейства пять братьев — внуков основателя семейного бизнеса: 65-летний Джон Д. Рокфеллер III, 63-летний Нельсон, 61-летний Лоуренс, 59-летний Уинтроп, родившийся через три года после Уинтропа Дэвид, а также младший брат первой жены Джона Рокфеллера II, Эбби,— 85-летний Уинтроп Олдрич. Весьма многочисленно четвертое и пятое поколения этого семейства — сыновья и внуки пяти братьев; их несколько десятков. Но руководят делами пятеро братьев и их дядя.

Было время, когда богатеи всячески рекламировали свои богатства.

Нынешние Рокфеллеры обладают и роскошными дворцами, и яхтами, и драгоценностями. Но, в отличие от прежних времен, они стараются не выставлять все это напоказ. Более того, они прячутся, пытаясь предстать перед соотечественниками этакими невинными овечками, ничуть не отличающимися от простых смертных. Причина такой маскировки — страх. Страх, поселившийся в сердцах миллионеров со времен Октября 1917 года.

Один из официальных биографов рокфеллеровского семейства в выпущенной недавно книге умиляется: «Они могли бы сажать гостей верхом на белых лошадей и подавать шампанское в стеклянных туфлях, но они не делают этого».

Приведу еще одно жизнеописание рокфеллеровского семейства: «Если иметь в виду, что они являются богатыми людьми, то, вероятно, наиболее поразительны некоторые их привычки. Лоуренс и Джон Д. Рокфеллер III, к примеру, по утрам прерывают свои дела, чтобы подкрепиться всего только молоком и печеньем, так же как это делал их отец, когда еще их не было». Автор панегирика умиляется: смотрите, дескать, миллиардеры, а, как обыкновенные смертные, вкушают молоко.

Но все это не больше, чем ловко придуманная реклама. В действительности все Рокфеллеры с рождения и до смерти окружены роскошью поистине царской. Джон Рокфеллер-младший, убеждавший сограждан в необходимости смирения и ожидания «божьей благодати», своим пятерым сыновьям и дочерям оборудовал пока что рай на земле.

Зимой юные Рокфеллеры жили в Нью-Йорке в девятиэтажном фамильном особняке. К их услугам была собственная поликлиника, особые колледжи, бассейны для плавания, теннисные корты, концертные и выставочные залы. В имении папаши Рокфеллера размером в 3 тысячи акров манежи для верховой езды, велодром, домашний театр, сто́ящий полмиллиона долларов, пруды для плавания на яхтах и прочее. Оборудование одной только комнаты для игр, в которой резвились сиятельные шалуны, обошлось чадолюбивому нефтяному королю в 520 тысяч долларов.

Когда подрос самый младший из братьев, каждый получил в свое распоряжение городские особняки, летние виллы и прочую недвижимость, необходимую для светской жизни. Теперь

у каждого столько домов в личном пользовании, что они часто путают свои собственные адреса.

Правда, это обстоятельство не рекламируется. Зато репортеры рассказывают, как старший из братьев приучает к экономии своих отпрысков. Каждому из детей в качестве недельной нормы на расходы, умиляются журналисты, миллиардер выдает 10 центов.

Что касается Дэвида, возглавляющего финансовый бизнес семьи, то, по утверждениям американской монополистической печати, единственное его увлечение — коллекционирование жуков. Их у Дэвида 40 тысяч, Дэвид Рокфеллер сообщают газеты, всегда носит с собой бутылку для пойманных насекомых. О том, что в перерыве между двумя прихлопнутыми им жучками, воротила успевает пустить по миру тысячи людей, пресса, разумеется, не распространяется. Невыгодно!

Десятки дворцов и вилл, принадлежащих Рокфеллерам, оцениваются в сотни миллионов долларов. Только один из особняков этого семейства обслуживает около 350 слуг.

Рокфеллеровское семейство давно уже обнаружило, что государственную власть в Америке можно использовать для увеличения своих доходов. Еще основатель семейного бизнеса Джон Рокфеллер-старший уразумел, что послушный его воле человек в правительстве страны может принести дохода больше, нежели несколько нефтяных скважин, вместе взятых.

Первой жертвой этого «открытия» стал его старший сын и наследник Джон Рокфеллер II. Выбирая ему жену, старый Рокфеллер остановился на дочери одного из наиболее влиятельных политических деятелей Америки начала нынешнего века, сенатора Нельсона Олдрича, в течение долгого периода пользовавшегося в Вашингтоне влиянием почти таким же, как президенты страны.

Не боясь впасть в преувеличение, можно сказать, что в Вашингтоне в последние 30—40 лет не было правительственной администрации, в состав которой не входило бы значительного числа прямых ставленников семейства Рокфеллеров. Особым вниманием пользуется внешнеполитическое ведомство. Во главе государственного департамента — так в Америке именуется министерство иностранных дел — прочно вот уже в течение многих лет обосновываются люди рокфеллеровского дома.

Одна из самых мрачных фигур послевоенного Вашингтона — Джон Фостер Даллес, тот самый Даллес, который стя-

жал сомнительную славу родоначальника «холодной войны» против народов социалистических стран. Он не только являлся юридическим консультантом, поверенным и адвокатом семейства Рокфеллеров, но и одним из директоров рокфеллеровской нефтяной компании «Стандард ойл». В государственный департамент Даллес пришел непосредственно с поста председателя так называемого «Фонда Рокфеллера» — организации, играющей видную роль во всех делах этого семейства. Преемник Даллеса на посту министра иностранных дел, Кристиан Гертер, также был тесно связан с рокфеллеровскими компаниями. Вряд ли можно считать простым совпадением тот факт, что и государственный секретарь в правительстве Кеннеди и Джонсона — Дин Раск до этого своего назначения занимал пост председателя «Фонда Рокфеллера».

Но с некоторых пор и это уже не вполне удовлетворяет семейство нефтяных магнатов. Им мало этого хотя и весьма реального, но все же косвенного доступа к рычагам государственного управления. В последние годы рокфеллеровский клан предпринял несколько попыток захватить ключевые позиции в государственном аппарате. В ходе предвыборной кампании 1964 года один из пяти братьев — Уинтроп Рокфеллер — вознамерился стать губернатором штата Арканзас.

Захват губернаторского кресла в богатом и весьма перспективном с экономической точки зрения штате сулил Рокфеллерам немалые выгоды, и поэтому братья не пожалели денег на финансирование предвыборной компании Уинтропа. Правда, с первого раза сесть в губернаторское кресло новичку на политическом поприще Уинтропу Рокфеллеру не удалось. Но неудача его не обескуражила. В ноябре 1966 года, истратив несколько миллионов долларов, Уинтроп Рокфеллер добился своего и въехал в губернаторский дворец в столице штата Арканзас.

Представитель уже четвертого поколения Рокфеллеров — Джон Рокфеллер IV осенью 1966 года занял пост конгрессмена в законодательном собрании штата Вирджиния.

Утверждают, что это лишь первый шаг молодого Рокфеллера, а следующим будет попытка получить пост губернатора Вирджинии.

Однако главную ставку на политическом поприще рокфеллеровское семейство сделало на Нельсона Рокфеллера. Цель его вождений — не больше, не меньше, как пост президента.

Именно с этой целью еще молодым человеком Нельсон Рокфеллер превратился в завсегдатая политических салонов Вашингтона.

В 50-х годах он стал губернатором крупнейшего в стране штата Нью-Йорк и с тех пор предпринимал уже несколько попыток стать хозяином Белого дома, но каждый раз неудачно.

Очередной раз споткнулся Нельсон Рокфеллер на своем пути к Белому дому летом 1968 года на съезде республиканской партии, проходившем в городе Майами-Бич. В этот раз он потратил особенно много сил и еще больше долларов для того, чтобы добиться на съезде выдвижения своей кандидатуры на пост президента от республиканской партии. Однако силы, объединившиеся вокруг Ричарда Никсона, оказались более могущественными. Семейство Джаннини из Калифорнии и богачи Чикаго, техасские миллионеры и конкуренты Рокфеллера с Уолл-стрита сделали на сей раз ставку на Никсона, и он победил.

Мне довелось разговаривать с потерпевшим очередную неудачу миллиардером через несколько минут после того, как стали известны результаты голосования делегатов съезда. Он выглядел явно обескураженным и не мог скрыть своего огорчения.

— Мистер Рокфеллер,— спросил я,— как вы относитесь к происшедшему?

— Я только что разговаривал с моим маленьким сыном,— ответил он,— который сказал мне: «Папа, не расстраивайся, у нас с тобой будет больше времени играть в лошадки».

Маленький Рокфеллер пока что плохо знает своего папу. Детские игры не в его натуре. Он уже много лет ведет большую игру, делая ставку на пост президента Соединенных Штатов. На кон поставлены рокфеллеровские миллиарды, и их владельцы уверены, что ставка эта беспроигрышна. Да и сам Нельсон Рокфеллер, невесело пошутив насчет игры в лошадки, тут же перешел на серьезный тон. Когда я спросил его, будет ли он в будущем снова выдвигать свою кандидатуру, то в ответ услышал: «После того как в 1960 году меня постигла неудача, на такой же вопрос я дал ответ — никогда больше. Очень скоро я понял, что поспешил с таким обещанием. И, как видите, в 1964 году продолжил борьбу. Наученный горьким опытом, на сей раз утверждать, что я навсегда вышел из игры, я не буду».

Это было сказано сгоряча, когда Нельсон Рокфеллер еще не отошел от азарта схватки, не успел облечь свои мысли в округлые, ничего не значащие фразы, к которым он прибег в последующие дни.

Но каждый, кто следит за деятельностью этого члена рокфеллеровского клана, и без такого признания убежден, что Рокфеллеры и не думают отказываться от желанного поста.

Их козыри — огромные богатства, но есть и трудности — жестокая конкуренция. Морганы и Форды, Дюпоны и многие другие отнюдь не в восторге от воцарения конкурента в Белом доме. Они-то и подставляют ножку Нельсону Рокфеллеру. Но Рокфеллеры не сдаются. Рокфеллеры по-прежнему не жалеют усилий в борьбе за власть.



герцоги уолл-стритские

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ ДИНАСТИИ ВАНДЕРБИЛЬТОВ

До сих пор на этих страницах речь шла о богатейших из богатых, о могущественнейших из могущественных, о тех, кого в Америке величают некоронованными королями. Но на Уолл-стрите обитают не только короли. Есть там и всевозможные герцоги и графы финансовых королевств. Они играют немалую роль, обладают немалыми богатствами, и о них тоже следует рассказать.

* * *

В один из летних дней 1961 года на первых полосах американских газет под аршинными заголовками появилось сообщение, которое расценивалось как первостепенная сенсация.

Сообщение гласило:

«В ночь на 25 июня в Сан-Франциско покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна десятого этажа большого отеля, Джордж Вандербильт, 27 лет, правнук основателя одной из могущественнейших монополистических групп Амери-

ки — династии Вандербильтов. О самоубийстве Вандербильта сообщила его последняя, четвертая жена, которая заявила: «Вчера он приехал с деловой встречи, и я вышла, чтобы переодеться. Когда я вернулась, его не было в комнате. Все уже произошло».

Что же случилось? Почему миллиардер не придумал ничего лучшего, как выпрыгнуть из окна.

Следствие показало, что самоубийство Джорджа Вандербильта связано с экономическими затруднениями и значительными финансовыми потерями.

«В последнее время,— заявила полиция,—Вандербильт был угнетен и подавлен, так как на него обрушилась целая серия крупных финансовых неудач».

Надо сказать, что финансовые неудачи обрушились не только на Джорджа Вандербильта, но и на все это семейство, некогда входившее в первую пятерку миллиардерских семей Америки.

Есть смысл хотя бы коротко рассказать историю взлета и падения могущества этого семейства, ибо их причины не есть обстоятельства только и исключительно семейные.

Основатель династии Вандербильтов, пожалуй, самая колоритная фигура среди американских миллионеров прошлого века.

Корнелий Вандербильт родился в 1794 году. Автор книги «История американских миллиардеров», буржуазный историк Густав Майерс пишет: «Первые миллионы Вандербильта получены им главным образом в результате вымогательства, обмана и воровства».

Официальная пропаганда США, изображающая дело так, будто все крупные состояния в Америке — результат упорного труда и необычайных талантов их обладателей, не любит упоминать о Вандербильте. Слишком уж скандальной была его деятельность.

Вот махинация Корнелия Вандербильта, принесшая ему первые сотни тысяч долларов.

Когда в Соединенных Штатах началась гражданская война между Севером и Югом, правительству потребовалось много судов для перевозки солдат. Вандербильт, пользуясь своими связями, собрал где можно всяческую рухлядь, фактически не пригодную к плаванию.

Как Чичиков за мертвые души, Вандербильт платил за эти посудины гроши. Кое-как подлатав и подкрасив их, он пред-

ложил большую партию таких, с позволения сказать, «судов» государству.

Предварительно он сунул взятки нескольким чиновникам. «Корабли» Вандербильта купило правительство, причем заплатило за них, как за новые и полноценные суда. Многие из этих посудин, едва выйдя в море, тонули.

В результате такой морской «операции», помимо долларов, получил Вандербильт звание коммодора—предадмиральское в американском флоте.

Именно тогда, в ответ на опасливые увещевания одного из своих помощников, коммодор бросил непревзойденную по цинизму, ставшую знаменитой реплику: «Закон? Зачем мне закон? Разве я не обладаю силой?»

Вскоре, однако, «морские перевозки» перестали удовлетворять Вандербильта, и он переключился на железные дороги. В середине 60-х годов XIX века при помощи всяческих махинаций он приобрел несколько железных дорог, объединив их в единую систему.

Вандербильт захватил нью-йоркскую Центральную железную дорогу — одну из важнейших в стране. Чтобы стать ее хозяином, этот бизнесмен не остановился перед открытым бандитизмом. Финансовые советники Корнелия Вандербильта рекомендовали ему потихоньку начать скупать акции Центральной железной дороги и неожиданно для конкурентов сосредоточить в своих руках контрольный пакет. Способ в мире бизнеса обычный. Однако он показался Вандербильту слишком медленным, а главное, слишком дорогим. По его приказу наемники разбирали железнодорожное полотно, ломали мосты, останавливали на дороге поезда. Дела на железной дороге шли все хуже, и, когда отлив пассажиров принял угрожающие размеры, Вандербильт предложил владельцам железной дороги продать ее ему.

Те были рады избавиться от убыточного предприятия и сбыли по дешевке все принадлежащие им акции.

Эти «коммерческие» операции дают достаточно наглядное представление о методах Вандербильта.

Корнелию Вандербильту наследовал его сын Вильям. Он продолжал энергично действовать в сфере железнодорожного бизнеса.

Второй Вандербильт решил внести свой вклад в дело обогащения семьи и дополнить отцовские методы своими собственными.

Вильям Вандербильт развивал «деловую» активность в другой области — в области... бракосочетаний. Он выдал свою дочь Консуэло замуж за английского герцога Мальборо. Вместе с титулом Вандербильт получил такие связи в аристократическом и деловом мире Европы, которые вскоре обернулись новыми доходами.

Убедившись в выгодности подобного «помещения капиталов», семейство Вандербильтов вскоре выдало Глэдис Вандербильт замуж за представителя высшего венгерского дворянства — графа Ласло Сечени. Дальше — больше. Одна из вандербильтовских дочерей вышла замуж за Гарри Пэйна Уитнея, наследника огромного состояния. Корнелий Вандербильт-младший женился на дочери Р. Т. Уильсона, миллионера, капиталы которого составились главным образом из полученных в городе Детройте концессий. Вильям К. Вандербильт-младший женился на дочери архимиллионера-горнопромышленника сенатора Фэра из Калифорнии.

Каждая новая брачная сделка приносила семейству все новые миллионы. Однако финансовое могущество и влияние семейства, некогда царившего на Уолл-стрите, стало колебаться.

Фамилия Вандербильтов постепенно начинает перекочевывать в газетах из раздела «бизнес» в рубрику «свадьбы и разводы», в разделы светской хроники.

Предпринимательская деятельность семейства ограничилась, по существу, областью железных дорог. До тех пор пока железнодорожное сообщение оставалось основным в экономике страны, их положение было достаточно прочным. Но мало-помалу у железнодорожного транспорта появились опасные соперники, и прежде всего авиация и автомобильный транспорт.

И хотя нынешний глава семейства Гарольд Вандербильт, правнук коммодора, занимает директорские посты и заседает в правлениях 28 крупнейших железнодорожных компаний Америки, это не идет ни в какое сравнение с прежним. Однако, пожалуй, главным капиталом семейства остается его причастность к высшим кругам американской аристократии денежного мешка, принадлежность к самому узкому кругу деловой элиты.

Вряд ли можно переоценить значение этого обстоятельства. Оно не выражается в какой-нибудь определенной сумме долларов, но стоит по своему реальному весу многих миллионов.

Американский сенатор Рибиков как-то не без остроумия заметил, что беднякам «плохо везет в лотереях, на которых разыгрываются родители, цвет кожи и место рождения». Вандербильтам в этом смысле более чем повезло. Сама их фамилия открывает перед ними в Америке двери самые заветные, а вместе с ними кошельки и банковские кредиты.

Поместив как-то на своих страницах фотографии умопомрачительных по роскоши вилл Майами и Палм-Бича — фешенебельных флоридских курортов,— журнал «Лук» констатировал: «Здесь собираются сливки американского общества. Две сотни семей, проводящие во Флориде ежегодно несколько зимних месяцев, по подсчетам специалистов, обладают тремя четвертями богатств Соединенных Штатов. Они ведут здесь рассеянный образ жизни, общаясь друг с другом и избегая посторонних».

Но какая связь, спросит читатель, между модными курортами, принадлежностью Вандербильтов к избранному обществу и бизнесом?

Связь непосредственная и немаловажная.

На первый взгляд происходит нечто ничего общего не имеющее ни с политикой, ни с бизнесом. Просто очень богатые джентльмены съезжаются в клуб, чтобы отдохнуть, весело провести время.

А между тем не будет преувеличением сказать, что в аристократических клубах Нью-Йорка и Вашингтона, Чикаго и Сан-Франциско, Далласа и Бостона воротилы большого бизнеса не только кейфуют, но и занимаются политикой, высказывают мнения, которые потом эхом отдаются в министерских и сенаторских кабинетах.

Закрытые клубы — вещь, без которой, пожалуй, не понять тайн экономической и политической жизни современной Америки.

В клубах есть все — площадки для гольфа, кегельбаны, рулетка и карточные столы, крытые традиционным зеленым сукном, бильярдные и кинозалы, библиотека, телетайпные, где можно узнать последние новости политики и бизнеса, узлы связи, откуда можно позвонить клиенту на другой конец света, бассейны, турецкие и финские бани и, конечно же, ресторан с наилучшими поварами. У каждого члена клуба есть свои личные апартаменты, где он может пребывать в собственном халате и шлепанцах.

Но главное — это возможность общаться с себе подобными

вдали от светского шума, от посторонних и нескромных глаз, от назойливого любопытства прессы.

Приобщение к одному из таких клубов само по себе признак наивысшего процветания.

Гостями таких клубов бывают министры и сенаторы, генералы и редакторы, маститые профессора и крупные издатели.

Здесь не ведутся протоколы, не подсчитываются голоса. Но мнения, переданные непосредственно собеседнику, приглашенному отведать творения клубного повара,— сенатору, мэру, судье, издателю, либо доведенные до сведения законодателей и иных представителей властей, обычно становятся тем ориентиром, на который держат курс эти последние.

Вот здесь-то и заключен невидимый, но важный капитал семейства Вандербильтов.

Они по-прежнему вхожи в такие клубы, они их завсегдатаи, свои там люди, а это дорогого стоит. Затевая какое-либо дело, члены семейства Вандербильтов всегда получат поддержку, им обеспечены многомиллионные займы и кредиты в крупнейших банках.

Некоторое время назад журнал «Лайф» опубликовал фоторепортаж о бале, который состоялся во дворце Вандербильтов в Ньюпорте.

Как утверждал репортер, никогда еще семидесятикомнатный летний дворец Вандербильтов не выглядел более празднично. Одно старинное столовое серебро, на котором подавали угощение, стоило свыше миллиона долларов. Среди полутора тысяч гостей были все богатейшие люди Америки, дамы в костюмах и париках времен короля Людовика XIV, специально заказанных в Париже. Стоимость каждого такого парика превышала месячную зарплату американского рабочего.

Пышным балом семья пыталась сгладить тягостное впечатление от самоубийства Джорджа Вандербильта.

Самоубийство это приобрело характер поистине символичный.

Династия Вандербильтов, несмотря на то что капиталы и влияние ее еще достаточно велики,— характерный пример паразитизма и загнивания современного капитализма. Не случайно трагический конец молодого миллиардера повергнул в уныние всех уолл-стритских завсегдатаев, в том числе никогда не видевших в глаза самоубийцу, не имевших к нему никакого отношения. Как рассказывают очевидцы, в течение несколь-

ких дней на Уолл-стрите об этом только и говорили, а в правлениях крупнейших банков царило похоронное настроение.

Вероятно, не одному из некоронованных королей приходила в эти дни мысль о том, что они заглянули в свое будущее!

КОРОЛИ-СТАРЬЕВЩИКИ И НИЩАЯ МИЛЛИОНЕРША

В деловом мире Нью-Йорка есть не только короли нефти, угля, стали и другие, но и король застежек, король старой обуви и т. д. Журнал «Тайм» описывает такую сцену: «В здании нью-йоркской торговой выставки собрались короли загадочной отрасли промышленности. Жуя сигары, они развязывали мешки и извлекали оттуда диковинные вещи. Тут были старые ящики для боеприпасов и «слегка поношенные» тропические трусики, одеяла, надувные матрацы, пороховые рожки из Германии и надувные змеи из Японии. Это происходило на 15-й торговой выставке, устроенной торговцами товаров из фонда правительственных излишков».

Такие торговцы, по существу старьевщики, отмечает журнал, поставляют с одного побережья на другое 9 тысяч видов залежалых товаров. Они постоянно снуют возле военных складов и складов частных промышленников, покупая по бросовым ценам устаревшие и залежалые товары.

Источник обогащения, пишет «Тайм», неиссякаемый: армия часто закупает слишком много, а потом находит продукцию устаревшей либо просто избавляется от товаров, портящихся на складах. Убытки, понесенные армией, превращаются в прибыль для коммерсантов, которые наживают до 75 миллионов долларов ежегодно.

Один из таких коммерсантов, некий Сэм Грейф, закупил более 2 миллиардов застежек-«молния» на сумму 120 тысяч долларов. Постепенно он успешно сбыл их промышленникам, производящим куртки.

Грейф известен среди коммерсантов под именем короля бортовой ткани, так как купил однажды 400 тысяч метров бортовки для армейских кителей за 15 тысяч долларов, а затем выгодно продал ее.

Королем королей старьевщиков называют другого бизнесмена — Эдди Тарашинского. Его отец положил начало промыслу коммерсантов-старьевщиков еще в 1904 году. Двенадцать складов Тарашинского в Нью-Йорке забиты чем угодно: здесь сабли времен испано-американской войны, эполеты периода гражданской войны и 4 тысячи противогазных масок для лошадей. В конце 1959 года Тарашинский закупил у вооруженных сил 200 тысяч ненужных коробок для боеприпасов по 12 центов за штуку. Товар лежал на складах до тех пор, пока Тарашинский не открыл, что ручки коробок могут пригодиться для чистильщиков ботинок. Он стал их продавать по 20 центов.

Рассказывая о достопримечательностях Уолл-стрита, вам обязательно поведают о некоей Хетти Грин, которая несколько десятилетий была приметной фигурой на уолл-стритской бирже.

Она умерла не так давно в возрасте 82 лет, оставив состояние, превышающее 100 миллионов долларов. Американские газетчики откликнулись на ее смерть, написав, что этот мир покинула «самая богатая и самая отвратительная женщина Америки».

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·

КТО УЖИНАЕТ В «НИКЕРБОКЕРЕ»



Самая фешенебельная в Нью-Йорке, а быть может, и во всей Америке — Пятая авеню. Обретаться здесь — значит демонстрировать свою причастность к весьма узкому кругу американской аристократии. Внешне дома, выходящие своими окнами на зеленый массив Сэнтрал-парка, мало чем выделяются. Быть может, только ковровыми дорожками, протянутыми от подъездов к краю тротуара, да пышно разодетыми ливрейными швейцарами в подъездах домов.

Но именно здесь обитают люди с самыми громкими в Америке име-

Хетти Грин появилась на бирже в роли маклера в конце прошлого века. Уже тогда она располагала шестимиллионным состоянием, оставленным ей отцом-биржевиком. О себе Грин говорила, что два года, проведенные ею в бостонской школе, были потерянным временем. «Единственное, что я вынесла из школы,— это умение бренчать на рояле и танцевать, но кому это нужно! Подлинное образование я получила у отца, который научил меня читать биржевые ведомости, когда мне было шесть лет».

На протяжении десятков лет изо дня в день в операционном зале уолл-стритской биржи появлялась Хетти Грин. Даже привычные ко всему биржевики сторонились миссис Грин, злобной как фурия, хитрой и нечистоплотной. Неоднократно ее привлекали к уголовной ответственности за подделку документов, фальшивые подписи, лжесвидетельство и даже мелкие кражи. Но каждый раз эта дама выходила сухой из воды при помощи взяток.

Чудовищно скупая, она жила в грязных меблированных комнатах, ходила в отрепье, питалась в дешевых забегаловках и копила, копила... Она вечно жаловалась на бедность. Об огромных капиталах Хетти Грин стало известно лишь

нами. Дом № 1040. Здесь в роскошных апартаментах двухэтажной квартиры 6 месяцев в году живет Жаклин Онасис, вдова президента Кеннеди. Недалеко мрачно-серое здание под номером 812. Здесь обитает Нельсон Рокфеллер. В доме 810 — нью-йоркская квартира Ричарда Никсона.

Эта квартира глядит на невысокое, всего в три этажа, здание красного кирпича с высокими, зеркального стекла окнами. Рядом с входом в здание прикреплена скромная, потемневшей бронзы дощечка, на которой выбито: «Никербокер».

«Никербокер» — это клуб. Клуб, членами которого могут стать лишь наиболее богатые из богатых, наиболее титулованные из титулованных. О замкнутости клуба вы можете судить лишь по одному факту: Ричард Никсон был сочтен членами клуба недостаточно маститым и аристократичным и забаллотирован во время голосования в связи с его заявлением с просьбой принять в члены клуба.

Таковых членов «Никербокера» на сегодняшний день насчитывается 600 человек, носителей самых громких имен в Америке и в Западной

после ее смерти, причем при весьма своеобразных обстоятельствах.

Оказалось, что денег своих она никому не завещала, специально оговорив при этом, что ее сын и дочь не должны получить ни цента, поскольку они «расточительные особы». Судьба этого богатства длительное время занимала умы обывателей и послужила причиной нескольких судебных разбирательств.

Короли-старьевщики и нищая миллионерша — это, конечно, анекдотические детали повседневной жизни нью-йоркского бизнеса. Но детали символические.

Конечно, такая уолл-стритская сошка не делает там погоды. Как мелкая рыба, сопровождающая в море акулью стаю, они живятся тем, что остается от трапезы крупных хищников. Тем не менее люди эти представляют интерес немалый.

Почему?

В последние годы в Америке обнаружили себя опасные явления, весьма смахивающие на то, что происходило в Германии в начале 30-х годов, когда гитлеровская свора рвалась к власти.

За спиной гитлеровского движения находились крупней-

•ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ•

Европе. Братья Рокфеллеры и отпрыски старинных аристократических родов Франции, английские лорды и члены европейских королевских фамилий собираются здесь, чтобы вдали от глаз и ушей непосвященных в неофициальной обстановке обсуждать свои дела — от династических браков до состояния международных финансов.

Нью-йоркские снобы любят повторять такую сентенцию: «Если вы хотите заключить сделку на 10 тысяч долларов, то отправляйтесь завтракать в клуб «Метрополитен». Если вы хотите заключить сделку на 100 тысяч долларов, то пообедайте в клубе «Регби». Ну, а если вы намереваетесь совершить сделку на миллион долларов или больше, то идите ужинать в «Никербокер».

шие богатеи Германии: Крупп — пушечный король, стальной король Стиннес и некоторые другие. Но не Крупп, и не Стиннес, и не их сынки шли в штурмовые отряды, в эсэсовские шайки.

Эсэсовцы вербовались в среде лавочников, мелких и средних предпринимателей, напуганных революцией в России, подъемом рабочего движения в Германии. Именно эти слои оказались питательной средой для массовых фашистских организаций.

И в сегодняшней Америке, именно здесь, находят своих сторонников американские фашисты.

Мне довелось встретиться и даже пространно побеседовать с одним из таких субъектов.

Дело происходило в воскресный день недалеко от американской столицы. Вместе с коллегами — несколькими советскими журналистами — мы решили провести воскресенье на лоне природы.

Однако легко сказать «побывать на лоне природы и искупаться». Сделать это в Америке не так-то просто. То, что у нас кажется элементарным: садись на электричку, вылезай где хочешь, купайся, загорай сколько душе угодно, то в Америке, если у тебя нет в собственности загородного имения или какого-нибудь земельного угодья, сделать не так-то просто. Куда ни кинь взор, везде таблички с надписью: «Прайвит проперти» — «Частная собственность».

Но желание искупаться было слишком велико, и потому один из моих друзей, постоянно работающий советским корреспондентом в Вашингтоне, привез нас на берег небольшого, очень живописного озера, километрах в тридцати от столицы.

Правда, дорога к нему была перегорожена шлагбаумом, около которого стоял здоровенный парень в джинсах, меланхолично жевавший резинку. Когда наша машина подъехала к шлагбауму, он молчаливо указал нам пальцем на плакат, извещающий, что за право искупаться в озере Тимберлейк каждый должен заплатить некую толику долларов. Тщательно пересчитав деньги, парень поднял шлагбаум, и мы получили возможность нырнуть в прохладную воду.

Когда мы, накупавшись, сидели на берегу, подле нас оказался высокий рыжий детина, который, как выяснилось, был хозяином этого озера. Звали его Джо Янг. Узнав, что мы советские журналисты, он пришел в ярость и разразился бранью.

— Жаль, что у меня нет автомата,— рычал не слишком гостеприимный владелец озера,— я бы с вами поговорил иначе.

Согласитесь, не каждый день нашему брату удается поговорить с живым фашистом. А то, что наш собеседник был самым настоящим фашистом, стало ясно после первых минут разговора.

Он заявил, что, не замедлив, сбросил бы ядерные бомбы на все города социалистических стран и что единственное надежное правительство в мире — это расистское правительство в Южной Африке.

Откуда же взялся Янг, чем питаются его диковинные взгляды?

В разговоре выяснилось, что все его образование — это четыре класса, которые он окончил с грехом пополам. Затем он работал фотографом. Бродя как-то в окрестностях Вашингтона, наткнулся на большой овраг с пологим песчаным берегом, с теплыми ключами на дне. Решил, что на этом можно хорошо заработать. Пустил в ход все свои сбережения, сбережения своих знакомых, по уши влез в долги, купил овраг, соорудил запруду.

Озеро, песчаный берег, реклама сделали свое дело. Тысячи жителей американской столицы стали проводить здесь субботние и воскресные дни. Хлопот немного, а доллары капают, дело доходное.

Сейчас на текущем счету Янга уже около полутора миллионов долларов.

— Кто мне помог? — уже не вопит, а философствует Янг, распластавшийся на траве.— Президент мне помог? Правительство? Сенат? Черта лысого! Я сам себе помог! Так какого дьявола,— голос его снова поднимается до визга,— эти гниды из Вашингтона, эти налоговые чины, лезут в мои дела? Почему я им должен платить налог, с какой стати я должен заключать коллективные договора с моими рабочими? Это вы во всем виноваты, это ваши коммунистические идеи, Карл Маркс и прочие!

— А что вы знаете про коммунизм, что читали о Карле Марксе?

— Я ничего не читал, что понаписала ваша интеллигенция, но я хорошо знаю, кто и почему засовывает руку в мой карман, и вы меня не собьете: от вас идет вся зараза — налоги, пенсии и прочий социализм. А нынешние хлюпики, сидящие

у нас в Вашингтоне, вместо того чтобы дать в морду, виляют. Нужен крепкий парень в Белом доме, парень с железными кулаками, он всем покажет. Я и такие, как я, ищем такого парня.

— А как вы думаете, Гитлер был таким парнем?

— Может быть, и был, но, поверьте мне, мы найдем своего лидера и не дадим ему влипнуть так, как влип тот, в Германии.



техасские миллиарды

НОВЫЕ БОГАЧИ

Во многих странах есть города, районы, провинции, жители которых становятся объектом шуток, анекдотов, всяческих историй. Гасконцы во Франции, габровцы в Болгарии дают вот уже сотни лет пищу острякам. Такая Гасконь имеется почти в каждой стране, есть она и в Соединенных Штатах Америки. Это штат Техас. Можно с уверенностью сказать, что один из трех анекдотов, рассказываемых американцами, посвящен Техасу. Жителям Техаса молва приписывает беспардонную хвастливость, невероятную страсть к преувеличениям и — что главное — полную убежденность в том, будто именно Техас — центр Вселенной и только техасцы принадлежат к числу людей, достойных внимания. Популярен, например, в Америке такой анекдот: во время минувшей войны по полю сражения, где лежат тысячи убитых, бродит корреспондент техасской газеты. «Есть ли здесь кто-нибудь из Техаса?» — спрашивает он. Больше его ничто не интересует.

Это анекдот. А вот какова действительность. 70-летний Клинтон Мерчисон скупил большую часть штата. Теперь он занят тем, чтобы скупить всю остальную территорию Соединенных Штатов и присоединить ее к Техасу.

Кто же такой этот Мерчисон, на которого честолюбивые техасцы возлагают столь большие надежды?

Он — один из нескольких крупнейших техасских воротил, прибравших к рукам значительную часть экономики Юга Соединенных Штатов и играющих все более заметную роль в экономической и политической жизни страны.

Клинтон Мерчисон и два его сына входят в группку дельцов, которых называют техасскими баронами. К ней принадлежат также Гарольдсон Хант, братья Клейберги, братья Брауны и еще с полдюжины толстосумов, привлекших к себе внимание в самые последние годы. К техасским баронам причисляли и недавно умерших Сида Ричардсона и Хью Каллена.

В Америке считают, что личные состояния этих дельцов относятся к самым крупным в стране. Если компании, находящиеся под их контролем, пока еще не могут конкурировать с концернами Дюпонов, Меллонов, Рокфеллеров, то по размеру личных богатств каждый из техасских баронов не только догнал, но и обогнал многих из тех, кто входит в американскую финансовую элиту.

До сих пор у нас шла речь о группе могущественных и богатых предпринимателей, которых нередко на страницах политической литературы именуют уолл-стритским объединением. Это наиболее старая, возникшая еще в середине прошлого века группа предпринимателей, на протяжении многих десятилетий бесконтрольно хозяйничавшая и в бизнесе, и в политике Соединенных Штатов.

Но в последние годы в районе Великих Озер, в Калифорнии и Техасе, прежде всего на дрожжах военных прибылей, возникли новые группы богачей. Они ожесточенно конкурируют с китами Уолл-стрита, пробиваясь не только к богатствам, но и к вершинам власти.

Точных данных о размерах богатств техасских выскочек нет. Так, например, Хью Каллен, отличавшийся непомерной хвастливостью, любил значительно преувеличить свои богатства, утверждая, что ему принадлежит до полутора миллиардов долларов. Мерчисон, наоборот, прибедняется, называя цифру «всего лишь» в два-три десятка миллионов. Специалисты оценивают богатства наиболее состоятельных из техасских баронов от 700 миллионов до 1 миллиарда долларов.

В деятельности многих из них и в истории возникновения их состояний немало общего. Богатейшие — Мерчисоны, Ричардсоны, Каллены — живут в графстве Гендерсон. Центр

этого административного округа — городок, названный Афинами. Поэтому обитающих здесь техасских баронов американская печать иногда называет «новыми афинянами». Почти все техасские промышленники и финансовые воротилы начинали свою деятельность как владельцы крупных скотоводческих ранчо и торговцы скотом.

Сейчас американская пресса пытается выдать техасских миллиардеров за типичных средних американцев, разбогатевших благодаря собственному труду.

Американские пропагандисты любят рассказывать о начале карьеры Клинтона Мерчисона, и притом весьма чувствительно. Подумайте только: один из девяти детей в семье — маленький Клинт вставал в три часа утра, отправлялся за город и расставлял капканы, в которые ловил скунсов. А затем продавал ценные шкурки этих зверьков. Не правда ли, трогательно? И вполне поучительно для юных американцев.

Для полной ясности добавим только, что охотился на скунсов юный Мерчисон отнюдь не ради хлеба насущного. Отец его был директором крупного банка, так что на хлеб семейству Мерчисонов хватало. Ловкие пропагандисты просто-напросто пытаются вполне обычное для мальчишек тех мест развлечение преподнести как тяжкий труд с целью заработать на пропитание, чего в действительности не было и в помине.

Когда Клинт Мерчисон стал взрослым, он на деньги отца приобрел ряд крупных ранчо в различных районах Техаса и занялся прибыльной торговлей скотом. Примерно так же начинали свою деятельность Ричардсон и Каллен.

Однако это еще не объясняет, каким образом владельцы ранчо и скотопромышленники вознеслись на вершину финансовой пирамиды Соединенных Штатов Америки. Нет, не лошади и не быки обогатили техасских баронов. Их обогатила нефть, не столь давно обнаруженная в недрах Техаса.

Естественно, как всегда бывало раньше, к техасской нефти потянулись лапы Рокфеллеров и Меллонов. Но на сей раз всемогущим Рокфеллерам не удалось прибрать все вновь открытые залежи, хотя значительную часть они все-таки захватили. Немалая доля оказалась у предприимчивых техасских дельцов, владевших обширными участками земли.

Началась жестокая конкурентная борьба между владельцами техасских земель и могущественными нефтяными трестами Уолл-стрита. Газеты, существующие на деньги техасских нефтепромышленников, пытаются объяснить победу своих

боссов в этой неравной схватке их необыкновенными качествами: гениальными математическими способностями Мерчисона, энергией Ричардсона.

Техасцев спасло другое — острейшая конкуренция между самыми крупными монополистическими объединениями США. Именно это позволило техасским баронам выжить на первых порах. Стремясь не допустить еще большего усиления своих уолл-стритских соперников, промышленники Среднего Запада и Калифорнии, как говорится, в пику Уолл-стриту оказали финансовую и политическую поддержку техасцам, помогли им сохранить в своих руках часть вновь возникшей нефтяной промышленности этого района.

Американская пропаганда очень любит распространяться на тему о созидательной роли предпринимателей. Они, дескать, люди бескорыстные, движимые исключительно интересами развития тех отраслей промышленности, которые их увлекают, а что касается барышей — это, мол, вещь побочная. Но попробуйте установить, чем увлечены Мерчисоны. Нефть? Да, она явилась основой их колоссальных богатств. Но среди владений Мерчисонов мы видим и крупную кондитерскую фирму в Чикаго, и производство духовых ружей в Арканзасе, и издательство школьных учебников в Нью-Йорке, и торговлю мукой на Гаити, и страховую компанию в Теннеси, и автобусную фирму в Далласе.

Мерчисон создал целую империю из многих компаний, в которых заняты десятки тысяч рабочих и служащих. Компании расположены на всем протяжении от Канады до Мексики. Ему принадлежат пароходные линии и железная дорога, компания по производству кондитерских изделий и фирма, торгующая бакалейными товарами. Вопреки тому, что о нем рассказывают, он не увлечен делом — он увлечен деньгами.

Сколотив несколько миллионов на нефтяном бизнесе, Клинтон Мерчисон с конца 30-х годов скупал предприятия самых различных отраслей хозяйства. Так в траурный для американцев день, когда японский флот и авиация совершили внезапное нападение на американские корабли, стоявшие в бухте Пирл-Харбора, когда биржи страны охватила неслыханная паника и курсы акций резко упали, он хладнокровно занимался спекуляцией. Почти за бесценок приобрел Клинтон Мерчисон ряд страховых компаний, превратив день национальной трагедии в день, который принес ему несколько десятков миллионов долларов. В этот эпизод стоит вдуматься.

Началась война. Против США была совершена агрессия. Миллионам американцев предстояли нелегкие дни, лишения, быть может, гибель близких. В такие моменты корыстные интересы обычно отодвигаются на второй план. Обычно, да. Что же касается Мерчисона, он не думал ни о судьбе родины, ни о тех бедствиях, которые несет за собой начавшаяся война. Он думал, как можно использовать минуты растерянности, паники, неопределенности для наживы. Ну совсем как мародеры, которые, пользуясь суматохой на пожаре, под шумок набивают карманы тем, что плохо лежит.

Скупив после окончания войны ряд конкурировавших между собой таксомоторных фирм и объединив их в одну «Сити транспортейшн», Мерчисон стал полновластным хозяином всего далласского таксомоторного парка. Уже в начале 50-х годов промышленно-банковские владения Мерчисона включали свыше ста фирм и учреждений. Капитал семейства — около 800 миллионов долларов.

Миллионы американцев тяжело трудятся для того, чтобы одеть, обуть и дать образование своим детям.

У Клинтона Мерчисона тоже есть дети — Клинт-младший, Джон и Льюпи Мерчисоны. О том, какой образ жизни они ведут, рассказал журнал «Лук». «Льюпи никогда не покупает одну пару туфель. Она покупает шесть. Льюпи выбирает один из трех самолетов, которые принадлежат ее отцу, когда летит в свое загородное поместье, где приземляется на своей собственной взлетно-посадочной дорожке. Разнообразие — одно из удовольствий, которые дает Мерчисонам их богатство. Если Льюпи хочет переменить обстановку, она может полететь из Далласа на принадлежащий семье остров, расположенный недалеко от Темпико (Мексика). Она может отправиться покататься на лыжах в Швейцарию или Скво-Велли (Калифорния), где у нее есть дом. Она может посетить предприятия, в которые вложены средства семьи, в двадцати штатах, Канаде или Перу».

Газеты сообщали, что однажды, выглянув из окна своей спальни, мистер Мерчисон остался недоволен открывшимся перед ним ландшафтом. Он велел его переделать.

— Переделать ландшафт? — спросили его.

— Да, переделать.

И переделали. Срыли одни холмы, насыпали другие, насадили десятки тысяч деревьев. Одних сосен было посажено, как утверждает журнал «Тайм», свыше 10 тысяч штук.

Сид Ричардсон — человек скромный. «Когда ему хочется уехать подальше от светской жизни,— рассказывал журнал «Тайм»,— он обычно летит на самолете на свое ранчо размером в 75 тысяч акров, расположенное в горах Мексики. Дом, построенный на этом ранчо, очень комфортабелен, но туда не проведен телефон, а также нет никакой дороги, поэтому на ранчо можно попасть только на самолете». Бедный, бедный Сид Ричардсон! Подумать только: до самой смерти ему приходилось жить в доме, к которому не проложено дорог! Он был принужден пользоваться самолетом! Вот на какие «лишения» обрекал себя один из техасских миллиардеров.

Я не случайно уже несколько раз на страницах этой книги упомянул о домах, в которых обитают в Америке обладатели больших денег. Дом, в котором живет американец,— это не только его кров, но и своеобразная визитная карточка, свидетельствующая о его месте в обществе. В толпе, заполняющей улицы американских городов, очень трудно на глаз определить имущественное состояние того или иного человека. Американцы, представляющие различные социальные слои, рабочие и клерки, бизнесмены и представители свободных профессий, одеваются примерно одинаково.

Не диковинка в Америке встретиться с миллионером, одетым в дешевый костюм, как не диковинка обнаружить, что шофер, везущий на заседание совета директоров уолл-стритского туза, одет более тщательно и аккуратно, нежели его босс. Маскировка нехитрая, но действенная. В повседневном общении американский труженик может и не ощутить пропасти, которая отделяет его от хозяина.

Но когда этот хозяин покидает свой кабинет и оказывается у себя дома, куда не вхожи простые смертные, все становится на свои места. Шофер, пусть и в тщательно огутюженных брюках, оказывается в небольшой квартирке, за которую он вынужден отдавать в качестве платы от трети до половины всего того, что он зарабатывает. А его хозяин отдыхает во дворце, являющем собой смесь восточного великолепия и самого современного комфорта.

В 30-х годах вместе с Клинтоном Мерчисоном, своим приятелем и партнером по финансовым махинациям, Ричардсон спекулировал нефтеносными участками: он покупал у недальновидных фермеров земельные наделы, а затем перепродавал их втридорога нефтяным магнатам. Вскоре на этих спекуляциях Сид Ричардсон сколотил весьма круглую сумму, позво-

лившую ему самому взяться за нефтедобычу: он приобрел обширные земли в Восточном Техасе. В недрах этого района были обнаружены богатейшие залежи нефти. Своим наследникам Сид Ричардсон оставил состояние, входящее в список крупнейших в мире,— 700 миллионов долларов.

Столько же у семейства Калленов. Его глава — недавно умерший Хью Рой Каллен — был владельцем огромных хлопковых плантаций, на которых под палящими лучами южного солнца от зари до зари трудились сотни батраков-негров. Торговля хлопком, эксплуатация почти дарового труда негров — исконный бизнес богатеев южан. Каллен был типичным из них: в меру богатым, безмерно жадным, жестоким, высокомерным. В 1930 году на одной из его плантаций копали артезианский колодец и обнаружили нефть. Вскоре все поля Каллена были перекопаны и утыканы нефтяными вышками. Ему повезло. Ведь многие его соседи и друзья, вложив все свое состояние в буровое оборудование, не только не становились миллионерами, но разорялись и теряли последнее.

Первый же нефтяной прииск принес Каллену 20 миллионов. А два года спустя в недрах арендованных им участков на берегу Мексиканского залива нашли нефть, общие запасы которой были оценены в 500 миллионов долларов.

Огромные богатства, огромная власть сосредоточены в руках вознесенных нефтяным бумом техасских воротил. Соперничая и не доверяя друг другу, они все же держатся сплоченно — в одиночку не устоять перед могущественными конкурентами.

Свободное время «новые афиняне» проводят в клубе «Куин Крик клаб», расположенном в диком месте на востоке Техаса. В члены клуба принимают только миллионеров. Здесь они, как свидетельствует светская хроника, «живут в простых хижинах, ходят в спортивных рубашках и старых штанах, играют в азартную карточную игру «джин рамми», по одному центу за очко, борются друг с другом и занимаются рыбалкой». До чего же простые парни!

Правда, сообщают репортеры, на рыбалку их сопровождают проводники, чтобы насаживать червяков на крючки и снимать рыбу. Что же касается ловли рыбы, особенно в мутной воде, то это они делают сами и с мастерством, скажем прямо, непревзойденным. Этому мастерству в значительной степени они обязаны тем, что в последние годы увеличили свои состояния в десятки раз.

ПРЕЗИДЕНТ ИЗ ТЕХАСА

До недавних пор, несмотря на огромные богатства техасцев, в кругах королей американского большого бизнеса их както не очень принимали всерьез. Не верили в прочность их положения, считали преувеличенными цифры миллионов, которыми они располагают. Так было.

Пожалуй, два события резко изменили отношение к техасским богатеям, заставили высокомерных обладателей старых состояний принять их всерьез. Одно из этих событий — убийство во время поездки в Техас президента Кеннеди, преступление, нити которого явно тянутся в логово техасских воротил. Это убийство показало многим, в том числе могущественным силам, стоявшим за Джоном Кеннеди, что новые богачи не хотят мириться с ролями второстепенными и претендуют теперь на главенствующее положение не только в бизнесе, но и в политике.

Другим событием, тесно связанным с первым, является приход в Белый дом на смену убитому Кеннеди техасца Линдона Джонсона. Но раньше, чем говорить о Джонсоне, немного о тех, кто, сделав ставку на этого школьного учителя из небольшого техасского городка, много лет вел его к вершинам власти, рассчитывая использовать пребывание «своего человека» на президентском посту для преумножения своих богатств.

Итак, о техасском семействе Браунов. Среди богатеев этого штата оно стоит несколько особняком. В те времена, когда Техас представлял огромное скотоводческое ранчо, а о промышленности там еще и слыхом не слыхивали, предприимчивый пришелец с севера Герман Браун уговорил одного из местных богачей — Рута — организовать строительную фирму. Техасские плантаторы, выгодно торгуя шерстью и кожей, мясом и хлопком, быстро богатели. Возникали новые города, и оборотистый Браун правильно рассчитал, что строительный бизнес — из перспективных в этом штате...

Однако одной оборотистости недостаточно. Для начала требовалось хотя бы несколько десятков тысяч долларов, а их у Брауна не было. Долго убеждал он Рута, пустил в ход все свое красноречие, и неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы раньше папаши это красноречие не вскружило голову дочери Рута Маргарет. Женившись на ней, Герман Браун угово-

рил наконец тестя и накануне первой мировой войны, в 1914 году, в Техасе возникла инженерно-строительная компания «Браун энд Рут». Старый Рут вскоре умер, и с тех пор делами фирмы заправлял Герман Браун и его младший брат Джордж. Техасская земельная знать долго не пускала в свой круг хозяев нового дела, считая недостойным аристократа занятием всякие там подряды, пыль и грязь строительных площадок.

Шло время. На дрожжах строительного бума брауновская компания быстро разрасталась. Ее хозяева не очень горевали по поводу холодного к ним отношения техасских богатеев. Оно даже пошло им на пользу: чувствуя себя чужаками в аристократических салонах Далласа и Хьюстона, братья Брауны установили тесную связь с предпринимателями Уолл-стрита. Это обстоятельство послужило причиной того, что обособленность Браунов в Техасе стала, если можно так выразиться, хронической.

Огромные капиталы, сконцентрированные ныне в руках семейства Браунов,— четверть миллиарда личного состояния и два с половиной миллиарда, находящиеся под контролем,— превратили это семейство в одно из могущественнейших в Техасе.

Деньги Браунов сыграли самую существенную роль во многих избирательных кампаниях последних 40 лет. Памятуя о том, что в следующей избирательной кампании им опять придется обращаться к брауновскому кошельку, лидеры демократической партии в те периоды, когда партия находится у власти, предоставляют этим техасским промышленникам самые лакомые кусочки.

После смерти Германа Брауна во главе семейного бизнеса оказался его младший брат Джордж. Убедившись на опыте собственной семьи в выгодности дружбы с вашингтонскими политиками, он сугубое внимание обратил на поддержание и расширение связей с верхушкой демократической партии. Надо сказать, что на Юге Соединенных Штатов в течение долгих лет демократическая партия была единственной. Козырной картой семейства Браунов много лет являлась их тесная связь с политиком по имени Линдон Джонсон.

Здесь мне хотелось бы рассказать немного о человеке, которому суждено было стать 36-м в истории Америки президентом. Он был скромным учителем в одном из техасских колледжей. Колледж этот стоял на земле, принадлежащей богатейшим техасским помещикам, братьям Клейбергам. Хозяйством

занимался старший из братьев — Роберт, а младший, Ричард, жил в Вашингтоне, представляя в американском парламенте интересы не столько штата Техас, сколько семейства Клейбергов. Хозяин поместья обратил внимание на молодого, ловкого и услужливого учителя. Младший брат писал ему из Вашингтона, что нуждается в верном человеке для работы в качестве своего личного секретаря и хотел бы взять к себе в услужение земляка. С рекомендательным письмом старшего из Клейбергов направился Линдон Джонсон в начале 30-х годов в столицу, где начал свою карьеру в роли поверенного техасского парламентария.

В те же годы зародилась дружба Джонсона и с Джорджем Брауном. Любопытно, что первым, кто был принят Линдоном Джонсоном, когда он впервые вошел в свой овальный кабинет в Белом доме, был Джордж Браун. «Это единственный человек в Белом доме за долгие годы,— заявил он корреспондентам, выйдя от президента,— который заслуживает нашего доверия».

И дело здесь, конечно, не просто в симпатиях к земляку. Техасские предприниматели давно и хорошо знают Джонсона. «Предприниматели были всегда в числе его лучших друзей,—

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·

КОВБОИ ВБЛИЗИ



Стояли ясные, но прохладные дни поздней осени 1969 года. Наша машина шла по необычной для Америки пустынной автостраде. Вокруг расстилались прерии, кое-где всхолмленные, с уже пожухлой травой, гряды камней, низкорослый колючий кустарник. И хотя мы находились на самом юге страны, суровый ландшафт Техаса нимало не напоминал ни солнечную Флориду с ее вечно зеленой растительностью и раскидистыми пальмами, ни синенебую Калифорнию с бесконечной перспективой апельсиновых и лимонных рощ.

констатирует хорошо информированный американский журнал «Форчун»,— а его жена «леди Бэрд» Джонсон и по сей день является образцом удачливого бизнесмена. За три десятилетия она превратила сумму, доставшуюся ей в наследство от деда, плантатора из Алабамы, в значительное состояние, превышающее 10 миллионов долларов, став хозяйкой крупнейшей на юге страны радиотелевизионной сети».

Сам Джонсон, занимая высшие государственные посты, не забывал в то же время свое хозяйство. Немалое внимание он уделял и своему обширному ранчо, занимающему сотни акров по берегам техасской речки Педерналес. Большой дом, расположенный в центре этого ранчо, в бытность Джонсона президентом пресса Америки именовала «техасским Белым домом». Джонсон проводил здесь значительную часть времени, решая государственные дела, проводя заседания кабинета министров и даже принимая глав иностранных государств.

Но не только желание работать в приятной обстановке, привычном климате, вблизи от друзей заставляло хозяина Белого дома иногда по нескольку раз в месяц совершать с чадами и домочадцами перелеты из Вашингтона в Техас. Хорошо информированная в делах предпринимательства газета

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·

Вокруг была неуютная земля, покореженные непрестанно дующими ветрами кривобокие деревья, удивительное для плотно заселенной Америки малолюдство. Далеко не каждый может выдержать здешнюю жизнь — трудный, с резкими перепадами температур климат, безводье, нелегко достающийся хлеб насущный.

Время от времени за окном машины возникал кадр, будто бы взятый с одной из бесчисленных лент знаменитых голливудских вестернов — боевиков из ковбойской жизни: стада, погоняемые лихими парнями в широкополых шляпах, скачущими на лошадях, размахивая лассо.

Вскоре я увидел техасских ковбоев вблизи. Остановившись подле небольшой закусочной — время было обеденное,— я решил отведать знаменитое техасское барбакью — еду столь же экзотичную, сколь и вкусную. На деревянной тарелке, поставленной передо мной коренастым пареньком в ковбойской широкополой шляпе и пристегнутой к широкому поясу кобурой пистолета (по-моему, неуместной в данном случае), лежали куски недожаренного говяжьего мяса, приправленные невообразимой остроты соусом с коричневой фасолью и маринованными стручками перца.

«Уолл-стрит джорнэл» рассказывала: «Близкие друзья Джонсона обычно отмечают его интерес к бизнесу, основываясь на том, как он ведет свои дела на принадлежащих ему ранчо и ферме».

И дело здесь не в масштабе деловых операций: в конце концов, речь идет не о крупной корпорации, а всего лишь о ранчо, хотя и большом. Дело в другом. В том, что сами ухватки, очевидное корыстолюбие, даже когда речь идет лишь о сотне-другой долларов, объясняют, почему техасские толстосумы считают Джонсона за своего. По складу своего характера, психологии, способу мышления Линдон Джонсон плоть от плоти той породы дельцов, которые вершат судьбами в сегодняшнем Техасе.

О деловой хватке Джонсона — владельца большого ранчо—поведал известный американский обозреватель Д. Рестон, наблюдавший за ним, когда президент проводил в Техасе рождественские праздники. «В прошлое воскресенье,— рассказывал как-то Рестон в «Нью-Йорк таймс»,— он проезжал в автомобиле по техасской автостраде мимо фермы, расположенной через дорогу от его собственной. Держа одну руку на руле, он поднял трубку президентского радиотелефона, вы-

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·

Оглянувшись, я увидел сидевших за некрашеными столами и стоявших у стойки бара вполне всамделишных ковбоев, которыми я в юности восхищался, наверное так же, как сегодня восхищаетесь вы, читатели этой книжки. Не стану описывать их одеяние — оно точно такое, какое мы не раз видели на киноэкране. Но, пожалуй, на этом сходство и кончается. Усталые лица, руки натруженные, с мозолями и ссадинами, невеселые глаза, плечи ссутулившиеся то ли от тяжелого труда, то ли под бременем жизни.

Именно здесь особенно явственно ощущаешь, что романтичные киноковбои, по поводу и без повода палящие на экране из своих кольтов, спасающие чудесным образом юных леди, выделывающие неимоверные антраша на несущихся вскачь лошадях,— это в жизни просто-напросто пастухи, гоняющие по бескрайним прериям Техаса чужие стада, получающие скудную поденную оплату. И если есть в этих людях что-либо общего с голливудским обликом, то это твердые характеры, выработанные нелегкой жизнью, которую они ведут, искусство джигитовки да одежда — широкополая шляпа, сапожки, многозарядный кольт у бедра.

звал управляющего своего ранчо и предложил ему позондировать возможности покупки этой фермы. Однако это не все. Он захотел узнать, где сейчас находится управляющий, сколько минут ему потребуется, чтобы добраться до фермы, и сколько, чтобы вернуться назад. Он потребовал и получил доклад за 15 минут до того, как вылетел в Остин, чтобы встретиться с губернатором штата». Вот так, с помощью президентского радиотелефона, между важными государственными встречами устраивались и свои делишки.

Техасский сосед Джонсона рассказывал, что видел Джонсона в декабре 1960 года (уже после того, как Джонсон был избран на пост вице-президента Соединенных Штатов) на аукционе быков в Сан-Антонио, где тот отчаянно торговался. «Линдон стоял спиной, он был в широкополой шляпе, надвинутой на лоб, и очках, не похожих на те, которые обычно носит. Я подошел к нему, хлопнул его по спине и сказал: «Эй, Линдон». Он сердито взглянул на меня, отпрянул назад. «Тихо,— сказал он,— я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что я здесь...»

Бизнесу все годы своей политической карьеры Джонсон придавал первостепенное значение, долгие часы проводя за обдумыванием своих деловых операций. «Вы не можете одержать верх над ним в какой-либо деловой операции,— утверждает глава техасского «Америкэн нэшнл бэнк» Миллер, приятель и свой человек в доме Джонсонов, вспоминая, как его отец в начале 40-х годов покупал шерсть у Джонсона.— Линдон так торговался из-за цены, что отец как-то сказал ему: «Линдон, продавая шерсть, вы тратите больше времени, чем выращивая своих овец».

Среди богатств четы Джонсонов — «ЛБД (Линдон Бейнс Джонсон) компани», во владении которой находится телевизионная и радиовещательная станции — 5 тысяч акров нетронутых земель и дорогой высокопородистый скот, являющийся собственностью Джонсона. Ему лично принадлежат приносящие крупный доход государственные ценные бумаги, дом на ранчо близ Джонсон-сити.

Джонсоны владеют земельным участком в жилом квартале быстро растущего города Остина. В настоящее время эта земля стоит 20 тысяч долларов за акр. Госпоже Джонсон принадлежит в Алабаме свыше 3 тысяч акров земли под строевым лесом и хлопком, доставшихся ей в наследство.

Но не только земляческие связи и деловая хватка обеспе-

чили Л. Джонсону поддержку могущественной техасской группы миллионеров. Главное — он последовательно отстаивал их интересы на протяжении всей своей политической карьеры. В Техасе не забывают, что, когда в середине 50-х годов на Капитолии разгорелась жаркая схватка вокруг предложения передать богатые нефтью государственные прибрежные отмели Техаса в руки частных владельцев, сенатор Джонсон был среди тех, кто особенно настойчиво отстаивал интересы техасских нефтепромышленников.

Именно это и привело техасского землевладельца в Белый дом. Это в немалой степени предопределило и его политическое фиаско на посту президента, поскольку корыстные интересы техасских толстосумов он ставил в дни пребывания в Вашингтоне превыше всего, не считаясь ни с доводами разума, ни с политической целесообразностью.

Автору этих строк довелось близко наблюдать президента Джонсона и в годы его пребывания на президентском посту, и после того, как он в роли уже обанкротившегося политика вернулся из столицы в техасскую провинцию. Интерес исследователя и публициста привел меня некоторое время назад в техасское ранчо Джонсона, и об этой встрече я хочу сейчас рассказать.

В полдень мы подъехали к белого камня воротам, на столбе которых значилось: «Ранчо президента Соединенных Штатов Америки Линдона Б. Джонсона» (титул, по американской традиции, сохраняется за Джонсоном на всю жизнь).

Нас встретил высокий, грузный, с загорелым, обветренным лицом и шеей боксера тяжелого веса хозяин ранчо. На нем была широкополая техасская шляпа, светлая, видавшая виды замшевая куртка и в тон ей песочного цвета рубашка с расстегнутым воротом. В глаза сразу же бросалась разительная перемена. Последний раз мне довелось видеть Линдона Джонсона во время знаменитой встречи глав советского и американского правительств в Гласборо. Этот крошечный городок был избран тогда местом встречи по соображениям высокой политики — он находится ровно на половине пути между Нью-Йорком, где находилась в те дни возглавлявшая советским премьер-министром делегация, прибывшая на сессию ООН, и Вашингтоном — резиденцией американских президентов. В течение двух дней я имел возможность тогда близко наблюдать президента Джонсона.

Трудно было поверить, что с тех пор прошло всего лишь

два с половиной года. Его прежде могучая фигура казалась поникшей — опустились плечи, бессильно округлилась спина; резче стали глубокие морщины и горькие складки вокруг рта. Тогда седина в президентской прическе едва пробивалась, сейчас сильно поредевшая шевелюра была совершенно седой. Видно, нелегко далось это время Линдону Джонсону, мечтавшему войти в историю Америки в качестве одного из ее великих президентов, но вынужденному под давлением обстоятельств, не последнее место среди которых занимали корыстные интересы техасских багатеев, пославших его в Вашингтон, под грузом собственных ошибок «добровольно» отказаться от попыток переизбрания на следующий срок и удалиться на свое ранчо.

Подробнее о деятельности 36-го президента Соединенных Штатов, о его прихотливой судьбе и политической трагедии я расскажу в следующей книге. Тем более, что пока не имею возможности изложить пространную беседу нашу, продолжавшуюся с перерывами много часов, и в двухэтажном, сложенном из крупного камня, с размахом отделанном доме, где ныне проживает чета Джонсонов, и во время долгих прогулок пешком и в автомобиле по огромной территории ранчо.

Дело в том, что условием, поставленным перед встречей, было обязательство — меня даже заставили дать его в письменном виде — не публиковать в течение определенного времени изложение этой беседы. Думаю, что странное условие это (в самом деле, к чему встречаться с журналистом и историком, если он не может рассказать об этой встрече!) связано с тем, что, удалившись от дел, Джонсон сам пишет книгу о своем президентстве, заключив на нее договор с одним из издательств. Если материалы этой книги появятся где-либо до ее выхода, Джонсон рискует лишиться части крупного гонорара, оговоренного издательством.

Однако история — вещь не суетная, и, надеюсь, запись этой бесседы дождется своего часа. Здесь же, описав свою поездку на техасское ранчо, я хотел бы упомянуть только об одном — о реакции Джонсона на мой вопрос о том, как он относится к широко распространенным разговорам о неслучайности гибели Джона Кеннеди не где-нибудь, а именно в Техасе, штате, хозяева которого, богатейшие нефтепромышленники, были недовольны деятельностью 35-го президента США.

Разговор происходил в автомобиле, за рулем которого находился экс-президент. Свернув с асфальтированной дороги,

пересекающей все ранчо, он на большой скорости гнал машину прямо по целине, преследуя оленье стадо — предмет его особой гордости. После длительной паузы Джонсон сказал:

— Ответ на все вопросы дала комиссия Уоррена.

— Но ведь выводы этой комиссии, мягко выражаясь, не считаются во всем мире бесспорными?

— Никогда невозможно угодить всем.

Дальнейшие вопросы на эту тему задавать, очевидно, было бесполезно. Позиция Джонсона на сей счет была ясна, и вряд ли он добавил бы что-либо к сказанному. Не для того тщательно подобранная Джонсоном комиссия по расследованию обстоятельств убийства президента Кеннеди во главе с верховным судьей Эрлом Уорреном нагромоздила горы слов, под которыми оказалась погребена истина, чтобы теперь он ставил под сомнение ее деятельность.

Политик до мозга костей, Линдон Джонсон полагает себя реалистом. «Прогресс,— говорит он,— подобен виски. Виски хорошо, но когда пьешь слишком много, оно оборачивается против тебя». Сказано хотя и хлестко, но сентенция эта явно сомнительна. Пожалуй, только техасец в Техасе может рискнуть сопоставлять виски с прогрессом.

Свернув с луга на дорогу, мы подъехали к хозяйственным строениям, расположенным сзади жилого дома. Внезапно экс-президент не громко, но тяжко выругался и резким движением взял трубку радиотелефона, находившегося в машине.

— Какой болван поставил здесь эту телегу? — резко бросил он в трубку.— Немедленно убрать! Срок — три минуты.

Всего год назад, подумалось мне, этот же красный радиотелефон, смонтированный в этом же белом президентском «кадиллаке» использовался для отдачи приказаний совсем иного рода — телефонная трубка слыхала и приказы о бомбежке городов Вьетнама, и указания о расправе с негритянской демонстрацией. А сейчас тем же властным тоном через нее передаются указания... отодвинуть в сторону от дорожки колченогую повозку.

«Sic transit gloria mundi» — «Так проходит земная слава».

И еще одна деталь встречи. Я провел в беседах с бывшим хозяином Белого дома долгие часы, и за все время, которое я находился на ранчо, ни разу не зазвонил ни один из многочисленных телефонов ни в джонсоновском кабинете, ни в жилых покоях, ни в автомобиле. Казалось, Америка напрочь забыла о человеке, который совсем недавно находился в фокусе

внимания и политиков и бизнесменов. Он не интересовал никого, в том числе и техасских воротил, которые на протяжении многих лет проявляли к нему интерес повышенный и постоянный. «Мавр сделал свое дело...» И ушел. Бесславно. В безвестность.

Однако вряд ли кто-нибудь возьмется утверждать, что пребывание его на вершинах государственной власти было бесследным. В конце концов, он добился своей цели и вошел в историю Америки. Хотя далеко ее не украсил. И одним из примечательных обстоятельств, связанных с пребыванием Линдона Джонсона в Белом доме, является то, что это был первый случай, когда во главе Америки находился ставленник «молодых денег», фаворит техасских нефтяных королей, миллионер из Техаса, выдвинутый на авансцену не уолл-стритскими банкирами, а их конкурентами. Они вышли на арену, они уже держали в руках государственную власть, вкусив все выгоды этого. Они не жалеют усилий для того, чтобы вновь добиться успеха.



миллиардер-невидимка

СПОР В ЗАГОРОДНОМ КЛУБЕ

Некоторое время назад мне довелось присутствовать при любопытном споре. Дело происходило в одном из загородных клубов в окрестностях Нью-Йорка, где собираются скоротать вечер деловые люди Уолл-стрита.

Получив от одного моего знакомца — завсегдатая этого клуба, обычно закрытого для посторонних,—приглашение провести с ним вечер в, так сказать, неофициальной обстановке, я оказался в этом клубе. Разговаривали здесь неторопливо, негромко, ценя слово. «Ценя» в данном случае имеет смысл не только переносный, но и самый прямой. Произнесенное здесь слово могло на следующий день обернуться ценностями вполне реальными — миллионными сделками: огромными прибылями для одних, убытками для других.

Все шло в тот вечер чинно, степенно, как, судя по всему, обычно и заведено там. Но внезапно внимание присутствовавших привлекли непривычно для здешней обстановки громкие голоса, доносившиеся из соседнего зала. Около старинного камина сидело несколько мужчин вида процветающего. У них в руках были стаканы виски со льдом и содовой. Но, судя по всему, не виски или, во всяком случае, не только виски выве-

ли их, расположившихся в уютных, глубоких креслах, из привычного состояния равновесия.

Прислушавшись к голосам, я понял, что каждый из них был задет за живое. Еще бы: дискутировался вопрос, который затрагивал любого из них. Речь шла о том, кого в Америке можно назвать самым богатым человеком, обладателем самого крупного личного состояния.

Вообще национальной чертой американцев является почти болезненная страсть определять все «самое»: самое высокое здание и самого толстого человека, самую красивую женщину и самый быстрый автомобиль. Можете себе представить, как взволновал вопрос о «самом богатом американце» людей, поклоняющихся исключительно доллару. Спор был яростный. Спорщики разделились на три команды. Одни утверждали, что безусловное превосходство на стороне калифорнийца Жана Поля Гетти, делающего свой бизнес на эксплуатации ближневосточной нефти. Другие отстаивали приоритет техасского нефтяного воротилы Гарольда Ханта.

Что же касается третьих, то они утверждали, что хотя миллиардные состояния Гетти и Ханта действительно ставят их в ряд самых богатых предпринимателей Америки, но вплотную приблизившееся к миллиарду пятистам миллионам долларов личное состояние калифорнийского предпринимателя Говарда Хьюза делает его бесспорным и единственным лидером в этой гонке миллиардеров. Несогласные приводили свои контрдоводы, суть которых сводилась к тому, что, хотя действительно капиталы Хьюза огромны, они ничуть не больше богатства Ханта и Гетти.

И вдруг до моего слуха донеслось нечто странное:

— Говард Хьюз? Да такого просто не существует в природе. Его нет. Его выдумали.

В комнате воцарилась внезапная тишина. Все повернули головы к говорившему.

— Может ли кто-нибудь из вас, джентльмены, сказать, что он лично видел и встречался в последние годы с этим самым Говардом Хьюзом,— продолжал толстяк,— или хотя бы своими глазами видел его по телевидению или на фотоснимке? Согласитесь, все мы лично знаем каждого из тех, кто сейчас в этой стране делает большие деньги, встречаемся с ними на заседаниях, в клубах, на светских раутах, на бирже или, черт побери, просто так. Кто из вас может присягнуть на Библии, что он лично видел, встречался и говорил с Говардом

Хьюзом в эти годы? — горячился оратор.— Спору нет, десяток лет назад был техасец Хьюз, о котором говорили, что он сделал большие деньги, перебравшись в Калифорнию и занявшись кинобизнесом. Многие тогда встречались с ним. Но давно уже он как в воду канул, стал личностью вполне мифической. И я ставлю вот эту бутылку,— он взял со стола уже опорожненную бутылку из-под виски и помахал ею перед лицами собеседников,— против моего новенького «роллс-ройса», что давно уже никакого Хьюза нет на свете, а этим именем прикрывается какая-то группа ловких мошенников, авантюристов.

Согласитесь, странный поворот разговора, учитывая явную профессиональную несклонность его участников к экстравагантности и детективу.

Итак, был ли Хьюз?

Был, безусловно. И не только был, но существует и поныне.

Просматривая реестры крупных промышленных компаний Америки 30—40-х годов, можно без труда найти компанию «Хьюз-Тул», числившуюся в разряде довольно солидных промышленных фирм по производству нефтяного оборудования. Она была основана в начале нынешнего века инженером Хьюзом, изобретшим оригинальный бур для проходки нефтяных скважин в особо твердых породах.

Буры появились на свет как раз в разгар нефтяной лихорадки. Проявив не только инженерные способности, но и хватку дельца, инженер Хьюз избежал судьбы, обычной для талантливых изобретателей в Америке, когда их открытия обогащают крупные компании, а самому изобретателю в лучшем случае достаются крохи. Основанная им компания по производству нефтяного оборудования быстро превратилась в процветающую фирму, и своему сыну Говарду инженер Хьюз, умерший в двадцатые годы, оставил в наследство многомиллионное состояние.

Хьюз-младший, не обладая инженерными талантами отца и даже не удосужившись получить сколько-нибудь регулярное образование, тем не менее обнаружил качества, которые помогли довольно быстро преумножить капиталы, доставшиеся ему в наследство.

Вот лишь одна из его первых деловых операций. Впрочем, «деловой» ее можно назвать с изрядными оговорками. Семейство Рокфеллеров, уже давно царящее в американском нефтя-

ном бизнесе, в те дни отнюдь не было в восторге от успехов хьюзовской компании. Ведь из их рук уплывали немалые прибыли. А посему Джон Рокфеллер поспешил тогда прибрать к рукам фирму, во главе которой находился другой удачливый изобретатель — Уильям Фариш, обладатель патента на бур, не уступавший по своим качествам хьюзовскому. Используя права на этот бур, Рокфеллеры начали теснить Хьюза-младшего. Тот был уже накануне финансового краха, когда додумался до хода, не предусмотренного конкурентами. Предложив руку и сердце родной сестре Уильяма Фариша, он увел из-под носа соперников драгоценный патент, взятый им в приданое, и, став монополистом в области производства нефтебуров, принялся стремительно наращивать свои богатства, получая процент с нефтяных миллионеров.

В середине тридцатых годов в течение полутора десятков лет Говард Хьюз преумножал свои богатства на ниве кинобизнеса. Этому дельцу принадлежит сомнительная слава одного из первооткрывателей производства фильмов, в которых всячески смаковались жестокость, убийства, истязания, порок.

Развращая вкусы американской публики, спекулируя на самых низменных инстинктах, поставив дело такой спекуляции на широкую ногу, Хьюз многократно увеличил свои капиталы, войдя в круг крупных миллионеров страны.

В ту пору он не избегал известности, охотно давал интервью, с удовольствием взирал на свои портреты, появлявшиеся на первых страницах американских газет. Однако с некоторых пор вкусы Хьюза стали меняться.

Несколько лет назад в пустынной диковато-живописной местности на северо-западе Мексики, недалеко от границы с Соединенными Штатами Америки, как по мановению волшебной палочки, возникло огромное поместье с роскошным дворцом, бухтами, в которых стоит на якоре целая флотилия яхт, собственным аэродромом и раскинувшимся на сотни гектаров лесопарком, в котором высажены самые диковинные растения. Поместье обнесено высокой стеной, и вход туда посторонним заказан строго-настрого.

Местные крестьяне видели хозяина нового имения — невысокого сухого янки лет шестидесяти, с черно-седой шкиперской бородкой, в обществе забулдыг обоего пола. Замечено было также, что спиртные напитки завозятся туда целыми грузовиками.

Но даже не столько пьяные оргии привлекли внимание

прессы к мексиканскому поместью. Интерес вызвало имя его владельца. Хозяин таинственного мексиканского имения — Говард Хьюз.

Это верно, что в последние годы он начисто исчез с глаз широкой публики. Но если бы странное пари, сгоряча предложенное спорщиком в загородном клубе уолл-стритских тузов, было принято, он рисковал бы расстаться со своим новеньким «роллс-ройсом», получив взамен пустую бутылку из-под виски.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Говард Хьюз не миф. Говард Хьюз — реальность. Он действительно находится в числе трех обладателей крупнейших состояний Америки. Каким же путем вскарабкивался на вершину бизнеса Говард Хьюз, почему окружает себя он сегодня покровом таинственности?

Таинственность этого субъекта заключается в том, что вот уже давно, примерно лет пятнадцать, никто или почти никто Хьюза в глаза не видит. Он не появляется ни на деловых конференциях, ни на бирже, ни на светских раутах. Вот уже несколько лет репортеры, фото- и кинокорреспонденты ведут подлинную охоту за Хьюзом, нагнетая ажиотаж вокруг этого имени.

Мне хотелось бы нарисовать вам сейчас словесный портрет Говарда Хьюза. Но должен покаяться: мне не только ни разу не удалось во время моих поездок в Соединенные Штаты с ним встретиться, но я даже не сумел приобрести хотя бы одной фотографии этого дельца.

Правда, американский журнал «Эсквайер» заставил позеленеть с досады всех своих конкурентов. Весной 1969 года он опубликовал большое фото мужчины среднего роста, стояще-го на краю плавательного бассейна около какого-то роскошного особняка. Подпись под фотографией гласила, что на ней изображен Говард Хьюз. Двойной тираж «Эсквайра» был распродан в Америке за несколько часов. Конкуренты кинулись выяснять, каким образом журналу удалось сделать то, что до сих пор не удавалось никому. Однако дело закончилось конфузом. Припертый к стенке разъяренными соперниками, издатель «Эсквайра» признался, что снимок изображает не са-

мого Хьюза, а манекенщика, которому гримеры придали облик миллиардера, нарисованный ими понаслышке.

В чем же причина необычайной таинственности, которой он окружает себя? Внимательно изучая все, что было написано о Говарде Хьюзе в американской печати за последние полтора десятка лет, я наткнулся на некоторые сведения, могущие пролить свет на экстравагантность и странности этого человека. Так журнал «Ньюс уик» утверждает, что несколько лет назад Хьюз перенес заболевание, которое журнал деликатно именует «крайним истощением нервной системы». Именно с той поры, по словам «Ньюс уика», стала обнаруживаться нелюдимость Хьюза.

Люди из его ближайшего окружения рассказывают и еще об одной мании. Он одержим... панической боязнью микробов. Его слуги и те немногочисленные сотрудники, которых он к себе допускает, обязаны обертывать свои руки специально продезинфицированными салфетками или надевать резиновые перчатки, дотрагиваясь до предметов, которыми пользуется их босс. Входя в помещение, где он обитает, они прикрывают лицо специальными масками.

Возможно, что ларчик сей и действительно открывается

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

НОЧНАЯ ВСТРЕЧА



Передо мной на столе сейчас лежит записная книжка, которую я вел во время пребывания в Соединенных Штатах. Она открыта на странице, где вместо очередной записи наклеена визитная карточка. Вот о чем напомнила эта визитная карточка.

Я возвращался из района нью-йоркских студентов Гринвич-Виллиджа к себе в отель. Было уже довольно поздно, и я решил воспользоваться такси. Надо сказать, что способ, при помощи которого останавливают такси жители Нью-Йорка, несколько своеобразен: они громко свистят.

столь просто. Возможно. А быть может, дело не только в этом.

Тут-то мы и подошли к ответу на вопрос о том, какая сила вытолкнула заурядного предпринимателя на поверхность большого бизнеса, проложила ему путь к огромным богатствам. Военный бизнес — вот поле, на котором собирает свою многомиллионную жатву концерн «Хьюз эйркрафт». Секретные электронные приборы, навигационные и управляющие артиллерийским огнем системы, ракеты типа «воздух — воздух», находящиеся на вооружении американских ВВС, тщательно оберегаемые тайны электронного оборудования космических кораблей типа «Сервейер» — именно это принесло Говарду Хьюзу его нынешнее огромное состояние. Одним из наиболее выгодных контрактов, полученных им у американского военного ведомства, является заказ на оснащение электронной техникой военных сил НАТО в Западной Европе.

Его капитал перевалил за сотню миллионов долларов в годы корейской войны. Именно с того времени хьюзовские прибыли стали ежегодно измеряться цифрой со многими нулями. И в настоящее время барыши его продолжают возрастать темпами стремительными.

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·

Я поначалу пытался остановить машину взмахом руки. Это не удавалось. А после того как буквально у меня из-под носа розовощекая старушка лет семидесяти, залихватски свистнув, увела машину, я решился. Вспомнив свой опыт футбольного болельщика, я, увидев очередной таксомотор, сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул — не хуже, чем у нас в Лужниках. Резко затормозив, машина подъехала к тротуару, и ее водитель любезно открыл дверцу.

Назвав адрес своего отеля, я заговорил с ним. Уловив, очевидно, акцент иностранца, водитель такси спросил, откуда я, а узнав, что из Советского Союза, заметно оживился и... перешел на хотя и ломаный, неправильный, но все-таки русский язык. Первые вопросы, которые были заданы моим собеседником, не скрою, были для меня неожиданными. О многом, подчас самом неожиданном спрашивают за рубежом советских людей, и мы уже отвыкли удивляться. И все-таки я был удивлен.

— Скажите,— обратился ко мне таксист,— как выглядит сейчас (он старательно выговаривал по-русски) мистер Ми-ха-ил Мои-сее-вич Бот-винник и мистер Васи-лий Ва-силье-вич Смыслов, как их здоровье?

Согласитесь, что это тот случай, когда реклама отнюдь не является «двигателем торговли». Торговля торговле рознь. Орудиями уничтожения рода людского бизнесмены предпочитают торговать втихомолку.

Правда, некоторое время назад Хьюз удивил соотечественников. Этот делец, превративший производство оружия в золотое дно для себя, вдруг вознамерился принять облик этакой овечки. Он, видите ли, обеспокоен проводящимися в Америке подземными испытаниями атомной бомбы. Столь «негуманные и опасные действия» так обеспокоили торговца оружием, что его компания направила в конце 1968 года правительству Соединенных Штатов специальный меморандум, призывающий Вашингтон незамедлительно прекратить эти испытания.

Что и говорить, было над чем поломать голову неискушенным в хитросплетениях политики и бизнеса американцам.

Скорые на руку газетчики уже поспешили объявить об угрызениях совести торговца оружием, о том, что, готовясь к встрече с богом, он решил позаботиться о душе, распрощавшись с бизнесом смерти. На поверку дело оказалось значительно более простым, не имеющим отношения ни к богу, ни к душе, ни к угрызениям совести.

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·

Согласитесь, неожиданный поворот разговора с шофером такси в час ночи на одной из нью-йоркских улиц.

— Я хорошо знаю этих замечательных русских мастеров, мне приходилось не раз встречаться с ними за шахматной доской,— сказал шофер.— Меня зовут Николас Россолимо, и я имею честь носить высший в шахматном мире титул международного гроссмейстера.

Скажу вам честно, я не поверил моему случайному собеседнику. Прежде всего как-то не вязался вид человека в форменной, с кокардой, фуражке, крутившего баранку на нью-йоркских улицах, с привычным и степенным обликом шахматных гроссмейстеров. А кроме того, как-то неправдоподобно, с профессиональной точки зрения, выглядела ситуация: журналист приехал в Америку и в девятимиллионном городе такой сюжет — среди тысяч такси попал в машину, за рулем которой международный гроссмейстер.

Видимо почувствовав по возникшей паузе недоверие, мой случайный собеседник притормозил машину у тротуара и, достав из бокового кармана визитную карточку, протянул ее мне. На ней было написано: «Международный гроссмейстер Николас Россолимо. Шахматная студия, Сал-

Уже много лет назад американские генералы в качестве полигона для испытаний ядерного оружия избрали пустынные и незаселенные территории далекого штата Невада. А между тем к этому штату обратил свои взоры Говард Хьюз. И не только взоры. В течение последних лет он вложил сюда несколько сот миллионов долларов, приобретя обширные территории в этом районе, о безопасности которых он теперь беспокоится.

У читателей может возникнуть вопрос: а каким образом Говард Хьюз оказался во главе столь сложного, требующего особых знаний в новейших отраслях науки и техники дела, каким является современная электроника?

Еще в те годы, когда делами семейной компании управлял его отец — инженер Хьюз, богатый наследник отдал дань увлечениям золотой молодежи. Он пилотировал гоночные самолеты и даже ухитрился в 30-е годы прославиться как пилот-рекордсмен. В погоне за рекордами он не удовлетворялся самолетами, которые мог приобрести у специализировавшихся на этом фирм, а создал собственную компанию, единственной целью которой было конструирование и производство для него гоночных машин.

•ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ•

ливен-стрит, 191, Гринвич-Виллидж, Нью-Йорк. Открыта ежедневно с шести до девяти вечера, библиотека шахматной литературы, обучение шахматной игре».

— Я играю не хуже, чем прежде,— сказал Россолимо,— но за эти годы в Америке появились Фишер, Бисгайер и другие отличные мастера, и мне, человеку уже немолодому, в большие турниры не пробиться. Меценаты от меня отвернулись, а жить надо. Я не порываю с любимым искусством. В студенческом Гринвич-Виллидже держу студию, где обучаю играть в шахматы. Но много ли получишь со студентов! Приходится арендовать эту машину для того, чтобы прокормить семью.

У гостиницы мы прощаемся. Николас Россолимо просит передать большой привет Ботвиннику и Смыслову, а также Спасскому, Петросяну и особенно Михаилу Талю.

— Многие партии Таля я знаю наизусть! — восклицает он.— Это шедевры. Жаль, что не доведется с ним встретиться, жизнь уходит.

Я вижу грусть в глазах этого человека, некоторое время слежу за красными огоньками его удаляющейся машины, и наконец они пропадают, затерявшись в огромном и холодном городе.

Так в свое время и возникла «Хьюз эйркрафт» — маленькая компания. В штате этой компании оказались молодые, необычайно одаренные и в то время никому еще не известные инженеры-конструкторы Симон Рамо и Дин Вулридж — ныне конструкторы с громкими именами. Они-то и взялись за разработку схем тогда, когда этим еще мало кто интересовался. И «Хьюз эйркрафт» оказалась первой американской компанией, начавшей действовать в области применения электроники для военных целей. В годы корейской войны из небольшой фирмы она превратилась в крупный концерн. Если в 1948 году ее ежегодная прибыль составляла 2 миллиона долларов, то пять лет спустя, в 1953 году, она достигла уже 200 миллионов.

Одним из наиболее процветающих и стремительно богатеющих предпринимателей Америки последних лет является калифорниец Чарльз Торнтон, вырвавший у Хьюза титул электронного короля. Но начинал этот король, надо сказать, незаурядный и весьма дальновидный делец, в качестве служащего в компании Хьюза. В начале 50-х годов Торнтон работал в «Хьюз эйркрафт». Именно под его руководством действовала группа инженеров-электронщиков. Дело в тот период закончилось острым столкновением между Хьюзом, не желавшим вкладывать доллары в бизнес, который ему не казался перспективным, и группой Торнтона. Результатом была ссора. Хьюз уволил Торнтона, вместе с которым из компании ушли многие специалисты. Торнтон основал собственное дело, которое стало расти очень быстро, и в конце концов обошел своего бывшего хозяина.

Но если технических идей миллионер уразуметь не мог, то удар по карману до него в конце концов все-таки дошел. Хотя и с некоторым запозданием, понеся убытки, он принялся наверстывать упущенное.

После ухода Торнтона он сделал ставку на оставшегося у него в компании Лоуренса Хайлэнда, инженера и администратора. Квалифицированный инженер, делец, известный своей организованностью, Хайлэнд был облечен Хьюзом в компании всей полнотой власти.

О взаимоотношениях между хозяином и управляющим можно судить по рассказу самого Хайлэнда. Он признается, что уже много лет и в глаза не видел своего босса. Когда-то он делал попытки встретиться с ним для решения серьезных проблем, встававших перед компанией. Но каждый раз такие

попытки оканчивались неудачно. Общение между ними осуществляется при помощи телефона.

Одной из странностей Хьюза является то, что спит он днем, ночью же разговаривает по телефону из своей таинственной резиденции. При этом никто не знает достоверно, не только где эта резиденция, но и номера его телефона. Желая пообщаться с боссом, его управляющие должны связываться с канцелярией Хьюза, расположенной в двухэтажном, светлой окраски здании, находящемся на Ромейн-стрит в Лос-Анджелесе. Если хозяин соблаговолит, то глухой ночью раздастся телефонный звонок и собеседник услышит негромкий, запинающийся фальцет. «Когда говоришь с боссом,— рассказывает один из тех, кто изредка удостоивается этой чести,— приходится напрягать весь слух, и кажется, что ты говоришь со своим прадедушкой с того света».

Прямо скажем, несколько необычная манера руководства своим бизнесом. Впрочем, если вдуматься, то она не лишена смысла. Убедившись, очевидно, в том, что без него дела в компании идут лучше, нежели с его участием, Хьюз предпочел устраниться, а чтобы не страдал при этом его престиж, придал всему этому крайне экстравагантную форму, окружив себя нарочитой таинственностью.

Управляющие Хьюза так это и истолковали. «Я не огорчаюсь,— разоткровенничавшись, рассказал управляющий «Хьюз эйркрафт» Хайлэнд,— если не могу к нему пробиться. Я посылаю ему мои планы. И в случае если не получаю на них ответ, а они мне кажутся разумными, я их осуществляю. Пока дела идут хорошо, мне никто не мешает».

Вот именно «пока»! В этом «пока» и заключена разница между хотя и располагающим немалой свободой действий управляющим — менеджером — и не прикладывающим к делу рук его хозяином. Менеджер — это только слуга. Власть его призрачна, и если им будут недовольны, его выставят за дверь. Его покупают те, кто может платить...

Работа на войну обогатила Говарда Хьюза. Волею случая оказавшись одним из первых в области новейшей военной техники, не пожалев денег для того, чтобы собрать в последние годы под крышей своей компании группу специалистов, он стал одним из наиболее процветающих промышленников страны. Война и сотни миллионов прибылей — это вещи, которые в сегодняшней Америке находятся в связи прямой и непосредственной.

БИЗНЕСМЕНЫ И ГАНГСТЕРЫ

В глухой предутренний час, когда сон особенно крепок, на запасном пути железнодорожной станции города Лас-Вегас остановился специальный поезд, состоявший из локомотива и трех салон-вагонов с зеркальными стеклами. Пятеро дюжих молодцов бережно вывели из вагона нахохлившегося как сыч пожилого мужчину с черной с проседью бородкой, посадили его в подъехавший прямо к вагону темный, с зашторенными стеклами автомобиль, и машина умчалась, петляя по пустынным в этот час улицам Лас-Вегаса.

Здесь нам придется сделать некоторое отступление для того, чтобы рассказать о необычном городе, куда под покровом ночной темноты и нарочитой таинственности явился Говард Хьюз, о порядках и нравах, стяжавших этому отнюдь не райскому уголку Америки славу мрачную и скандальную.

Пустынные земли Невады на западе американского континента, горные массивы, бесплодные почвы, удаленность от оживленных путей привели к тому, что цивилизация как-то не очень торопилась осенить своим присутствием эти земли.

Впрочем, некоторые атрибуты современной западной цивилизации не только дали о себе знать и здесь, но даже более того — расцвели тут особенно пышным цветом. Нет, не промышленностью, не университетами, не театрами славен богоспасаемый город Лас-Вегас. Не им он обязан своей славой, перешагнувшей американские границы и расползшейся по злачным местам всего капиталистического мира.

Уже несколько десятилетий здесь, в районе, который на географических картах Америки значится под не очень веселым наименованием «Долина смерти», свили свое гнездо американские гангстеры. Здесь, вдали от больших городов и недреманного ока блюстителей закона, возник крупный центр подпольного бизнеса, который в последние годы стал затмевать славу игорного дома в Монако.

Сомнительные притоны, ночные клубы, а главное, казино, где в одну ночь в рулетку можно просадить целое состояние,— вот что стало в Лас-Вегасе главным бизнесом, вот что уже много лет обогащает хозяев этого притона в масштабе целого города. Само слово «Лас-Вегас» превратилось в Америке в синоним разгула, поставленного на широкую ногу, и азартных игр, организованных по принципам бизнеса. В обществе добропорядочных людей, а также своих начальников солидные

американцы предпочитают не поминать вслух названия этого города и, уж во всяком случае, не хвастать публично своим посещением этого притона.

На протяжении многих лет хозяевами Лас-Вегаса были гангстеры. Надо сказать, что гангстеризм в Америке — это тоже бизнес. Бизнес хорошо организованный, имеющий свою иерархию, свои законы, своих боссов. Американская деловитость есть американская деловитость: ее законы подчиняют себе равным образом производство автомобилей, выпуск сосисок, ограбление банков, убийство из ревности и ночные увеселения.

И точно так же, как производители автомобилей и жевательной резинки объединяются в крупные концерны, так и налетчики и воры создали свой всеамериканский трест, именуемый «Коза ностра». Там своя строгая дисциплина, точнее, диктатура. Во главе «Коза ностра» стоит, как его называют, «Владыка», или «Великий Хозяин».

Зимой 1969 года гангстерский мир Америки переживал важное событие. Умер Вито Дженовезе — наследник знаменитого в 30-е годы чикагского налетчика Аля Капонэ, бандит, на совести которого десятки человеческих жизней, удостоившийся в годы второй мировой войны от Бенито Муссолини высшей фашистской награды. Он покинул земную юдоль, завещав гангстерский клан близкому сподвижнику Томми Эболи. Однако «Коза ностра» хотя и бизнес, но все-таки бизнес бандитов. И посему мистер Эболи, не успев взойти на гангстерский трон, последовал за своим шефом, весьма таинственным образом переправившись в мир иной.

По этому случаю в марте 1969 года не где-нибудь, а на фешенебельном флоридском курорте Майами-Бич состоялся всеамериканский гангстерский конгресс, которому надлежало выбрать нового «Великого Хозяина». Точности ради хочу напомнить читателям, что этот конгресс состоялся там же, где за несколько месяцев до того происходил конвент республиканской партии, выбиравшей кандидата на пост президента Соединенных Штатов Америки. Судя по сведениям, просочившимся в печать, боссом американских гангстеров стал известный налетчик и бандит Джерардо Катена.

Вот эта-то самая «Коза ностра» и царила на протяжении многих лет в Лас-Вегасе, небезуспешно эксплуатируя страсти и пороки людские, наживая на них десятки миллионов долларов ежегодно.

А теперь давайте вернемся к Говарду Хьюзу. С какой целью появился он в Лас-Вегасе, что искал там? Быть может, острых ощущений у карточного стола?

Мне рассказывали в Америке такую историю: дескать, приехал Хьюз в Лас-Вегас инкогнито и поселился в гостинице «Пустыня». А через несколько дней его, никому там не известного, попросили освободить номер, поскольку предстоял съезд постоянных клиентов — крупных игроков. Дабы не освобождать номер, Хьюз вынул бумажник и тут же купил весь отель. А потом дело пошло. К отелю прибавился еще один, потом еще, потом ночные клубы, злачные заведения. И так до тех пор, пока весь город не оказался собственностью Хьюза. История вполне в духе так называемых «вестернов» — фильмов-боевиков, повествующих о похождениях сильных парней Дикого Запада. Но она не имеет ничего общего с действительностью.

Думается, далеко не все объясняет и другая распространенная версия, связанная с патологической, маниакальной боязнью Хьюза микробов. Сухой воздух пустынной Невады, как утверждают специалисты, является особенно чистым. Вот это-то, мол, и привлекло Хьюза в Лас-Вегас. Не знаю, быть может, какую-то роль это в решении Хьюза и сыграло. Но убежден, что отнюдь не главную.

Значительно более важным для него обстоятельством является не малая зараженность атмосферы Невады микробами, а малая насыщенность налоговым обложением доходов, получаемых в этом штате. Несколько лет назад, стремясь стимулировать развитие штата, его власти осуществили реформу, которая привела к тому, что налоговое бремя на предпринимателей здесь оказалось самым маленьким в Америке. Это, судя по всему, и было одной из важных приманок для Говарда Хьюза.

Он стал приглядываться к Лас-Вегасу еще десять лет назад. Его люди буквально облазили весь город, все его заведения, тщательно высчитав и скалькулировав все, что поддавалось подсчетам. Сама организация проникновения Хьюза в игорный бизнес города была поставлена по всем правилам большого бизнеса. Через подставных лиц, в обстановке большой секретности и сугубой тайны, на фиктивные имена приобретались отели и земли, жилые дома и ночные клубы. А когда конкуренты спохватились, было уже поздно — дело было сделано. Значительная часть Лас-Вегаса оказалась собствен-

ностью Говарда Хьюза, вложившего в это дело в последние полтора-два года многие десятки миллионов долларов.

Несколько лет назад Говарду Хьюзу пришлось расстаться с контролем над одной из крупнейших авиатранспортных компаний Америки «TWA». То ли конкуренция была очень сильной, то ли дело оказалось слишком сложным для невежды и неуча. Но так или иначе, он выбросил на рынок все принадлежавшие ему акции этой компании, и в один прекрасный день у него на руках оказался свободный капитал, превышавший 500 миллионов долларов. Вот эти-то деньги, как теперь выясняется, и были брошены Хьюзом в игорный бизнес.

Когда говорят о так называемой модерновой, современной формации американских бизнесменов, часто рисуют этакие ходячие электронно-счетные машины, людей без страстей и слабостей, специалистов в той или иной отрасли бизнеса — бизнесменов, которым цифры заменяют мысли. В Америке даже любят противопоставлять бизнесменов прошлого века нынешним воротилам, рассуждая о том, что, дескать, в прошлом были предприниматели-романтики, такие, как старый Морган, Форд или Вандербильт, люди больших страстей, пускай даже и порочных. А сейчас, мол, нет ни страстей, ни пороков, а есть лишь сухая материя — «дебет-кредит», «убытки-прибыли», «приход-расход».

Вряд ли стоит опровергать все эти досужие рассуждения, настолько они далеки от действительности. Старый Морган отлично умел считать и делал это ничуть не хуже, чем сегодняшний банкир с Уолл-стрита. А сегодняшние ходячие «электронно-вычислительные машины», восседающие в президентских креслах крупнейших корпораций и банков, делают такое, что «романтические» операции Моргана или Вандербильта воистину кажутся детскими игрушками.

Но если бы и потребовалось опровергать россказни буржуазной прессы, то Говард Хьюз может послужить преотличнейшей иллюстрацией, что живы, процветают и развиваются все те методы ведения бизнеса, которые сто лет назад принесли старому Моргану кличку «Корсар», то есть бандит.

Думается, не случайно обратил свои взоры Говард Хьюз к подпольному игорному бизнесу. Темным закоулкам его души и натуры бизнес этот отвечает значительно больше, нежели электроника, на которой сколотил он значительную часть своего состояния. Если хотите, есть какая-то внутренняя закономерность в том, что именно Хьюз, начавший свое деловое

поприще выгодной женитьбой, наживший первые миллионы массовым производством киноскабрезностей, решил увенчать свою деловую карьеру созданием бизнеса порока.

И еще одно обстоятельство. Конечно же, преступный мир играет в современном американском деловом мире роли немалые. Но все-таки гангстеры — это сравнительно мелкая рыбешка рядом с владельцами миллиардных состояний. До тех пор пока они ограничивались крохами с барского стола, на их проделки смотрели сквозь пальцы. Но сейчас они замахнулись на лакомые куски. Их ежегодные прибыли стали измеряться цифрами с многими нулями. Такие деятели, как Хьюз, просто не могут спокойно смотреть, как прибыль уходит в чужой карман.

Пока гангстерам приходилось иметь дело с законом и его блюстителями, они чувствовали себя спокойно и в полной безопасности. Но когда им приходится сталкиваться в конкурентной борьбе не с судьями и прокурорами, а с хьюзами, им приходится отступать. По сообщениям американской печати, в последнее время из Лас-Вегаса отбыли представители уголовного мира, в течение многих лет заправлявшие там бесконтрольно. Руби Клод, Уильям Олдермен, Моу Далец и другие разбрелись кто куда. Один из них, вынужденный продать свои ночные заведения Хьюзу, удалился в Сан-Франциско, где открыл антикварный магазин; другой, проявивший строптивость, был найден утром в своей постели мертвым; остальные почли за благо удалиться в неизвестных направлениях.

Было бы неверным сказать, что Говард Хьюз решил покончить с электроникой. Он по-прежнему получает огромные прибыли от своих военных компаний. Да и в Лас-Вегасе он тоже не забывает про электронную технику. Рассказывают, что в игорных домах установлены рулетки с электронными устройствами, которые исключают жульничество крупье. В потолках залов, где идет игра, установлена аппаратура, при помощи которой обнаруживается любой, кто захотел бы утаить деньги от владельцев заведения. Что ни говорите — без техники ныне никуда!

Но главное не в этом. Главное в том, что нива, которая до последнего времени была уделом гангстеров, становится теперь полем, на котором собирают урожай представители крупнейших американских монополий. Возникает конвейер азартных игр, доходы от которого уже сейчас превосходят доходы многих промышленных корпораций страны.

И СНОВА ДЕТЕКТИВ

Говард Хьюз наложил свой отпечаток на Лас-Вегас. Но и Лас-Вегас, судя по всему, наложил отпечаток на Говарда Хьюза. Безвылазное пятилетнее сидение в центре гангстеризма, видимо, направило мысли Хьюза по определенному руслу, привило ему вкус к детективу.

Во всяком случае, спектакль, поставленный им в конце 1970 года был учинен по всем правилам дешевого детектива. Акт первый: таинственное исчезновение миллиардера. Вся Америка гадает: что это — бегство или загадочная смерть? Акт второй: поиск, погони, ночные обыски, полная неизвестность. Акт третий: кровавая схватка, драка не на жизнь, а на смерть, из которой герой выходит без единой царапины, с голливудской улыбкой на тридцать два зуба, раскланиваясь с публикой.

Нет, не прошли даром для Хьюза годы, проведенные на голливудских кинофабриках. Только если раньше, когда он был помоложе, на первом плане его фильмов находились голливудские красотки, а сам он предпочитал обретаться за кулисами, то на сей раз главную роль он приготовил себе. Не буду больше интриговать читателя и расскажу по порядку.

В сумрачный декабрьский вечер на исходе 1970 года к ярко освещенному подъезду самой фешенебельной из гостиниц Лас-Вегаса, названной «Пустыня», подъехало несколько полицейских автомашин. Поднявшись на лифте на последний этаж, куда вот уже пять лет ход посторонним был заказан строго-настрого, ибо именно там окопался и безвылазно находился, управляя оттуда своей огромной империей Говард Хьюз, полицейские постучали в наглухо запертую дверь. Ответа не было. Когда двери были взломаны, опешившим детективам предстала картина поспешного бегства — клочки бумаги, выдвинутые ящики столов, раскрытые дверцы шкафов и... ни одной живой души. Говард Хьюз исчез.

Как? Каким образом это могло произойти, когда днем и ночью у двери, которая вела в его покои бессменно дежурили дюжие охранники? На все вопросы представителей властей они только недоуменно разводили руками, клятвенно заверяя, что мимо них вот уже неделю не проходила ни одна живая душа. Запахло сенсацией всеамериканского масштаба. Еще бы! Исчез-то ведь не кто-нибудь, а обладатель одного из трех

крупнейших состояний капиталистического мира! Эта новость мгновенно оттеснила все остальное с первых страниц американских газет. В предположениях не было недостатка. Убийство. Самоубийство. Похищение. Одна версия сменяла другую.

Между тем в империи Хьюза разворачивались бурные события. Обычно тайное понемногу становилось явным. Вышколенные и приученные к молчанию хьюзовские подручные, оказавшись без хозяина, внезапно заговорили, пролив свет на то, что происходило за густой завесой секретности. Подорванное многолетними попойками и всяческими излишествами здоровье Хьюза в последнее время резко пошатнулось. Странности его приобретали все более патологический характер, нелюдимость росла: уже перебравшись в Лас-Вегас он удалил от себя свою последнюю жену, известную в прошлом кинозвезду Джин Петерс, оставшись в полном одиночестве.

Все это, однако, было бы фактами его личной биографии, если бы не одно обстоятельство: бездетный Хьюз не имеет наследников. Кому достанется его огромный бизнес? Кто наследует сотни миллионов долларов, ему принадлежащих? В чьи руки попадут авиационные линии и заводы, выпускающие электронные системы, нефтяное оборудование и игорная империя Лас-Вегаса? Это уже не из области личного. Это проблема, занимающая всю деловую Америку.

Но особенно проблема эта беспокоила хьюзовских приближенных. Недоверчивый, болезненно подозрительный, Хьюз разделил управление своей империей между несколькими кланами. Один из них возглавлялся инженером Лоуренсом Хайлэндом. Производство электроники, нефтебуров и другой, так сказать, серьезной продукции было доверено ему. Для руководства игорным бизнесом Лас-Вегаса была создана другая команда с неким Робертом Мэйхью во главе. Наконец, вокруг самого босса была сформирована третья группа наиболее приближенных к особе хозяина.

Так же как и он сам, до самого последнего времени они обретались в тени и их имена ничего не говорили в кабинетах деловых людей. Между тем, как выяснилось, в их руках сходились многие нити управления хьюзовским бизнесом. Говард Эккерсли, Рой Кроуфорд, Джон Холмс, Лейвэр Майлэр, Джордж Фрэнком выполняли при Хьюзе роли самые разнообразные: и личных секретарей, и камердинеров, и поваров и правителей его дел. Все они принадлежат к религиозной секте мормонов, известной своими весьма строгими нравами.

Мормоны не пьют, не курят, славятся своей честностью в делах. Правда, мормонская религия разрешает многоженство. Не доверяющий никому, Хьюз, очевидно, посчитал, что правоверные мормоны будут меньше зариться на его доллары.

Бесспорной привилегией мормонской пятерки по сравнению со всеми другими приближенными Хьюза было то, что они в последние годы были единственными из смертных, непосредственно общавшихся с хозяином.

Они-то, судя по всему, и заварили всю кашу, доведя до его сведения то обстоятельство, что среди визирей хьюзовского королевства уже началась драчка за его наследство, за то, кому достанутся миллионы после того, как их обладатель переправится в мир иной. При этом особую неприязнь мормонской братии вызывал Мэйхью — последняя любовь Хьюза, делец, которому он доверил управление всеми предприятиями Лас-Вегаса.

Надо сказать, что этот самый Мэйхью — фигура весьма колоритная. В прошлом агент ФБР, известный своим свирепым нравом и железными кулаками, которые он, не задумываясь, пускал в ход, Мэйхью подвизался в ролях самых различных. В годы второй мировой войны работал в контрразведке, участвуя в темных операциях во Франции, затем выступал в роли юриста, владельца рекламной конторы. Среди агентов ФБР он пользуется особым авторитетом как лучший стрелок из пистолета. «Он редко пускает в ход оружие, хотя никто с ним не может сравниться в этом деле, предпочитая действовать кулаками»,— говорят о Мэйхью его бывшие коллеги по ФБР.

Вот эти-то качества и привлекли хьюзовское внимание к Мэйхью, который стал одним из наиболее доверенных его лиц. Последний не замедлил воспользоваться попавшими в его руки возможностями. Текущий счет Роберта Мэйхью возрастал со стремительностью снежного кома, значительно превосходя все то, что доставалось ему от Хьюза легальными путями. Мормонская пятерка пыталась открыть шефу глаза на казнокрадство его любимца, но обычно никому не доверяющий Хьюз на сей раз не хотел ничего слушать. Уединившись под крышей отеля «Пустыня», Хьюз не только передал Мэйхью ведение всех дел в Лас-Вегасе, но и поручил ему охрану своей драгоценной персоны. Здоровенные молодчики, стоявшие у входных дверей, ведущих в покои Хьюза, телохранители, секретари и даже телефонистки — все они были людьми Мэйхью.

Но тучи над его головой сгущались. Мормонской пятерке удалось раздобыть доказательства того, что непомерные аппетиты авантюриста стали простираться слишком далеко. Он готовил позиции для того, чтобы в случае смерти Хьюза прибрать к рукам всю его империю.

В конце концов Хьюз понял, что оказался в западне, и тогда был разработан план бегства из-под охраны Мэйхью. Под покровом темноты ненавидевшие и боявшиеся Мэйхью мормоны-приближенные спустили босса по пожарной лестнице с девятого этажа, посадили в машину с потушенными фарами и доставили на аэродром, где его уже ждал самолет. Оказавшись вне досягаемости от Мэйхью в тщательно охраняемом здании на Багамских островах, Хьюз позвонил в Лас-Вегас и сообщил, что он увольняет последнего.

Однако с проходимцем оказалось не так-то легко справиться. Он заявил, что телефонный звонок сфальсифицирован, Хьюз находится при смерти, а потому он, Мэйхью, берет на себя управление всеми делами. Хьюз направил губернатору Невады подписанный им документ, подтверждавший увольнение Мэйхью. Тот вновь парировал удар, пригласив специалиста-графолога, который, получив солидную мзду, под присягой свидетельствовал подделку подписи Хьюза. Люди Мэйхью потребовали, чтобы миллиардер самолично появился в Лас-Вегасе и подтвердил свои показания, от чего тот благоразумно уклонился.

Схватка продолжалась несколько месяцев, и в конце концов Мэйхью пришлось отступить. Правда, отступление это не имело ничего общего с беспорядочным бегством. Он выговорил выгодные условия ухода из хьюзовской компании, еще больше округлив наворованный им капитал и заявив, что он предполагает открыть собственное дело. Тот самый случай, когда вор у вора дубинку украл.

Беспрецедентный случай, нечто из ряда вон выходящее? Ничуть не бывало. Не случайно Бальзак говорил, что за каждым крупным состоянием скрывается преступление. Летопись американских миллионеров таит в себе немало того, что с полным основанием могло бы войти в учебник криминалистики. То, что произошло в недрах хьюзовской империи в конце 1970 года, лишь вариация на довольно банальную тему. Достаточно вспомнить историю прихода к руководству компанией Форда ее нынешнего хозяина — внука основателя фордовской империи Генри Форда II.

Тождественность Мэйхью и Беннета видна невооруженным глазом. Но что еще более важно, так это не только тождественность ситуаций, но и тождественность нравов, царящих в недрах миллиардерских семей, живущих по законам джунглей, законам, которые не меняются независимо от того, когда происходит дело — сто лет назад, пятьдесят или в наши дни. То обстоятельство, что хьюзовские компании производят электронное оборудование или участвуют в подготовке экспедиций на Луну, нисколько не отражается на порядках мира, в котором они существуют. В этом смысле между веком электроники и каменным веком для хозяев этого мира нет никакой разницы.

Хьюз дошел до потолка могущества, мыслимого в современной Америке. Но, как говорится, долго на потолке не просидишь, муха и та устает. Огромное хьюзовское богатство непрочно не только потому, что приближающийся к седьмому десятку миллиардер не имеет наследников. Оно непрочно потому, что концерн его авантюристичен в своей основе. Хьюз напоминает глупую и жадную птицу, спешащую набить зоб свой чем ни попало: рыбешка так рыбешка, а галька так галька. Вчера нефтебуры и голливудские фильмы, сегодня электроника, игорные притоны и авиалинии, а завтра? Завтра неминуемый и неизбежный крах.

И если здесь так подробно рассказано об уродливом наросте на теле Америки, именуемом Хьюз, то не столько потому, что имя это значится в первой тройке обладателей крупнейших состояний Америки — сегодня это так, а завтра (и история с Мэйхью показала, что сие вполне вероятно) может быть иначе,— но лишь потому, что история хьюзовского бизнеса типична для большого бизнеса современной Америки, бизнеса, где никто не может отличить гангстера от предпринимателя, а деловую операцию от «мокрого» дела.

Такова история хьюзовского миллиарда. Некоторые называют его таинственным. Другие — грязным. Правы, вероятно, и те и другие. Когда-то было сказано, что «деньги не пахнут». Хьюзовские пахнут. Пахнут дурно. Развратом. Преступлениями. Кровью!



ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МОЛОДЫЕ ДЕНЬГИ

ЛОВКАЯ ЛЕДИ

Оказывается, деньги тоже имеют возраст. В чем же выражается возрастная разница применительно к деньгам американских миллиардеров? Воротилы из «старых» монополистических групп накопили на протяжении десятилетий немалый деловой опыт. Уолл-стритский денежный туз более осторожен, нежели его молодой собрат.

Конечно же, это вовсе не означает, что Джон Рокфеллер, Генри Форд или Иренэ Дюпон побрезгают при случае осуществить какую-нибудь махинацию вполне в стиле своих отцов и дедов. Но все-таки вести рискованную биржевую игру — это удел начинающих.

Денежная аристократия предпочитает действовать наверняка. Они не торопятся. За их спиной огромные капиталы. Деньги сами делают деньги. Не то у «молодых». Подавляющее большинство из них взошло на дрожжах военного бизнеса, будь то ракетные и авиационные заводы в Калифорнии или нефтяной бизнес техасских миллиардеров. Они еще не упрочились, не обрели уверенности, поэтому особенно авантюри-

стичны, нахраписты, агрессивны. Не случайно главными центрами американского фашизма являются Техас и Калифорния — поле деятельности новых миллионеров, центры военной промышленности.

Рассказывая о техасских богатеях, о Говарде Хьюзе, мы уже начали разговор о состояниях, возникших в последние годы. А в этой главе речь пойдет о еще одной группе новых богачей, обосновавшихся в Калифорнии.

Надо сказать, что во главе предпринимателей-калифорнийцев... Впрочем, по порядку. Девочки, читательницы этой книги, могут задать автору вопрос: а есть ли в Америке предприниматели-женщины, миллионерши и миллиардерши? Не жены миллионеров, а сами ворочающие миллионами? Немного, но есть. Я не имею в виду случаи полуанекдотические, вроде мадам Хетти Грин, о которой вы прочитали выше.

Самым богатым и большим банком мира считается находящийся в Калифорнии, в Сан-Франциско, «Бэнк оф Америка». Многие миллиарды долларов хранятся в его бронированных подвалах. Главой этого банка, хозяйкой могущественной промышленно-финансовой империи, в которую, к примеру, в качестве составной, но отнюдь не главной части входят знаменитые кинокомпании Голливуда, является немолодая уже, хотя и молодящаяся, дама по имени Клэр, по фамилии Гофман, в девичестве Джаннини. Правда, она не была создательницей многих сотен миллионов семейных капиталов. Она получила их в наследство от отца — одного из крупнейших банкиров Америки XX века Амедео Джаннини. Но, получив в руки наследство, она показала себя вполне достойной дочерью своего отца.

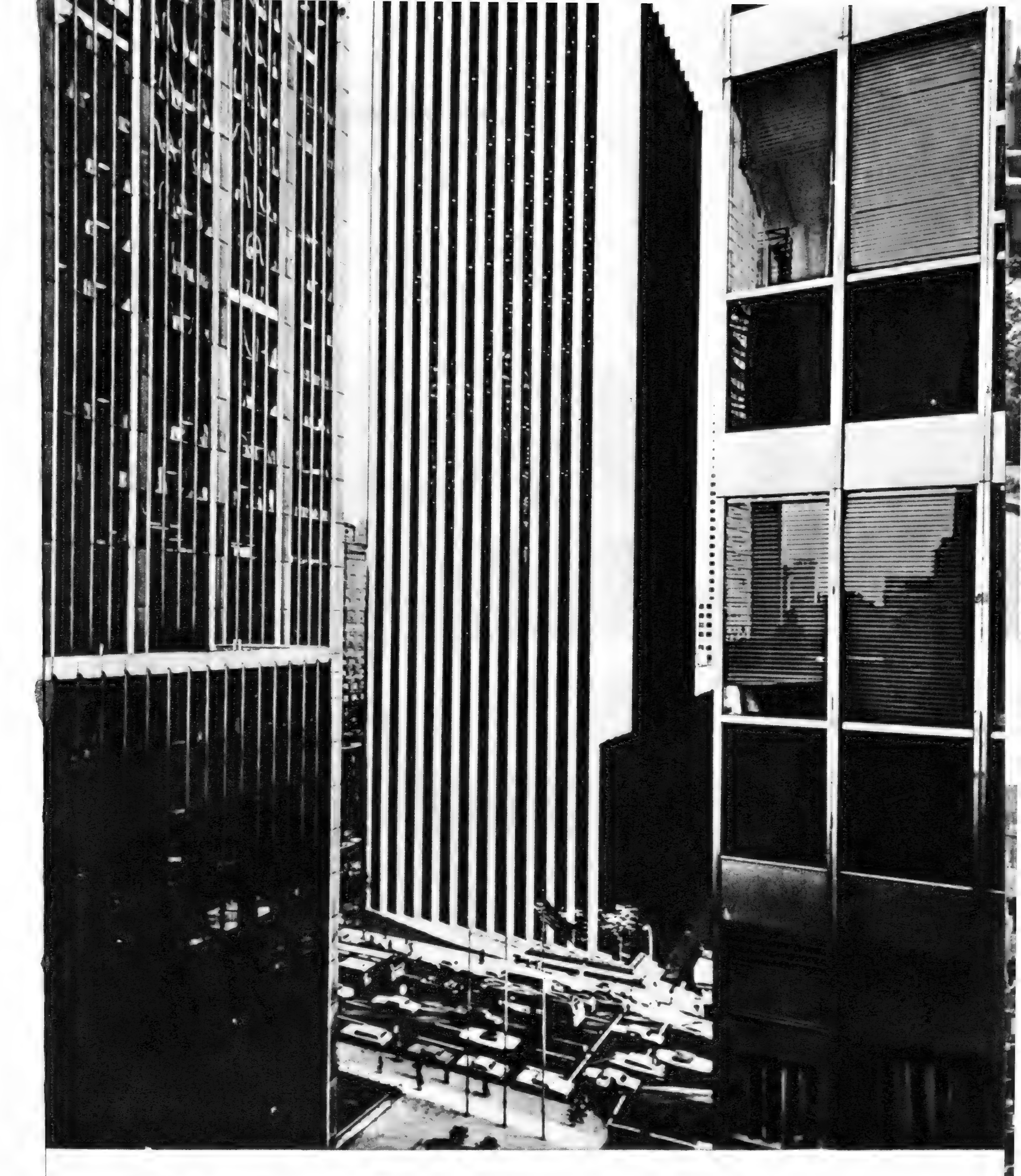
Амедео Джаннини родился в не очень богатой семье переселенцев из Италии. Первая его удачная финансовая операция, положившая начало семейным богатствам, была... женитьба.

Женившись, Джаннини основал небольшой собственный банк.

А дальше пошло. Поначалу Джаннини действовал как ростовщик.

Затем круг его операций расширился, и дело его быстро росло.

Сейчас в Америке существует много книг, посвященных Амедео Джаннини. Его стремительный взлет от небольшой ростовщической конторы к крупнейшему банку страны объяс-



Пирамиды по-американски.

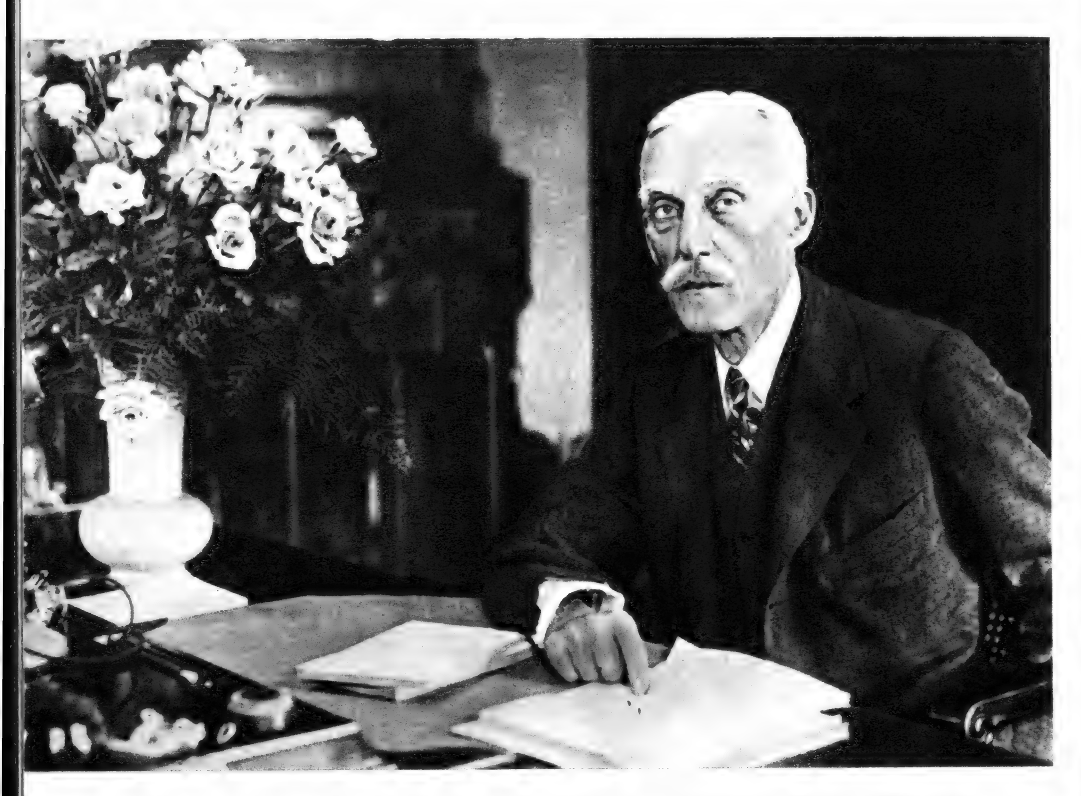
Остров Манхэттен — центр Нью-Йорка.

Америка — это не только небоскребы.

У гавани Сан-Франциско.



Храмы бизнеса.



Это тот самый Меллон, который (а вернее его деньги) сделал в 1921 году Уоррена Гардинга президентом США. Сам Меллон стал министром финансов в правительстве Гардинга.



Сначала Гардинга сделали президентом, его именем Меллоны прикрывали многие свои темные дела, потом, когда появилась угроза разоблачения, Гардинга убрали.



Нынешние Форды у портретов деда и отца. Официальная американская статистика свидетельствует: чистый доход Фордов от каждого рабочего их заводов составляет 1,47 доллара в час.

Здесь был собран первый фордовский автомобиль.

А здесь их делают сегодня.

Фордовский конвейер 30-х годов.

Для устрашения рабочих Форды держали
и держат специальные отряды.



Руководители семейства Дюпонов. Огромная сумма — 21 миллиард долларов находится под их контролем. Им принадлежат 129 заводов в 16 странах мира.



Злобные речи Уоллеса с призывами к расправе над неграми, удары полицейских дубинок, которые обрушиваются на участников студенческих демонстраций, быстро сделали его любимцем ку-клукс-клана и других фашистских и полуфашистских банд. На президентских выборах 1968 года Дюпоны всячески поддерживали кандидатуру Уоллеса.

Даже детские чепчики и распашонки используются для рекламы.

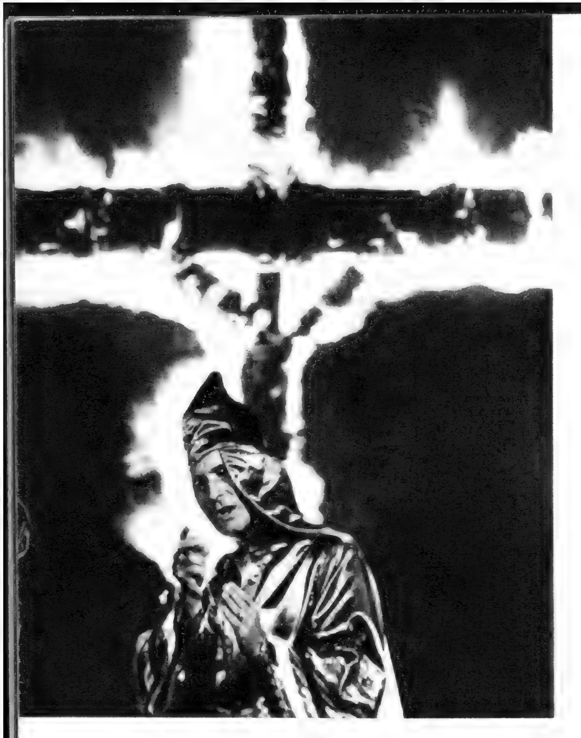


Десятки дворцов и вилл, принадлежащих Рокфеллерам, оцениваются в сотни миллионов долларов. ▶

Деловая и дружеская встреча: справа налево — Рокфеллер, Эйзенхауэр, Джон Фостер Даллес. До того как получить пост в госдепартаменте США, Даллес был поверенным и адвокатом семейства Рокфеллеров.



Семейство Рокфеллеров давно обнаружило, что государственную власть в Америке можно использовать для увеличения своих доходов. Уинтроп Рокфеллер не жалел ни времени, ни денег в борьбе за пост губернатора штата Арканзас.



«Великий Маг» Роберт Шелтон.



Посвящение в ку-клукс-клан.

Разговор автора с Шелтоном в куклуксклановском логове.



Средневековое шествие
в атомном веке.

Рулетка — развлечение миллионеров.

Игорный зал в Лас-Вегасе.



Основатель «Бэнк оф Америка» Амедео Джаннини — одна из самых мрачных фигур американских капиталистических джунглей.



Ракеты, электронное оборудование к ним, новейшие виды оружия — такова продукция, на которой наживает свои миллионы Клэр Джаннини-Гофман.



Штаб-квартира империи Джаннини в Сан-Франциско.



Джон Кеннеди и Линдон Джонсон.

Линдон Джонсон мечтал войти в историю США в качестве одного из великих президентов. Но в результате политического банкротства он вынужден был «добровольно» отказаться от переизбрания на следующий срок.

няют необычайными «талантами» банкира. Но то был не талант инженера или конструктора, экономиста или специалиста в области финансовой. Амедео Джаннини ничего не изобрел, не сконструировал. Зато число людей, разоренных и обманутых им, исчисляется десятками тысяч. Он действовал как ростовщик, давая в неурожайные годы под кабальные проценты ссуды попавшим в беду фермерам. А затем, не ведая жалости, сгонял их с насиженных мест, прикарманивая их землю. При помощи крупных взяток представителям властей он доводил до банкротства владельцев городского транспорта; распуская заведомо ложные слухи, инспирируя клеветнические кампании в печати, доводил до разорения конкурентов. Если и был у Джаннини талант, то из числа тех, которым не принято не только гордиться, но даже упоминать в приличном обществе,— доведенная до совершенства ловкость рук, беззастенчивость, безжалостность...

Можно в сегодняшней Америке быть дважды талантливым, трижды умным и четырежды одаренным, а кроме того, иметь семь пядей во лбу — и оставаться бедняком. А можно не обладать ни одним из талантов — и процветать, наживать миллионы, что и произошло с Амедео Джаннини.

В 1948 году Джаннини умер, оставив после себя крупнейшее состояние в несколько сот миллионов долларов. Ему наследовали сын Марио и дочь Клэр, вышедшая к тому времени замуж и носившая фамилию мужа.

Клэр сызмальства приучалась папашей к делам. За большие деньги он купил для дочери место маклера на нью-йоркской бирже, дав ей возможность изучать все тонкости плетения финансовой паутины. Изворотливая, лицемерная, бессердечно-жестокая, юная леди по его поручению осуществляла операции, за которые взялся бы далеко не всякий делец-мужчина. Именно поэтому она, а не ее великовозрастный братец Марио была любимицей отца.

Завещание старого Джаннини разделило руководство семейным банком между Клэр и Марио, причем более важные роли были отведены Клэр. Глубоко этим уязвленный, Марио начал упорную борьбу с родной сестрой.

Разгорелась жестокая междоусобная борьба, продолжавшаяся несколько лет. Бескомпромиссная схватка эта шла с переменным успехом до тех пор, пока Марио Джаннини... не настигла внезапная смерть. Причины? Они остаются невыясненными по сей день.

Клэр Джаннини-Гофман оказалась во главе крупнейшего банка Америки. Ситуация была необычной. До той поры деловые джунгли Америки с их жестокими нравами считались делом не женским. Поэтому не успела затихнуть в джанниниевском семействе одна война, как незамедлительно вспыхнула другая. На сей раз против дочери Амедео Джаннини выступил его ближайший друг, сподвижник и многолетний помощник банкир Белграно. Оперируя какими-то не то подделанными, не то подлинными письмами к нему своего умершего хозяина, он принялся доказывать директорату банка, что Амедео Джаннини предполагал, что дочь его будет лишь номинально во главе дела, станет царствовать, но не править. Возглавлять же банк старый Джаннини поручил ему, Белграно.

«Ничего хорошего не выйдет, если наше дело будет возглавлять дама. Женщине надлежит наряжаться и заботиться о семье. Делать доллары не женское дело»,— твердил Белграно.

Однако очень скоро многоопытному финансовому волку довелось убедиться в том, что у дочери его бывшего хозяина острые когти. Она стала полновластной хозяйкой империи Джаннини. Мертвой хваткой вцепилась она в доходные отрасли своего бизнеса, на первом месте в котором находится гонка вооружений.

И здесь нам следует ненадолго отвлечься от мадам Джаннини, чтобы поговорить об обстоятельстве, имеющем немалое касательство к процветанию калифорнийского военного бизнеса, превратившего в последние годы этот район в один из основных центров пресловутого военно-промышленного комплекса.

Нам уже доводилось на страницах этой книги говорить о стремлении «молодых денег» прибрать к рукам рычаги государственной власти. Ведь именно правительство страны распределяет между частными корпорациями выгодные военные заказы, обеспечивающие не только высокий доход, но и доход постоянный, ибо производство вооружений не зависит от колебания рыночных цен, от изменчивой и капризной экономической обстановки. Это дело надежное и постоянное. Правительство выдает многомиллионный заказ, расплачиваться за который приходится американским налогоплательщикам, и, независимо от того, показывает ли стрелка экономического барометра на «ясно» или на «пасмурно», корпорация, сумевшая

овладеть правительственным военным заказом, получает свои доллары.

Успех техасских миллиардеров, сумевших посадить в Белый дом своего человека и получивших за джонсоновское пятилетие немалый куш, разжег до крайней степени аппетиты их калифорнийских конкурентов. Это обстоятельство безусловно сыграло немалую роль в том, что Джонсона в Белом доме сменил тесно связанный с калифорнийским бизнесом Ричард Никсон.

Жизнь и карьера 37-го хозяина Белого дома самым тесным образом связана с Калифорнией, с политической машиной республиканской партии этого штата, его промышленниками и банкирами. А поскольку речь идет не о частном гражданине, а о президенте США, обстоятельство это является отнюдь не только фактом его личной жизни и биографии.

Ричард Милхауз Никсон родился 9 января 1913 года в местечке в 30 милях от Лос-Анджелеса. Его отец, Френсис Никсон, был предпринимателем средней руки, владельцем бакалейной лавочки и бензоколонки. Мать, Ханна Никсон, урожденная Милхауз, происходила из квакерской семьи средней зажиточности.

В Америке распространена традиция в качестве второго имени давать сыну фамилию его матери. Роза Кеннеди, урожденная Фитцджеральд. Поэтому полное имя покойного президента — Джон Фитцджеральд. По той же причине полное имя нынешнего хозяина Белого дома — Ричард Милхауз.

И Никсоны и Милхаузы — выходцы из Англии и Ирландии. На американской земле они появились в конце XVII — начале XVIII века. Однако, несмотря на то, что обе семьи принадлежали к числу ранних переселенцев, что дает в Америке немалые преимущества, на протяжении ряда поколений они особых успехов не стяжали.

В 1937 году, получив диплом юриста, Никсон начал адвокатскую карьеру. Одновременно он попробовал себя в области бизнеса, основав компанию по продаже апельсинов и апельсинового сока. Однако очень быстро прогорел. В Лос-Анджелесе мне рассказывали, что акционеры никсоновской компании до сих пор не могут простить ему провала предприятия, разорившего их, и упорно на каждых выборах они вычеркивают его фамилию из избирательных бюллетеней, уверяя, что

не следует вверять судьбу страны человеку, который не справился даже с таким простым делом, как продажа апельсинового сока.

После войны молодой юрист начал работать — где бы вы думали? — в «Бэнк оф Америка». Да, да, в том самом банке, который был основан Амедео Джаннини и возглавляется нынче его дочерью.

Престарелый Джаннини, который был тогда еще жив, оценив вскоре по достоинству Ричарда Никсона, решил сделать на него ставку. И вскоре последний стал сначала членом конгресса, затем сенатором, а в 1952 году вице-президентом США.

За годы пребывания в Вашингтоне Ричард Никсон не стяжал себе репутации ни крупного политика масштаба Рузвельта, ни фигуры, привлекшей к себе симпатии американцев, как Кеннеди. Весьма консервативный, чтобы не сказать больше, вашингтонский журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт», сравнивая Никсона с его предшественниками, писал так: «Франклин Рузвельт был окружен ореолом аристократизма, а Никсон вполне мог бы быть соседом любого американца, обитающего в районе, где живут люди со средним достатком. Трумэн был случайным президентом; Никсон — человек, давно наметивший себе такую цель. Об Эйзенхауэре обычно думали как о добром дядюшке; Никсон скорее напоминает юрисконсульта, к которому вы обратились за советом по бракоразводным делам. У Кеннеди был легкий подход даже к самым мрачным ситуациям; Никсон выглядит мрачным даже тогда, когда пытается шутить. Джонсон смягчал свои недостатки общительностью и разговорчивостью; Никсон — надменен и из всех обществ предпочитает общество самого себя».

Об одном из предшественников нынешнего президента по Вашингтону гуляла такая ядовитая шутка: «Во время пожара его библиотека сгорела, но обе книги удалось спасти». Никсон не только читает, но даже написал книжку о шести кризисах, с которыми ему довелось столкнуться во время своей политической карьеры. И тем не менее американская интеллигенция в своей массе не испытывает к нему симпатии. Неприязнь эта уходит корнями в те времена, когда — в ту пору еще сенатор — Никсон поддерживал известного охотника за инакомыслящими, реакционного сенатора Джозефа Маккарти.

Преждевременно пока подводить итоги президентства Никсона. Но об одном можно говорить уже сейчас: при всех обстоятельствах большой бизнес вряд ли будет в претензиях на президента Никсона. Американский большой бизнес вообще, калифорнийский в частности, а «Бэнк оф Америка» и его хозяйка Клэр Джаннини-Гофман в особенности.

Солнечная Калифорния, с ее вечно голубым небом и неповторимыми красотами природы, с апельсиновыми рощами и цветущим миндалем, в последние годы превратилась в один из главных ракетно-ядерных арсеналов американской военщины.

И далеко не последнюю роль в этом превращении сыграла невысокого роста женщина с тяжелым взглядом на недобром лице — Клэр Джаннини-Гофман.

Всем ребятам, хотя бы немного интересующимся авиацией, хорошо известно слово «дуглас». В области воздухоплавания эта марка звучит так же громко, как, скажем, «форд» среди автомобилей. Значительно меньше известно, что «дуглас» — тяжелые самолеты, используемые на авиалиниях всего мира,— производятся компанией «Дуглас эйркрафт», принадлежащей семейству Джаннини. Старый Джаннини приобрел эту тогда небольшую компанию еще до второй мировой войны. Когда разразилась война, американская армия остро нуждалась в большом количестве боевых машин. Воспользовавшись ситуацией, потратив немалые деньги на взятки вашингтонским чиновникам, Джаннини удалось уговорить правительство безвозмездно передать ему в собственность несколько авиационных заводов, принадлежавших государству.

Компания «Дуглас эйркрафт» оказалась обладательницей целого ряда крупных авиационных заводов. Результаты не замедлили сказаться: только эта компания за годы войны принесла семейству Джаннини 250 миллионов долларов чистой прибыли. Однако в последние годы все меньше бомбардировщиков сходит с конвейеров заводов этой компании. Нет, дело вовсе не в том, что мадам Джаннини решила перековать мечи на орала, перейти на мирную продукцию. Существует, с ее точки зрения, бизнес более доходный, чем самолеты. Это — ракеты. И «Дуглас эйркрафт» является сейчас одним из основных поставщиков ракет и управляемых снарядов для американской армии.

Несколько лет назад весь мир облетело сообщение о том, что в небе над Советским Союзом метким выстрелом ракетчи-

ков сбит американский самолет «У-2», летчик которого Фрэнсис Пауэрс вторгся в наше воздушное пространство в шпионских целях. Непомерная наглость шпиона объяснялась тем, что он был уверен в своей безнаказанности. Самолет, которым он управлял, был объявлен техническим чудом — он летал на такой огромной высоте, что возможность его уничтожения считалась специалистами невероятной. Руководителям авиационной компании «Локхид», которая сконструировала и построила этот самолет, пришлось жестоко разочароваться.

Но кто же они, эти руководители? Прежде всего та же миссис Джаннини-Гофман. Именно ей принадлежит фирма «Локхид». Впрочем, урок, полученный в советском небе, не пошел впрок. И сегодня «Локхид» занимается своим темным делом — созданием самолетов и оборудования для шпионских целей.

Чудовищная противоестественность всего этого не волнует ее: женщина-мать, руководящая выпуском оружия, предназначенного для убийства людей, уничтожения жизни — это не абстракция, не метафора публициста, это констатация факта.

Многие бомбардировщики, на протяжении долгого времени бомбящие города и деревни Вьетнама, обрушивающие напалм на ни в чем не повинных женщин, детей и стариков, производятся на военных заводах фирмы «Локхид» и «Дуглас эйркрафт». Ракеты и электронное оборудование к ним, прицельные устройства для бомбометания и другие новейшие виды оружия — вот продукция, на которой наживает свои миллионы дочь своего отца, дочь своего класса Клэр Джаннини-Гофман.

ВЫСТРЕЛ ВО ДВОРЦЕ

У нас уже шла речь о жестокой конкурентной борьбе, которую ведут между собой американские предприниматели. В борьбе этой дозволены все средства. Это схватки не на жизнь, а на смерть, и нередко не в переносном, а в буквальном смысле.

Я хочу рассказать историю, которая произошла с одним из видных представителей еще одной группировки «молодых

денег», новых богачей, обосновавшихся в районе Чикаго и Кливленда — городов, расположенных на северо-западе страны.

История эта поучительна потому, что в ней ярко отразились нравы, царящие на вершине делового мира Америки.

...Промозглым январским днем по роскошным покоям дворца, расположенного на окраине Кливленда, в фешенебельном квартале, брел растрепанный человек в дорогом, но измятом костюме, со сбившимся набок галстуком и безумными глазами.

Он прошел анфиладой залов, увешанных картинами великих мастеров, постоял у фонтана зимнего сада с экзотическими растениями, собранными сюда со всего мира, машинально бросил корм диковинным рыбам, плескавшимся в бассейне, и, выйдя в вестибюль облицованный дорогими сортами дерева, обратился к камердинеру:

— Какое сегодня число?

— Двадцать восьмое, сэр.

— А год?

Лицо ко всему привыкшего слуги выразило недоумение. Но он ответил:

— Тысяча девятьсот пятьдесят восьмой, сэр.

Камердинер начал что-то говорить про погоду, но, не слушая его, растрепанный джентльмен, вид которого разительно контрастировал прилизанной роскоши дома, неверными шагами стал подниматься по мраморной лестнице на второй этаж.

Войдя в бильярдную, он некоторое время разыгрывал партию с самим собой. Но дрожь в руках мешала ему попасть в шары слоновой кости. Ни один из них не лег в лузу. В ярости сломав кий, неудачливый бильярдист залпом осушил бокал неразбавленного виски.

Затем он подошел к шкафу, вытащил оттуда охотничье ружье.

То, что последовало дальше, в течение многих месяцев муссировалось американскими газетами и журналами на все лады.

Сунув в рот дуло, он большим пальцем босой ноги нажал на спусковой крючок.

Раздался грохот, и один из богатейших людей Америки, миллиардер Роберт Янг, рухнул на ковер...

Трагической развязке этой предшествовали драматические события, обычные для мира американского бизнеса, где действуют по принципу «человек человеку — волк».

«В Соединенных Штатах вспыхнула финансовая война таких масштабов, какие редко наблюдались в этом столетии. После продолжавшихся семь лет маневров Роберт Янг бросил вызов Морганам, Вандербильтам, Рокфеллерам и Меллонам. Он вырвал у них принадлежавшую им самую большую в Америке железную дорогу «Нью-Йорк сэнтрел». Эта победа завершила крупнейшую финансовую битву в современной истории железных дорог».

Так летом 1955 года, за три года до выстрела в бильярдной, писала газета «Нью-Йорк таймс».

Кто же такой Роберт Янг, осмелившийся бросить вызов самым могущественным капиталистическим группам Америки, и каким образом ему удалось в какой-то момент перехитрить и обскакать гигантов Уолл-стрита?

Последние полтора десятка лет Роберт Янг был одной из наиболее известных фигур в деловом мире экономического района, примыкающего к Великим озерам, центром которого являются Чикаго и Кливленд. Путем различных спекуляций,

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

родео



В Техасе мне довелось наблюдать за, пожалуй, самым популярным здесь своеобразным спортивным соревнованием. Оно называется родео. Прямо скажу: зрелище сильное. Сначала состязаются всадники на необъезженных конях. Выигравшим считается наездник, сумевший дольше других продержаться на такой беснующейся и брыкающейся лошади.

Затем повторяется то же самое, но уже не с лошадьми, а с дикими быками. Страшно смотреть на взбесившихся животных, швыряющих оземь ковбоев, взгромоздившихся на

дерзких финансовых операций он сумел сколотить крупное состояние. Сферой своей деятельности Янг избрал железные дороги.

Надо сказать, что, хотя Америка никогда не знала дворянской элиты — там не было ни графов, ни князей — снобизма, чванства и спеси за океаном едва ли не больше, чем в старушке Европе.

Было время, когда Меллонов, Рокфеллеров и Вандербильтов не принимали в богатых домах Бостона и Филадельфии, несмотря на их миллионы: они считались выскочками, купчишками.

Избранными почитали себя потомки первых переселенцев из Старого Света, кичившиеся этим не меньше, чем бояре-рюриковичи древностью своего рода.

Время постепенно стерло разницу, и первонакопители вошли в круг избранных. Но теперь уже они воротили нос от «всяких там» Фордов. Затем и те при помощи династических браков, а главное — тугой мошны проложили себе путь в высшее общество.

Как уже говорилось, в недавние, послевоенные, годы в американском бизнесе появилась новая плеяда богачей. По своим

•ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ•

их спины. Я не видел ни одного, которому удалось продержаться хотя бы минуту.

И вот, глядя на прихрамывающих, в изодранных костюмах, с разбитыми, в кровоподтеках лицами наездников-ковбоев, я подумал об «уайлдкэтерах». «Уайлдкэтеры» от «уайлдкэт» — «дикая кошка». Дикими кошками в Америке называют нефтяные скважины, которые начинают бурить без предварительной геологической разведки — авось повезет. Владельцев этих скважин называют «уайлдкэтеры». Единицам из единиц удалось удержаться на спине взбрыкивающего на все лады случая. А большинство оказалось безжалостно затоптанными жизнью.

деньгам, они сравнялись, а иногда и превзошли представителей старой промышленно-финансовой аристократии. На бирже и в директорских кабинетах корпораций и фирм новые миллионеры чувствуют себя равными Дюпонам. Но они не допущены в круг избранных: они не доказали еще своей прочности и долговечности — на Уолл-стрите знают, как быстро подчас лопаются мыльные пузыри спекуляциями сколоченных состояний.

Но почему же все-таки Роберт Янг, этот выбившийся в крупные богачи промышленник, решил покончить счеты с жизнью? Янг был одним из типичных представителей новых богачей. Всякими правдами и неправдами на военных подрядах второй мировой войны он сколотил немалое состояние.

Однако, как говорится, аппетит приходит во время еды. Став миллионером, он вознамерился пробиться в миллиардеры. Янг решил завладеть одной из самых крупных в Америке железных дорог «Нью-Йорк сэнтрл», которая принадлежала нескольким богатейшим уолл-стритским банкирам.

С этой целью сразу же после войны он начал плести сложную финансовую паутину, в которой хозяева дороги в конце концов запутались.

Они, будучи уверены в своем всесилии, и не предполагали, что кто-нибудь в Америке может осмелиться бросить вызов их могуществу, а Янг вел свою интригу в глубокой тайне.

Как в самых таинственных детективных историях, он обставил свою деятельность величайшей секретностью, не показывался на людях, постарался, чтобы его видели как можно реже и вообще забыли о том, что существует такой предприниматель Роберт Янг.

Действовал он через многочисленных агентов, каждый из которых не знал другого. Одним словом, сложная и таинственная интрига поначалу закончилась успешно. Когда хозяева железной дороги спохватились, было уже поздно.

Оказалось, что таинственный Некто в течение нескольких лет по всей стране скупал их долговые обязательства и однажды вдруг предъявил эти обязательства к немедленной уплате.

Вопрос был поставлен ребром: либо немедленно ему выплатят огромную сумму всех долгов, либо столь же незамедлительно отдадут железную дорогу.

В короткий срок, в течение которого необходимо было по-

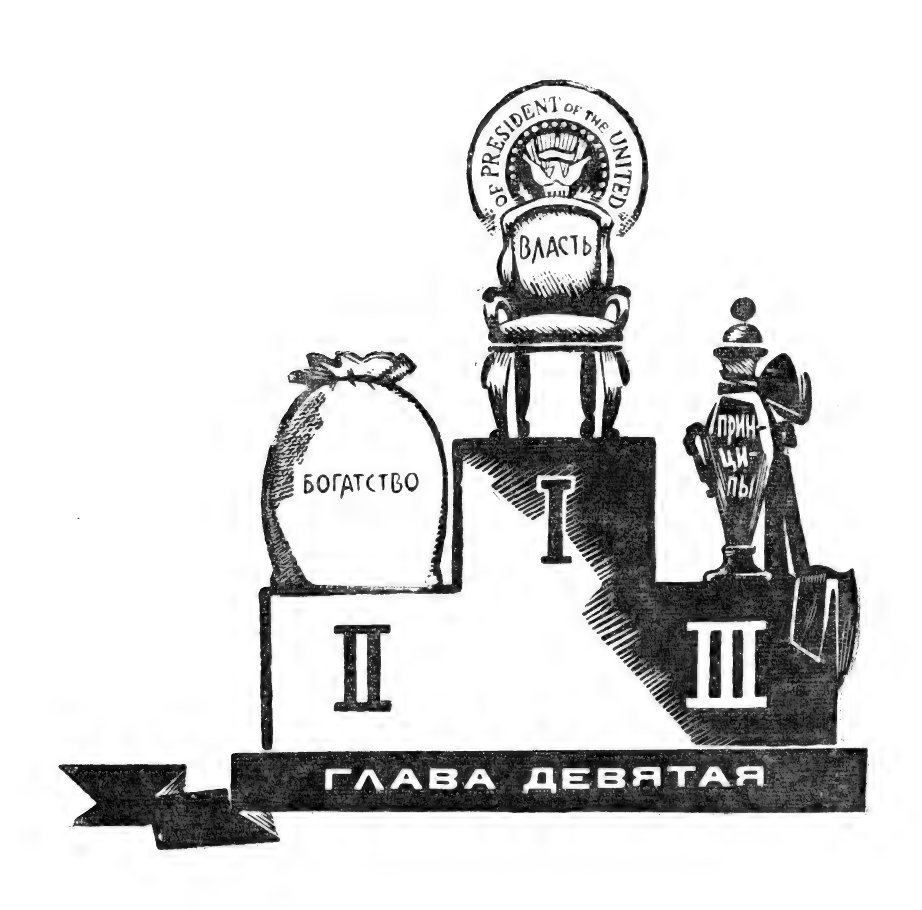
гасить долговые обязательства, даже богатейшие хозяева железной дороги были не в состоянии найти свободные деньги для выплаты долгов.

Застигнутые врасплох, они оказались в мышеловке, и им пришлось расстаться со своим выгодным предприятием. Янг ликовал.

И тут он совершил ошибку, которая стоила ему жизни. Он забыл нравы того мира, в котором жил, а между тем обобранные им конкуренты готовили ответный удар. Сам Янг, скупая потихоньку долговые обязательства конкурентов, вынужден был, в свою очередь, залезать в долги.

Именно этим и воспользовались пришедшие в себя хозяева дороги.

Я не буду рассказывать здесь о сложной финансовой интриге, затеянной банкирами Уолл-стрита против Янга. Для того чтобы разобраться в ней, необходимы специальные знания в области банковских махинаций. Но, так или иначе, на шею Янга его более могущественными и взбешенными поражением конкурентами была наброшена финансовая петля. Она затягивалась все туже, дела Янга пришли в упадок, и в приступе отчаяния он спустил курок.



КЛАН КЕННЕДИ

ДЕНЬГИ СЕМЕЙСТВА

Итак, кровь, убийства, заговоры, преступления тайные и явные — таков путь к миллиардам тех, кто считает себя сегодня владыками богатейшего государства капиталистического мира.

Все, о чем рассказано выше, говорит, что двойное убийство — сначала Джона, а затем и Роберта Кеннеди — не было для сегодняшней Америки таким уж из ряда вон выходящим явлением. Это вполне в духе нравов, которые являются нормой цитадели мира капитала.

Когда осенью 1963 года в техасском городе Далласе был убит президент Соединенных Штатов Джон Кеннеди, американские газеты уверяли своих читателей в том, что в истории Соединенных Штатов не было ничего подобного. То же самое повторяли и летом 1968 года, когда наемный убийца застрелил брата покойного президента сенатора Роберта Кеннеди.

То, о чем рассказывалось в предыдущих главах этой книги, убедительно говорит о том, что ничего необычного для нравов и политического климата современной Америки в этих преступлениях не было. О том же свидетельствуют факты, о которых пойдет речь дальше.

Но раньше, чем поведать эти факты, мне хотелось бы напомнить некоторые события. Президент Кеннеди был убит 22 ноября 1963 года в Далласе, в период подготовки предвыборной кампании. Предпринятые этим трезвомыслящим политиком шаги по некоторому ослаблению международной напряженности и нормализации американо-советских отношений вызвали ярость крайней реакции и, в частности, тех представителей промышленного и финансового мира Америки, которые специализируются на производстве оружия и которые опасаются, что улучшение международной обстановки отразится на их барышах.

Через несколько часов после того как следовавший в открытой машине по далласским улицам президент был убит несколькими выстрелами, полиция арестовала некоего Ли Харви Освальда. Освальду предъявили обвинение в убийстве президента. Освальд был препровожден в тюрьму. Но на следующий день убили и его. Владелец далласского кабачка под названием «Карусель» — темная личность, по имени Джек Руби — таинственным образом пробрался в здание тюрьмы и на глазах у всех в упор застрелил Освальда, похоронив вместе с ним многие тайны.

Все дальнейшее следствие шло весьма странным, чтобы не сказать больше, образом. У многих непредубежденных людей создалось впечатление, что следователи стремились не столько распутать, сколько запутать дело. Все их усилия были направлены к тому, чтобы доказать отсутствие заговора против президента Кеннеди. Дескать, убийство президента — дело рук фанатика-одиночки, а мотивы преступления неясны. Это и стало официальной версией американского правительства.

Прошло пять лет. Брат покойного президента Кеннеди — Роберт вступил в борьбу за то, чтобы занять место погибшего. В разгар избирательной кампании 1968 года он приехал в Лос-Анджелес — крупнейший город на западном побережье Америки, в штате Калифорния. Он был убит выстрелами в упор в отеле «Амбассадор», где находилась его штаб-квартира. Почерк убийц поразительно напоминал тех, кто за пять лет до этого действовал в Техасе.

Однако прежде чем поведать об этом двойном заговоре, думается, следует рассказать о семействе Кеннеди, о его истории, богатствах, влиянии. Без этого многого не понять в последовавших событиях.

Дело в том, что и Джон Кеннеди, президент Соединенных Штатов в начале 60-х годов, и его младший брат сенатор Роберт Кеннеди, готовившийся стать президентом страны 70-х годов, были не только видными политическими деятелями, Они были, подобно Нельсону Рокфеллеру, членами одного из богатейших американских семейств, наследниками огромного состояния, принадлежащего их отцу Джозефу Кеннеди, умершему в ноябре 1969 года.

Нынешним главой этого семейства является самый младший из братьев — Эдвард Кеннеди.

Во время нескольких поездок в Америку мне довелось встречаться и беседовать с членами семейства, в том числе с братьями Джоном, Робертом и Эдвардом Кеннеди. Последняя встреча с Робертом Кеннеди произошла в вашингтонском кабинете сенатора Соединенных Штатов. Когда я вошел к нему, навстречу поднялся человек среднего роста, в белой рубашке с расстегнутым воротом. Первым впечатлением от встречи с Робертом Кеннеди был его удивительно моложавый вид, который как-то не вязался с громкой известностью этого деятеля. Есть такие лица, которые до седых волос выглядят по-мальчишечьи. Кстати, о седине — ее немало было в пышной шевелюре нашего собеседника. Просто на фоне золотистых с рыжинкой волос ее сразу было не заметить, как не сразу обнаруживалось, что вроде бы простая, с пробором его прическа — плод искусных парикмахерских ухищрений.

Пожалуй, две внешние детали обратили тогда на себя особое внимание. Во-первых, выражение глаз, очень холодных, голубых, внимательно, показалось, даже настороженно следивших за собеседником. И второе — руки. Во время разговора, когда сенатор задумчиво скрестил их на груди, бросалось в глаза странное несоответствие, в общем, некрупного торса и нормальных размеров головы с огромными, покрытыми рыжеватым пушком ручищами.

За креслом сенатора, во вделанных в пол гнездах, стояли два больших флага: один — звездно-полосатое знамя Соединенных Штатов, другой — голубое полотнище, кажется, штата Нью-Йорк. Вообще для европейского глаза приверженность американцев к знаменам выглядит непривычно и немножко смешно. Вы можете столкнуться с флагом в самых, казалось бы, неподходящих местах. Я не говорю о сенаторском кабинете, хотя и здесь, в деловом помещении, развернутые знамена вроде бы тоже ни к чему, но флаги вывешиваются везде — в

овощных лавках и над пожарным депо, в булочных, в мастерских химчистки и аптеках.

Сбоку над столом сенатора висел большущий картон, на который наклеены детские рисунки — у сенатора в то время было девять детей.

Во время разговора, длившегося довольно долго, мы затрагивали многие темы. Роберт Кеннеди произвел впечатление человека незаурядного, несомненно умного, хорошо подготовленного, обладающего быстрой, почти мгновенной реакцией, волевого, временами жесткого.

Но здесь мне хотелось бы вернуться к той части беседы с Робертом Кеннеди, которая касалась его семьи, истории ее богатств. В ответ на мои вопросы Роберт рассказал о своем отце, семье. Семейство это ирландское. Прадед братьев, как и многие другие ирландцы, в прошлом веке покинул родину и в поисках счастья отправился за океан. Нельзя сказать, чтобы ирландцам очень уж повезло в Америке. Миллионерами стали единицы, зато полицейских-ирландцев очень много. Покойный Джон Кеннеди острил как-то: «Ирландцы поставляют Соединенным Штатам полицейских и президентов». Впрочем, насчет президентов преувеличение: Кеннеди — первый.

Но дед президента выбился в люди. Поселившись в Бостоне, Патрик Дж. Кеннеди начал свою карьеру как содержатель трактира. Строгие убеждения верующего католика нисколько не мешали ему спаивать сограждан. И к концу жизни он уже более или менее процветающий буржуа, член муниципального совета Бостона, а незадолго до смерти был избран в сенат штата Массачузетс.

Своему сыну Джозефу старик оставил налаженное дело и счет в банке, а также вполне солидные пакеты акций угольных компаний, фирмы по оптовой продаже спиртных напитков и банка средних размеров.

Высокий, рыжеволосый и голубоглазый Джозеф Кеннеди — отец братьев Кеннеди — человек властный и честолюбивый. Его бесило то, что спесивая бостонская знать и близко не подпускала к себе его, сына трактирщика.

Он женился на красавице Розе Фитцджеральд — дочери мэра города. Но и женитьба поначалу не раскрыла перед новобрачными двери великосветских гостиных. Наоборот, спесивая знать Бостона, сочтя этот брак мезальянсом, отказала в расположении и своей недавней любимице — красивой и обаятельной Розе Фитцджеральд.

Богатства Джозефа Кеннеди росли. По размерам состояния он значительно опередил многие богатейшие семьи родного города. Но его по-прежнему считали чужаком. Это страшно уязвляло самолюбивого Кеннеди. Один из его друзей рассказывает, что как-то в начале 30-х годов они вместе сидели со стаканами виски в гостиной кеннедиевского дома. Джозеф держал в руках газету. Вдруг его взгляд упал на заметку, в которой без всякого почтения говорилось о нем, о его ирландской напористости.

— Кеннеди буквально взбесился,— рассказывает очевидец.— Вскочив со стула, он швырнул газету и, топча ее ногами, зарычал: «Будь они прокляты! Я родился в Америке. Дети мои тоже родились здесь. Что же, черт возьми, должен я сделать для того, чтобы меня стали называть американцем!»

Впрочем, он хорошо знал, что́ он должен сделать. И занимался этим не покладая рук. В первую мировую войну Джозеф Кеннеди, используя связи, добился поста директора судоверфи, а затем стал разворачивать деловую активность везде, где она сулила обернуться хорошей прибылью.

Прежде всего он значительно увеличил, поставив на широкую ногу, питейное дело своего отца. Не ограничившись пределами Америки, он придал этому предприятию международный размах, взяв в свои руки импорт виски, джина, рома и прочих горячительных напитков. Затем ему подвернулась кинокомпания.

Внезапный переход Джозефа Кеннеди от виски и джина к голливудским фильмам озадачил в те дни многих. Впрочем, на ниве кинобизнеса Кеннеди-старший предпочел особенно долго не задерживаться. Его текущий счет в результате голливудской экскурсии увеличился на пять миллионов долларов, и, не желая больше искушать судьбу, вверяя ее неверному киносчастью, он вернулся к привычным деловым операциям. Особую удачу ему принесли спекуляции на бирже. Азартный и в то же время чрезвычайно расчетливый, он очень скоро превратился в одного из наиболее ловких и удачливых биржевых игроков. Для того чтобы быть поближе к уолл-стритской бирже, Кеннеди с семьей окончательно переселился в окрестности Нью-Йорка. О «творческой манере» Джозефа Кеннеди-биржевика весьма красноречиво повествует биограф семейства Джо Маккарти, которого если и можно упрекнуть в пристрастности, так это не в анти-, а в прокеннедиевской. Вот что он пишет:

«На Уолл-стрите Кеннеди стал мастером в искусстве составлять пулы. Обычно вместе с несколькими другими биржевиками он закупал, скажем, 50 тысяч дешевых акций, на которые никто до той поры не обращал внимания. Затем он возбуждал к ним интерес способом, который известен на Уолл-стрите, как «украшение витрины», то есть покупал и продавал самому себе эти акции мелкими партиями по всей стране с тем, чтобы их название постоянно мелькало в биржевых сводках и прессе. Видя это, простаки полагали, что кто-то неспроста скупает эти акции, и сами бросались их покупать, повышая стоимость. Тогда организаторы пула спокойно сбрасывали свои акции, клали в карман прибыли и, весело насвистывая, принимались за другие дела».

Интересно, а что делали в это время обобранные столь изящным образом мелкие владельцы акций? Тоже насвистывали?

Я спрашивал у нескольких завсегдатаев уолл-стритской биржи, проведших на ней не один десяток лет, в чем, по их мнению, секрет успеха Джозефа Кеннеди, почему его не постигла судьба подавляющего большинства аутсайдеров-одиночек, обычно кончающих крахом; как удалось ему сколотить крупный капитал при помощи биржевой игры? Как будто сговорившись, все отвечали одно и то же: «У него необычайный нюх игрока, чертовская интуиция». В качестве примера приводился такой: незадолго до знаменитого биржевого краха 1929 года Джозеф Кеннеди внезапно для своих коллег принял решение прекратить свою биржевую деятельность, выгодно продал все принадлежащие ему ценные бумаги и переключился на другую область.

Согласно другой версии, которую я слыхал, Кеннеди расстался с биржей не до катастрофы 1929 года, а после нее. Что же касается «великой» паники, то он от нее не пострадал, а, наоборот, заработал, и притом неплохо. Почуяв, куда дует ветер, он, в отличие от большинства своих сподвижников, стал заблаговременно продавать принадлежавшие ему облигации и даже ценные бумаги, и когда разразилась паника, пустившая ко дну не только десятки тысяч утлых лодочек, но и биржевых великанов, Джозеф Кеннеди положил себе в карман ни много ни мало — 15 миллионов долларов. При всей разнице обеих версий сходно в них признание особой интуиции биржевика.

Новая область, в которой стал разворачивать свою актив-

ность разбогатевший на биржевой игре делец, оказалась тоже весьма перспективной и прибыльной. Операции с недвижимостью и жилищное строительство.

Каковы капиталы семейства Кеннеди в настоящее время?

В списке крупнейших состояний Америки, приобретенных в последние десятилетия, фамилия Кеннеди стоит на четвертом месте и оценивается в пределах от 500 до 650 миллионов долларов.

МИЛЛИОНЫ И ПОЛИТИКА

У Джозефа Кеннеди был свой метод воспитания детей. Важное место в нем уделялось спорту. Бесконечные спортивные игры, атлетика. Отец нанимал лучших тренеров, которые обязаны были следить за спортивной формой своих питомцев. При этом развивались не столько навыки — он не собирался готовить своих детей к карьере профессиональных спортсменов,— сколько то, что он сам называл бойцовскими качествами. Роберт Кеннеди вспоминал как-то, что одна из любимых воспитательных проповедей его отца была сентенция, звучавшая так: «Мне совершенно безразлично, кем ты будешь в жизни. Главное, чтобы ты был первым. Быть вторым — плохо. Самое главное — победить, не прийти вторым или третьим, а победить, победить, победить!» Люди, близкие в те дни к семейству, рассказывают, что всяческое разжигание такого соперничества между сыновьями было едва ли не главным методом воспитания Джозефа Кеннеди.

Исследователь семейных хроник клана Кеннеди — Мэри Макгрори говорит об этом так: «Маленький Джон Кеннеди, как и всякий другой член семьи, был вечно подстрекаем отцом на соревнование во всех областях жизни. Дети соперничали со всеми посетителями отцовского дома, поощряя соперничество и в своей собственной среде с тем, чтобы поддерживать в себе боевой дух. Ежедневно и по каждому поводу отец требовал от детей противоборства, поощряя победителя, не щадя самолюбия побежденного. Дети росли в весьма необычной обстановке: воинственно настроенный отец, стремившийся держать их все время в состоянии боевой готовности, и в достаточной мере уравновешенная мать, способная уберечь от всевозможных потрясений, культивировавшая преданность друг другу».

Рассказы о том, как воспитывались дети в кеннедиевском семействе,— не детали из идиллического фамильного альбома. Как-то невольно приходит на ум сравнение с волчьим выводком, в котором старый и матерый зверь готовит волчат к жизни, законом которой является право сильного. Волчья стая действует дружно, огрызается, нападает сплоченно, плечом к плечу, беспрекословно повинуясь вожаку. Природный инстинкт, условия жизни в дремучем лесу среди хищников подсказывают, что это самый надежный путь для того, чтобы выжить, быть сытым и возвыситься над себе подобными.

Я не случайно остановился на том, как Джозеф Кеннеди воспитывал своих сыновей. Это имело прямое отношение к теме нашей беседы с Робертом Кеннеди во время встречи, о которой уже шла речь. В разговоре он категорически отрицал, что его братья и он имеют какое-либо отношение к семейному бизнесу. Было видно, что его тревожит этот вопрос, и он настойчиво к нему возвращался, стараясь быть доказательным и убедительным.

— Ни покойный президент, ни мы с Эдвардом,— медленно говорил он своим глуховатым голосом, внимательно глядя на нас и словно бы проверяя, правильно ли мы понимаем его

•ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ•

убийцы в белых балахонах



Глубокой ночью машина с четырьмя мужчинами в масках на бешеной скорости обогнала автомобиль, за рулем которого сидела немолодая женщина. Раздались пулеметные очереди, и изрешеченная пулями машина с мертвой женщиной за рулем, кувыркаясь, полетела в кювет. Четверо вооруженных до зубов дюжих молодчиков, отважно вступивших в бой на ночной алабамской дороге с одинокой женщиной, были за свой героизм восторженно встречены бандой, которая поручила им осуществление этой расправы. Имя убитой Вайола Луиззо.

изысканно гарвардскую речь,— не имели и не имеем никакого отношения к деловым операциям нашего отца. Он никогда не предназначал нас для деловой карьеры, не посвящал в свои операции.

— А кто же сейчас руководит вашим огромным семейным бизнесом? Ведь полумиллиардный капитал — дело нешуточное, требующее внимания, руководства?

— Наш отец. Он полный хозяин.

— Но ему уже скоро восемьдесят. И мы слышали, что в последнее время, особенно после гибели вашего брата, он очень много болеет.

— Он опытный человек.

— Простите, сенатор, но мне приходилось читать, что несколько лет назад большую роль в управлении делами вашей семьи, и в частности в принадлежащем ей крупнейшем торговом центре Чикаго, играл Серджент Шрайвер, муж вашей сестры Юнис.

— Это правильно. Но с тех пор как Джон пригласил Серджента в свое правительство, он действует на поприще политики.

Затем, почувствовав, быть может, по возникшей паузе не-

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·

Она мать пятерых детей. Известны и имена ее убийц и мотивы преступления. Вайола Луиззо стала жертвой ку-клукс-клана. Расправились с ней за то, что эта честная женщина — мать семейства — осмелилась выступить в защиту негров. У куклуксклановцев на это один ответ — пуля убийцы, веревка палача.

Казалось бы, за минувшее столетие мир изменился неузнаваемым образом. Но не для ку-клукс-клана. Вылезши из автомобиля самой последней марки, сняв современный пиджачок с разрезами, скинув галстук и штиблеты, сегодняшний джентльмен из Алабамы или Джорджии, с берегов Миссисипи или Патомака считает себя освободившимся от всех уз и условностей современной цивилизации, от таких устаревших и ненужных ему понятий, как мораль, законность, уважение к человеческой личности.

которую неудовлетворенность собеседников, сенатор несколько приоткрывает завесу:

— Сейчас отцу помогает муж другой нашей сестры — Стивен Смит. Он бизнесмен.

У меня нет оснований усомниться в правдивости того, на что напирал Р. Кеннеди в разговоре с нами. Насколько известно, действительно ни Джон Кеннеди, ни его братья прямого участия в деловых операциях отца не принимали и не принимают. И тем не менее, несмотря на внешнюю весомость аргументов, Роберт Кеннеди не убедил нас тогда в том, что бизнес, деловые интересы не имеют никакого отношения к политической деятельности братьев Кеннеди.

Наивно было бы воспринимать связь между такими интересами и этой деятельностью, как нечто прямолинейное и непосредственное. В реальной жизни все обстоит значительно сложнее. Политика не геометрия. Аксиома насчет прямой, которая обязательно кратчайшее расстояние между двумя точками, бесспорная с точки зрения математической, в политике, увы, более чем спорна.

Ну, прежде всего, как бы ни открещивался Роберт Кеннеди от причастности к папашиным сотням миллионов, ему не уйти от того, что и он, и его братья всю свою жизнь провели, как сыновья миллионера. Они учились в аристократических колледжах, у самых лучших учителей. По окончании частных — заметьте, частных школ и колледжей! — родители отдали их в Гарвардский университет — самый аристократический в Америке, предназначенный для публики избранной.

Помилуйте, могут сказать защитники американского образа жизни, никаких ограничительных цензов в правилах приема в Гарвардский университет не имеется. Почему же для избранных? Бостонская газета «Глоб» писала как-то, что минимальная сумма, в которую обходится ежегодное пребывание студента в Гарвардском университете его семье, составляет 3280 долларов. Это минимальная. А можно и больше, если платить за лучшую комнату, за бассейн, питаться не в столовой и т. д. Вот вам и цена. Ведь 3280 долларов — это сумма, чуть меньше того прожиточного минимума, который, по подсчетам американских экономистов, необходим средней семье из четырех человек, для того чтобы просуществовать в течение года. Спрашивается, может ли эта самая «средняя семья» выложить такие деньги на обучение своего отпрыска в Гарвардском университете?

Сызмальства сыновья и дочери Джозефа Кеннеди-старшего приучались к мысли, что они не такие, как все, что они избранные. Это не обязательно шло при помощи назиданий и поучений. Просто они жили в роскошных домах, уезжали на лето на фешенебельные курорты, путешествовали на шикарных яхтах, одевались у самых модных портных, обедали в наилучших ресторанах, лечились у врачей, разовые гонорары которых превосходят месячный заработок рабочего. К их услугам было все самое дорогое, самое изысканное.

Они заводили друзей и соратников, выходили замуж и женились внутри узкого круга, куда вход посторонним заказан. Круг, в котором отпрыски кеннедиевского семейства, как принято это говорить, вращались,— это вполне определенный круг. Колледж и университет, родительский дом и места, где они развлекались, отдыхали, сделали их людьми этого самого вполне определенного и в достаточной степени узкого круга. И если они в силу необходимости, по соображениям политики, которая стала их профессией, выходили и выходят из этого круга, то делают они это по расчету, в силу необходимости.

Мне довелось не так давно видеть, как губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер в целях паблисити — рекламы — пожимал руки покупателям одного из больших нью-йоркских магазинов. Миллиардер был в мятых дешевых брюках, такой же рубашке и соломенной шляпе. Ну и что? Миллиардер от этого маскарада не перестал быть миллиардером, а дистанция между ним и домашними хозяйками, удостоившимися прикосновения его длани, ничуть не сократилась.

Психология и привычки, предрассудки и фетиши, нравы и мифы своего класса, своего круга с самых ранних лет вошли в плоть и кровь второго поколения Кеннеди. Это их жизнь, их натура, они сами. И разве может измениться что-либо от того, что обосновались они не в деловых конторах, а выступали с политической трибуны или заседают в сенате!

Но не только воспитание и окружение определяет позицию каждого из Кеннеди в современном американском обществе. Пусть они не принимают непосредственного участия в деловых операциях. Но каждому из наследников Джозефа Кеннеди доподлинно известно, какое количество миллионов долларов является его собственностью уже сейчас и на какую долю наследства он сможет претендовать в будущем.

...29 мая 1962 года Джону Кеннеди исполнилось 45 лет. В день тезоименитства положено дарить подарки, и папаша

Кеннеди не собирался нарушать традиции. Его скромный подарок сыну-президенту не был ни романтичным, ни символичным. Он преподнес ему вполне реальный, абсолютно прозаичный и очень весомый пакет акций различных семейных фирм, стоимостью в пять миллионов долларов.

Еще в те дни, когда папаша Кеннеди вел азартную и рискованную игру на бирже, он отделил неприкосновенную часть своего капитала — 9 миллионов долларов — и, вложив ее в государственные ценные бумаги, спрятал в банковский сейф на имя своих детей — по миллиону на каждого.

Злые языки говорят, что старым Кеннеди руководила свойственная роду Кеннеди трезвая осторожность. Он стремился оградить себя от весьма обычного для биржевых игроков разорения, отложив кое-что про черный день: деньги, положенные на имя детей, даже в случае банкротства судом изъяты не будут.

Количество денег, составляющих капитал каждого из членов семейства Кеннеди в отдельности, сохраняется в секрете. Но два обстоятельства сомнению не подлежат. Во-первых, все они миллионеры, и, во-вторых, значительная часть их средств вложена в акции многочисленных доходных корпораций и банков, давая ежегодно сотни тысяч долларов дохода и в то же время связывая их тысячами незримых, но вполне прочных нитей выгоды.

Спрашивается, могут ли Кеннеди-политики действовать таким образом, чтобы нанести ущерб кеннедиевскому бизнесу, интересам этих корпораций и банков и, следовательно, своим собственным финансовым интересам!

Если старших сыновей Джозеф предназначал для политической деятельности, то с младшим и особенно любимым у старика были связаны тайные планы. Девятый из его детей, родившийся в феврале 1932 года, готовился отцом к тому, чтобы руководить всем громадным семейным бизнесом.

Однако замыслу этому не суждено было осуществиться. То ли сказалось обычное в больших семьях преклонение самого младшего из братьев перед старшими, то ли в результате каких-то других причин, но младший из них выказал наибольшую страсть и рвение к политической деятельности.

Еще будучи восьми лет от роду, он удивил всех, потребовав на школьном собрании слова, и произнес довольно внятную речь в пользу избрания, в ходе проходившей в те дни избирательной кампании, президента Рузвельта на новый срок. По-

началу к этому случаю отнеслись в доме его родителей ласково-снисходительно, как к шалости незаурядного и своенравного ребенка.

Однако шли годы, и становилось все более ясно, что речь идет не о капризе, а об очевидном пристрастии, которое грозило разрушить долго вынашиваемые планы отца семейства. Он пытался настаивать на своем, но после нескольких лет бесплодных попыток втянуть Эдварда в сферу семейного бизнеса вынужден был примириться с таким оборотом дел.

Здесь, пожалуй, имеет смысл несколько подробнее рассказать о младшем из братьев хотя бы потому, что после гибели Джона и Роберта Кеннеди в Америке все чаще говорят об Эдварде Кеннеди как о весьма перспективном политике.

Когда мне довелось встречаться с младшим из братьев Кеннеди, он показал знаменательный сувенир — серебряный портсигар, подаренный ему старшим братом вскоре после того, как тот стал президентом. На внутренней стороне крышки портсигара выгравирована надпись: «Эдвард Мур Кеннеди.— И последние станут первыми».

Вряд ли нужно особенно растолковывать, какой смысл вложил в эту библейскую строчку старший брат, делая подарок младшему, последнему из рода Кеннеди. Это отнюдь не случайная обмолвка и, пожалуй, даже не шутка. Известно высказывание президента Кеннеди, сделанное им как-то в разговоре с друзьями.

«Если со мной что-нибудь случится,— сказал тогда президент,— мое место займет Роберт. А если что-либо случится с Робертом, нас заменит Эдвард».

В свете этого можно понять, почему президент Кеннеди пошел на действия, граничившие с политическим скандалом. Своего брата Роберта, ничем в то время себя не проявившего, став президентом, он назначил на один из самых важных постов в своем правительстве — пост генерального прокурора страны и министра юстиции. А самого младшего, едва достигшего 30-летнего возраста Эдварда, продвинул в сенат Соединенных Штатов, сделав его самым молодым в истории этого учреждения сенатором.

О том, как отнеслась в то время буржуазная печать Америки к выдвижению кандидатуры Эдварда Кеннеди в сенат, можно судить по следующим строкам, написанным ведущим политическим обозревателем Америки Рестоном в газете

«Нью-Йорк таймс»: «Претензии Эдварда на место в сенате в возрасте 30 лет, при активном потворстве со стороны президента, считаются публичным оскорблением общественности и самонадеянностью, которая может дорого обойтись престижу президента».

Несмотря на столь недвусмысленные предупреждения, семейство Кеннеди настояло на своем, и младший из братьев в 1962 году уселся в сенаторское кресло. «И последние станут первыми»...

Но если в те дни избрание Эдварда в сенат рассматривалось как политический вызов, то летом 1968 года, после убийства Роберта Кеннеди в Лос-Анджелесе, взоры многих в Америке обратились к младшему брату, как к естественному преемнику и продолжателю дела своих старших братьев.

Мне довелось присутствовать в те дни в Чикаго на съезде демократической партии Соединенных Штатов и своими глазами наблюдать, как активно действовала группа влиятельных политиков и партийных заправил, стремившихся добиться от Эдварда Кеннеди согласия на выдвижение его кандидатуры на высший государственный пост в стране. Тогда сложилось впечатление, что деятели эти заботились не о том, чтобы вернуть демократическую партию к политике президента Кеннеди, хотя и не всегда последовательно, но все-таки стремившегося к определенной разрядке международной обстановки и улучшению отношений с Советским Союзом, а руководствовались соображениями иного порядка. Чувствуя, что над демократической партией, заведшей страну во вьетнамский тупик, нависла реальная угроза поражения, политиканы стремились использовать в своих интересах авторитет имени Кеннеди и мученические ореолы старших братьев.

Эдвард Кеннеди отверг в те дни эти домогательства, отказавшись согласиться с выдвижением его кандидатуры. Я спрашивал о причинах такого решения у него самого, у многих людей из его окружения. И хотя прямых ответов на эти вопросы не получил, у меня сложилось впечатление, что шаг этот был продиктован не политическим смирением, а трезвыми соображениями. Недовольство политикой правительства демократической партии во главе с президентом Джонсоном было настолько велико, что Эдвард Кеннеди и те, кто стоит за его спиной, сочли момент невыгодным для того, чтобы вступить на авансцену,— слишком велик был риск поражения. Решено было дождаться лучших времен.

Правда, очень многие в Америке тогда иначе расценили отказ младшего Кеннеди баллотироваться на президентский пост. Говорили о его страхе подвергнуться судьбе старших братьев, о нежелании семьи рисковать последним из своих сыновей. Близкий к семье католический архиепископ Филипп Ханнан, отслуживший во время похорон Роберта панихиду на его могиле, сказал на следующий день: «Вполне естественно стремление семьи Кеннеди и ее ближайших друзей убедить его отказаться от карьеры, ставшей роковой для двух его старших братьев».

Однако и семья и сам Эдвард судили иначе. Через несколько дней после похорон Роберта мать семейства Роза Кеннеди беседовала с журналистами. В черном траурном платье и в черной шали, она говорила тихим, но твердым голосом: «Мы,— сказала она,— продолжаем наш путь без сожалений о прошлом, не оглядываясь назад. У нас есть мужество для будущего, и мы продолжаем борьбу за принципы, за которые боролись Джон и Роберт».

Сам Эдвард после некоторого периода молчания сказал, что не собирается покидать политическую арену: «Это противоречило бы традициям нашей семьи,— заявил он. И добавил: — Кеннеди намерены продолжать участие в политической жизни страны. Удача — это то, что вы делаете, победа — это то, что вы преодолеваете».

Мне вспомнился тогда случай, поведанный как-то младшим Кеннеди, так же, как и вся семья, считающим одним из важных достоинств упорство. В ответ на вопрос, есть ли смысл продолжать ему борьбу за Белый дом, стоившую семье таких тяжелых жертв, он, на минуту потемнев лицом и задумавшись, рассказал такую историю:

— Как вы знаете, мой отец, когда началась вторая мировая война, был послом Соединенных Штатов Америки в Лондоне. В один из самых тяжелых для Англии дней, когда положение англичан было отчаянным, армия их была разгромлена в Дюнкерке и со дня на день ожидалось вторжение немецких дивизий на Британские острова, мой отец встретился с Черчиллем и спросил его: на что рассчитывает Англия, продолжая сопротивление?

В ответ на это Черчилль — а это был политик, обладавший и достоинствами и недостатками, но главным его достоинством, на мой взгляд, было невероятное упорство,— рассказал моему отцу притчу о двух лягушках.

Две лягушки, прыгая около дома, случайно запрыгнули в бидон с молоком. Выбраться обратно они никак не могли — стенки были высокими и гладкими, опереться было не на что. Убедившись в безвыходности положения, одна из лягушек заплакала, простилась с подружкой, сложила лапки и пошла на дно. Другая же лягушка не пожелала примириться со своей судьбой. Казалось бы, не имея никаких шансов на спасение, она продолжала барахтаться в молоке, ударяя всеми четырьмя лапками, поднимая молочные брызги и ни за что не желая идти на дно. Так барахталась она всю ночь. А утром, когда взошло солнце, лягушка обнаружила, что она находится не в молоке, а сидит на сбитом ею за ночь твердом куске масла. Оперевшись на это масло, она подпрыгнула и оказалась на воле.

Я на всю жизнь запомнил эту притчу. Самое последнее дело,— заключил сенатор,— складывать лапки. Мы, Кеннеди, никогда этого не делаем. Мы будем барахтаться до последнего.

Что он за человек, каковы его качества как политика, представляет ли он собой самостоятельную политическую фигуру или являет тип заурядного деятеля, обретающегося в тени своего громкого имени? На сей счет существуют разные точки зрения. Имеются высказывания, объявляющие его политической посредственностью. Есть мнения и совсем иного рода.

Так, старый Кеннеди некоторое время назад в беседе с друзьями высказался в том смысле, что по своим политическим способностям его младший сын превосходит своих старших братьев. «Тедди,— заявил старик,— лучший в нашей семье политик». Один из американских сенаторов, много лет проведший в Капитолии, сидевший на многих заседаниях рядом с Джоном и Робертом, характеризуя Эдварда, пишет так:

«Он производит впечатление большее, нежели двое старших. Джон был привлекательным и приятным, но он был также педантичным и отчужденным. Роберт мог внушать сильную симпатию, но был лишен человеческого обаяния и тепла и стяжал себе репутацию жестокого. Легко сходящегося с людьми, общительного Эдварда никогда не называли ни педантичным, ни жестоким. Его почитатели утверждают, что он соединяет в себе лучшие качества умерших братьев и обладает еще большими способностями».

Если говорить о личном впечатлении, то должен сказать,

что сенатор Эдвард Кеннеди показался человеком образованным, хорошо разбирающимся в сложных проблемах, неплохо информированным, обладающим быстрой, почти мгновенной реакцией, умеющим расположить к себе собеседника.

Многие отмечают внешнее сходство между покойным президентом и его младшим братом.

Мне доводилось видеть всех троих братьев рядом. В глаза бросалось очень малое сходство между Эдвардом и Робертом и действительно большое сходство между младшим и старшим братьями. Только волосы у Эдварда темнее. Высокого роста, атлетического сложения, с крупной головой, массивным волевым подбородком ирландского полицейского или боксера-тяжеловеса и контрастирующее с этим какое-то даже немного детское выражение лица. Он нередко пользуется этим выражением, стремясь расположить к себе общество, в котором он любит бывать, стремясь играть роль заводилы и весельчака.

Его пение особенно ценится в вашингтонских гостиных. В самом деле, никто не мог бы представить себе Джона Кеннеди, запросто появившегося в обществе и потешающего собравшихся веселыми историями, или Роберта, играющего на каком-нибудь рауте на банджо и распевающего ирландские баллады. Между тем Эдвард делает и то и другое с большим успехом, завоевав себе в политических салонах Вашингтона репутацию «души общества». Вместе с тем его считают в последнее время одним из лучших ораторов Вашингтона. Своим внешним обликом и манерой выступления он очень напоминает покойного президента, небезуспешно используя фамильное сходство, манеру говорить и кеннедиевское остроумное злоязычие.

Но мнение и впечатление — это только мнение и впечатление, не более того. А есть ли реальные факты, которые дают возможность судить о том, что представляет собой младший из братьев Кеннеди, нынешний глава этого семейства и его последняя надежда? Немного, но есть.

Я уже упоминал о таинственной авиационной катастрофе, жертвой которой стал Эдвард Кеннеди вскоре после убийства его старшего брата в Далласе. Когда его доставили, вынув из-под обломков самолета, в госпиталь, он находился между жизнью и смертью. Главный хирург госпиталя Томас Корриден записал в истории болезни:

«Состояние сенатора Кеннеди угрожающе. Пульс неровный, кровяное давление почти отсутствует. Раненый находится

в состоянии глубокого шока. Зафиксирован перелом позвоночника и двух ребер. Серьезное повреждение легкого. Сделано многократное переливание крови. Приступаю к сложной хирургической операции».

Как видим, дело обстояло серьезно. А между тем катастрофа произошла в разгар предвыборной кампании, когда Кеннеди боролся за свое переизбрание в сенат. И Кеннеди решил не отступать. Находясь в гипсе, из палаты госпиталя он через день выступал по телевидению с предвыборными речами, призывая избирателей штата Массачузетс голосовать только за него как за лучшего кандидата. «За каждый голос я буду отчаянно бороться, даже лежа пластом». Выборы он тогда выиграл.

Сила характера? Безусловно. Но еще в большей степени неуемное честолюбие. Сенат—ступень к власти, к могуществу.

Гибель второго брата была тяжелым ударом для сенатора. Но уже через несколько дней после трагедии он снова в гуще политической борьбы, собирает вокруг себя сторонников покойного брата, незамедлительно начав подготовку к предвыборным баталиям 1972 года. Это в немалой степени дает нам представление о характере и хватке этого носителя имени Кеннеди.

О его трезвой расчетливости говорит и то искусное маневрирование, которое он осуществил в ходе избирательной кампании 1968 года. Конечно же, велик был соблазн кинуться в предвыборную схватку очертя голову. Ведь призом был не больше, не меньше, как Белый дом. И тем не менее верх взяли не эмоции, а расчет. Дело было неверное, опасность провала немалая, и потому от соблазнительного миража предпочтительнее было отказаться, взявшись за планомерную подготовку будущих политических битв.

Нет, не так прост Эдвард Кеннеди, распевающий песенки на светских раутах. Летом 1969 года не без его вины погибла молодая женщина, ехавшая с ним в машине. Кое-кто поспешил заявить, что вызванный этим скандал кладет конец его карьере. Думается, что это слишком преждевременный вывод, скорее всего — безосновательный: Эдвард Кеннеди — человек сильного характера, немалых способностей и еще больших амбиций и претензий.

Что же касается семейных миллионов, то вовсе не обязательно проводить весь день на бирже или в конторе, для того чтобы быть связанными этими интересами — своими собствен-

ными, своей семьи, своего окружения, своего класса. Да, братья Кеннеди не бывали на бирже, разве что в качестве экскурсантов. Но что от этого меняется? Вся деятельность политиков Кеннеди — во имя бизнеса, в защиту бизнеса, во исполнение целей бизнеса крупнейших американских монополий.

И в старинных родах европейской земельной аристократии издавна существовало разделение, когда старший в роду наследовал поместья как лендлорд, другой становился воином, а третий принимал духовный сан. Но и в стальных латах под рыцарским шлемом, в кардинальской мантии и красной шапке они были представителями одного и того же класса, служили одному и тому же делу.

И президент Кеннеди, и министр Кеннеди, и сенатор Кеннеди прежде всего сыновья миллиардера Кеннеди, его наследники, люди, всей своей жизнью, нитями, образом мыслей связанные и действующие в интересах американского большого бизнеса.



ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОДИН ИЗ ВЛАДЫК

КОЛОДА КАРТ И МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ

А сейчас оставим на время семейство Кеннеди. Мы вернемся к нему, к тугому узлу интриг и заговоров, к борьбе глухой, скрытой, но от этого не менее ожесточенной.

Теперь же я хочу рассказать читателям о субъекте, которого называют «самым страшным человеком в Америке», тем более что субъект этот имеет, судя по всему, немалое отношение к паутине, сплетенной вокруг семейства Кеннеди. Его зовут Гарольдсон Лафайетт Хант. Живет он в крупнейшем городе Техаса Далласе.

Он считается одним из самых богатых американцев: его личное состояние колеблется где-то между миллиардом и полутора миллиардами долларов.

История возникновения этого огромного богатства могла бы дать материал не для одной, а для целой серии авантюрно-детективных книжек. Многие сюжеты бурной биографии Гарольда Ханта настолько отдают уголовщиной и гангстеризмом, что может показаться невероятным факт их полной достоверности.

Я хочу рассказать о жизни и вознесении на вершину богатства и могущества Гарольда Ханта поподробнее, потому что

он являет собой типичный и законченный облик американского миллиардера. Рассказ этот — не преувеличение. Рассказ о Ханте основан на скрупулезном изложении фактов и только фактов.

Итак, Гарольдсон Лафайетт Хант родился в 1889 году в семье фермера, в штате Иллинойс, недалеко от городка с многозначительным и красноречивым названием Вандалия.

Покинув отчий дом, Хант кочевал из штата в штат. Его видели в притонах Калифорнии и там, где совершали свои сделки мелкие спекулянты Северной и Южной Дакоты, владельцы игорных домов Аризоны и темные дельцы Канады. Был случай, когда молодой Хант вдруг вынырнул в качестве хозяина хлопковой фирмы, но быстро разорился и в 1921 году, будучи объявлен банкротом, вновь принялся гоняться за фортуной.

О начале хантовского бизнеса в Америке говорят по-разному.

Пожалуй, наиболее достоверным выглядит утверждение много знающего и хорошо информированного журнала «Тайм» о том, что «начало богатства Ханта положено за игорным столом».

В поисках сведений о начале хантовского бизнеса я разговаривал в Америке со многими людьми, в том числе хорошо и много лет знающими самого Ханта. В той или иной степени, с большими или меньшими оговорками, но большинство из них подтверждают именно эту версию начала его карьеры. В течение нескольких лет Хант добывал свой хлеб при помощи колоды карт. Он был известен во многих игорных притонах Юга Америки.

Были выигрыши, были проигрыши. Однажды в игорном доме «Эльдорадо» в Аризоне его партнер по покеру, спустив все, что при нем было, поставил на кон и проиграл последнее свое достояние — нефтяную скважину. Так было положено начало одной из крупнейших нефтяных компаний современного капиталистического мира.

Пожалуй, есть смысл немного остановить внимание читателя на этой стороне хантовской жизни. Прежде всего потому, что без этого не понять до конца Гарольда Ханта, не уразуметь не только тех или иных фактов его биографии, особенно в начале его деловой карьеры, но прежде всего не понять его самого.

Авантюризм у Ханта в крови. Он — игрок, игрок по нату-

ре, по образу мыслей, по психологическому складу. Игра — неотторжимая часть его биографии. Дело не просто в том, что волею случая он выиграл в карты некую толику денег, а затем, покинув стезю греха, двинулся по пути респектабельного бизнесмена, использовав выигранные деньги лишь в качестве первого толчка.

Игра не случайный эпизод из жизни Гарольда Ханта. Она — сама его жизнь. Красной нитью азарт игрока проходит через все его сознательные дни. Едва научившись первым буквам, один из восьмерых детей фермера из Иллинойса, Хант, по его собственным словам, уже отлично манипулировал колодой карт. Первые в жизни деньги, которые оказались у него в руках, были гроши, которые он выигрывал в карты у старших братьев.

Чтобы не быть заподозренным в стремлении сгустить краски—почти невероятно выглядит то, что одному из крупнейших состояний современной Америки положено начало за игорным столом,— хочу прибегнуть к такому авторитетному в данном случае свидетелю, как... сам Гарольд Хант. Надо сказать, что миллиардер сейчас не очень любит, когда ему напоминают о роли карточной колоды в его судьбе. Бесполезно спрашивать у Ханта об этом в большом обществе, во время каких-нибудь официальных встреч. Но в узком, интимном кругу, расчувствовавшись, нет-нет да и заговаривает старый игрок о величайшей страсти своей жизни. Просто не может он удержать это в себе.

Официально хантовские биографы вовсю стараются представить карточный азарт как мимолетный эпизод либо вовсе его отрицают. Но вот собственный рассказ Ханта о случае, который дал в его руки впервые внушительную пачку долларовых бумажек. Он рассказывал об этом сам, в минуту откровенности, вхожему в его дом американскому журналисту Тому Бакли. Привожу этот рассказ слово в слово.

«Я работал на лесозаготовках в Пекос-Велли в Нью-Мексико,— рассказывает Хант.— Наш лагерь был расположен на железнодорожной ветке, другая ветка милях в двух от нас вела к лагерю, где работали мексиканцы. Вечером я ездил туда играть в кункан. Это очень умная игра. Надо играть испанской колодой в сорок карт без восьмерок, девяток и десяток.

Как-то теплым вечером мы сидели на открытом воздухе, и я сдавал карты на опрокинутую бельевую корзину. Я начал

выигрывать, и выигрывать потрясающе. К нашей группе сбежались все, кто был в лагере. Азарт охватил всех, и каждый вынимал доллары, заработанные в предыдущие месяцы. А мне все шла и шла карта. Мы продолжали играть дотемна, пока все, что было у мексиканцев, не перешло в мой карман.

В тот вечер я выиграл четыре тысячи долларов. Я спрятал деньги поглубже, любезно попрощался с мексиканцами и отправился пешком вдоль железной дороги. Отойдя на расстояние выстрела, я сделал рывок в сторону, кубарем скатился с насыпи и нырнул в лес. Я был убежден, что, если буду продолжать свой путь по шпалам, не исчезнув у проигравших из виду, мне не видеть моего выигрыша. Я побежал, петляя, через лес, сделал большой крюк и под утро вернулся в свой лагерь. У меня хватило ума никому не говорить о случившемся. А днем, также никому ничего не говоря, я сел в поезд и уехал в другое место. Мои деньги остались при мне».

Это эпизод из ранней деятельности Ханта. А вот более поздний. Долговязый детина уже не бродяга, а отец семейства и начинающий делец, подвизающийся на ниве спекуляции нефтеносными участками. Но изменились лишь внешние обстоятельства. Хант оставался все тот же. Дабы не быть обвиненным в вольном обращении с фактами, я вновь прибегну к свидетельству самого Ханта:

«В то время я скупал участки недалеко от Лейк Виллидж. Прошло несколько лет после моей свадьбы, и у нас были дети. В один из дней жена попросила меня свезти дочь в Нью-Орлеан — ребенку надо было удалить миндалины. Поехал. Оставив девочку в госпитале, я зашел в клуб, помещавшийся в отеле Грюнвальд. Сейчас этот нью-орлеанский отель называется «Отель Рузвельта». Сам не знаю, зачем я купил на сотню долларов фишек для игры. Решил немного размяться перед обедом. К обеду в моем кармане лежало 700 долларов выигрыша.

Вечером я снова пришел в клуб и сел играть. Я собирался играть экономно. Войдя в зал, где шла игра, обнаружил, что за столами сидят лучшие игроки страны, известные мастера покера. Но у меня было преимущество, я их знал (их знали во всех игорных домах Америки), а они меня нет.

Все, что им было известно обо мне,— это то, что я плантатор из дельты Миссисипи, а плантаторы, эти провинциальные, наивные парни, не были для них опасными соперниками.

Из клуба в тот вечер я ушел за полночь. В кармане у меня было десять с половиной тысяч долларов. Именно в тот вечер мне стало ясно, что я лучший в мире игрок в покер. Самые искусные игроки Америки были в клубе. Три раза я полностью контролировал игру. Те люди все знали о мошенничестве. Проиграв мне, они стали распространять слухи, что Хант плутует как-то по-новому. Но я был просто лучше большинства игроков, и я полагался на свое выдающееся умение...

Когда я играю в покер,— говорит Хант,— я опираюсь на свою фотографическую память. Я могу минуту посмотреть на карты, а потом без единой ошибки назвать их расположение в колоде. В покере надо помнить карты, которыми играют, это элементарно. Но важно еще вот что. Большинство игроков небрежно тасуют, и карты обычно остаются в том порядке, в каком были».

Возможно, потом Хант пожалел о своей минутной откровенности, ибо приведенный выше рассказ, попавший в печать, обесценивает десятки страниц писаний его официальных биографов, утверждающих, что версия о Ханте-игроке выдумана его врагами для того, чтобы унизить «Великого предпринимателя».

Вышеприведенный рассказ все расставляет по местам. Воротила самолично смакует подробности, делится опытом. Он даже готов теоретизировать. И нет оснований, думается, в данном случае подвергать сомнению его слова.

Хант не любит, когда ему напоминают историю его первой нефтяной скважины. Он даже пытается ее отрицать. Но он не в состоянии опровергнуть нашумевшую историю с Дэйзи Брэдфорд. Этим женским именем мелкий старатель — некто Джайнер, по кличке «Папуля»,— назвал самый крупный в истории нефтяного дела фонтан в пустынных прериях Восточного Техаса. Вне себя от радости кустарь-одиночка, в один день ставший богачом, скупил все прилегающие земли — всего 4 тысячи акров. Вот, казалось, та самая удача, о которой грезили десятки тысяч ловцов случая, бросившихся в те годы на земли, оказавшиеся нефтеносными.

Однако вскоре Джайнер внезапно умер (?!), а его наследники опять же неожиданно обнаружили, что по всем документам, оставшимся после его смерти, собственником этого богатейшего месторождения является не кто иной, как Хант (?!!). Каким образом месторождение, открытое старателем, попало в Хантовы руки, не известно и по сей день.

Сам Хант объясняет дело просто: он, дескать, заплатил Джайнеру миллион долларов и приобрел месторождение. Однако это объяснение из разряда тех, которые только громоздят неясности и недоумения. Во-первых, непонятно, откуда в ту пору мелкая сошка Хант мог достать миллион долларов. Во-вторых, с какой стати Джайнер стал бы продавать за миллион то, что стоило значительно больше. И наконец, в-третьих, коль скоро этот миллион все-таки существовал, то куда он делся: Джайнер умер в полной нищете, не оставив наследникам ни цента.

Что ни говорите, а без крапленых карт здесь явно не обошлось.

Есть в словаре американских нефтепромышленников термин «уайлдкэт» — «дикая кошка». Так называют нефтяные скважины, которые бурятся, что называется, на глазок, безо всякой геологической разведки. Просто человек собирает некую толику долларов, покупает на них самое примитивное, чаще всего подержанное, буровое оборудование, приезжает в никем не занятый район и начинает бурить — авось повезет.

Такая скважина и есть «дикая кошка». Владельцы их зовутся «уайлдкэтеры».

Время от времени в Америке появляются тысячи «уайлдкэтеров». Это происходит тогда, когда в каких-нибудь, обычно малонаселенных, районах либо обнаруживают нефть, либо ползут слухи, что ее можно найти. Крупные компании не препятствуют такого рода «самодеятельности». Ведь геологическая разведка и пробное бурение стоят денег. Не лучше ли предоставить дело «частной инициативе». Все равно в случае, если нефть будет найдена, она попадет в руки крупных компаний.

До сих пор в Америке вспоминают «черную лихорадку» начала 30-х годов. В Восточном Техасе были обнаружены признаки большой нефти. Десятки тысяч людей сорвались с места. По своим масштабам и трагизму, техасская «черная лихорадка» под стать знаменитой клондайкской «золотой лихорадке».

Вспомните страшный рассказ Джека Лондона «В далеком краю», запечатлевший трагедию людей, теряющих человеческий облик в погоне за золотыми крупинками: «Из-за отсутствия свежих овощей, а также неподвижного образа жизни у них началось худосочие и по телу пошла отвратительная баг-

ровая сыпь. Но они упорно не хотели замечать опасности. Затем появились отеки, суставы стали пухнуть, кожа почернела, а рот, десны и зубы приобрели цвет густых сливок. Однако общая беда не сблизила их,—напротив, каждый с тайным злорадством следил за появлением зловещих симптомов цинги у другого.

Вскоре они совсем перестали следить за собой и забыли самые элементарные приличия. Хижина превратилась в настоящий свиной хлев; они не убирали постелей, не меняли хвойных подстилок и охотнее всего вовсе не вылезали бы из-под своих одеял, но это было невозможно: холод стоял невыносимый и печка требовала много топлива. Волосы у них свисали длинными спутанными прядями, лица заросли густой бородой, а одеждой погнушался бы даже старьевщик. Но их это не трогало».

Суровые прерии Восточного Техаса в годы «черной лихорадки» видели картины и похлеще. Не холод и цинга, так другие напасти косили искателей богатств. А главное, что в сумасшедшей погоне за ускользающим миражем миллионов люди зверели, теряли все человеческое.

Хант сказал как-то:

— Поиски нефти—рискованная игра. Вероятно, только одна из тридцати пробуренных скважин окажется продуктивной. И только одному нефтянику из тридцати повезет. Остальные останутся без штанов.

Бухгалтерия Ханта о соотношении удачников и неудачников явно приукрашена. Что же касается штанов, то если бы дело было только в штанах!

РЕЦЕПТЫ ГАРОЛЬДА ХАНТА

Возрасту, в котором находятся читатели этой книги, издавна присущ некий скептицизм. Вообще-то это неплохо, если в меру, конечно, если не подвергать сомнению вещи бесспорные только для кокетничания этим скепсисом, лишь бы продемонстрировать независимость своего мышления. Сомнения по части того, равняется ли дважды два четырем,— занятие пустопорожнее, то, что английская пословица именует «monkey

business» — «мартышкина работа». Доказывать заново давно уже доказанное или, наоборот, опровергать столь же давно опровергнутое — штука куда как бесполезная.

Вместе с тем и без здорового скептицизма тоже не обойтись. Уверовать в незыблемость уже познанного—значит остановиться в развитии. Ньютон подверг сомнению некоторые законы, выведенные до него,— результатом были великие открытия. Эйнштейн пересмотрел кое-что из того, что после Ньютона почиталось незыблемым,—результаты были не менее величественными. Так что скептицизм бывает разный: скептицизм, так сказать, работающий на холостом ходу, и скептицизм, который я бы назвал творческим, истоком которого является беспокойный поиск, стремление к совершенству.

К чему автор заговорил здесь о скептицизме?

Да потому, что я предвижу вопросы некоторых из читателей, в данном случае из разряда скепсиса бесплодного. Дескать, снова автор толкует нам о случайностях: Меллон обогатился, случайно набредя на металл будущего — алюминий; Рокфеллер, опять же случайно, наткнулся на нефть; Хант — и снова счастливый случай; сплошные удачники, которых автор выдает за «исключения». Быть может, в Америке действи-

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·

штурмовики семидесятых годов



«Общество Джона Бэрча» — табличку с таким названием можно сейчас увидеть в любом большом и не очень большом американском городе. Водружена она обычно перед входом в солидный особняк, расположенный в респектабельном квартале города. Если говорить коротко, то так называемые бэрчисты — это фашисты сегодняшней Америки. Членами этой шайки, именующей себя «обществом», являются и обладатели очень тугих кошельков — нефтепромышленники и банкиры, сахарозаводчики и владельцы хлопковых плантаций, и генералы

тельно не так уж сложно стать миллиардером, надо только дождаться случая. Так выходит?

Нет, достопочтенные скептики, не выходит, и вовсе не так. Речь действительно идет о случаях исключительных, из ряда вон выходящих, редчайших сочетаниях случайных обстоятельств, оборачивающихся богатством для единиц. Сотни тысяч, миллионы неудачников, погнавшихся за миражем быстрого обогащения, потерпели крушение, а Меллоны, Рокфеллеры, Ханты и еще несколько выкарабкавшихся используются как приманка для всесветных простаков и выдаются за явление чуть ли не типичное. А поскольку книга эта рассказывает не о сотнях тысяч и миллионах американцев, сброшенных брыкающимся почище дикого быка случаем, но о фортелях капризной фортуны, действительно исключительных, то воедино собранные на страницах нашей книжки случаи эти могут дать несколько искаженную перспективу. Оговорка эта рассчитана на вдумчивого читателя, который в состоянии сделать соответствующие поправки, разобраться, где правило, а где исключение.

Десятки тысяч разорившихся, обанкротившихся, впавших в нищету людей, сплошь и рядом не видящих никакого выхо-

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

вооруженных сил США, и мелкие лавочники—перепуганные обыватели, растерянные, сбитые с толку сложностями сегодняшнего мира, трясущиеся над своими богатствами, полагающие, что они в силах остановить и повернуть вспять историю.

Кто такой этот самый Джон Бэрч, почему сегодняшние последователи бесноватого Адольфа Гитлера назвали свою организацию «Обществом Джона Бэрча»?

Я решил выяснить это, что называется, из первых рук. В один из дней поздней осени 1971 года я подъехал к небольшому особняку на богатой окраине американской столицы, где расположилась штаб-квартира вашингтонской организации «Общества Джона Бэрча». Представившись как европейский журналист (но не уточнив по понятным соображениям, какую именно из стран Европы я представляю), я обратился к мордатому детине, восседавшему за столом и назвавшему себя одним из руководителей местного отделения «общества», с просьбой рассказать мне о деятельности его организации. Прежде всего мне была вручена книжонка в голубом переплете, которая так и именуется «Голубая книга». Позже, вечером, перелистав это писание, я убедился, что голубой цвет здесь ни при чем. Все

да, кроме как свести счеты с жизнью,— это не абстракция, это страшная реальность сегодняшней Америки. Только в одном 1970 году, по официальным данным американского правительства, в США было зарегистрировано свыше 194 тысяч банкротств. В последующие годы цифра эта увеличилась еще больше.

Приезжающего в Нью-Йорк обычно ведут на галерею для публики нью-йоркской биржи, расположенной на знаменитой Уолл-стрит. Это явный просчет тех, кто стремится поразить воображение иностранцев видом лихорадочно бьющегося сердца американского бизнеса.

Должен признаться, что трудно придумать зрелище, более унижающее достоинство человека, нежели потная, орущая, мечущаяся по огромному помещению орава биржевиков. На большом световом табло, расположенном где-то под потолком двухъярусного зала, непрерывной чередой бегут цифры биржевых котировок. Ревом отвечает зал на любое их изменение.

Нет, не наигранный страх искажает время от времени лица людей, снующих от телефонов к конторкам, за которыми оформляются сделки. В любой момент многие из них могут оказаться и оказываются нищими.

•ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ•

это подражание печально знаменитой книге Гитлера «Майн кампф» — наполнено человеконенавистнической расистской пропагандой, призывами расправиться со всеми инакомыслящими, уничтожить Советский Союз, страны социализма.

Джон Бэрч — личность почти мифическая. «Почти», потому что все-таки некий Джон Бэрч существовал. Числясь формально американским миссионером в Китае, он в действительности был капитаном американской разведывательной службы в этой стране. Пойманный с поличным, Бэрч был расстрелян как шпион и диверсант в 1945 году. Неизвестно почему, но создатели фашистской организации, которая была учреждена в Америке в 1958 году, решили возвести заурядного шпиона в сан мученика, объявив его «первой жертвой Америки в будущей третьей мировой войне». Так возник американский вариант гитлеровского Хорста Весселя — проходимца и уголовника, которого гитлеровцы так же, как их американские последователи, несколько десятилетий спустя, причислили к лику фашистских святых.

«Общество Джона Бэрча», раскинувшее щупальца по всей Америке, насчитывает в своих рядах около 100 тысяч человек, играющих роль штурмового отряда крайней реакции.

...Окраина одного из самых богатых городов Америки — Далласа. Здесь тихо, много зелени. Цена земли здесь намного выше, чем в центре города. На этой, как оазис в каменной даллаской громадине, зеленой окраине обитают те, кому принадлежит и сам Даллас, и штат Техас, и многое, лежащее за пределами этого штата.

На просторной поляне стоит большой дом, украшенный претенциозным шестиколонным портиком. Щедрая зелень и обширный, выложенный голубой плиткой, а по вечерам красиво подсвечиваемый бассейн за домом предназначен для того, чтобы помогать хозяевам переносить техасский летний зной. Ни внешний облик этого дома, ни распорядок жизни его обитателей не могут навести постороннего наблюдателя на мысль, что именно здесь обосновалась одна из наиболее зловещих фигур современной Америки, обладатель крупнейшего состояния — Гарольд Хант.

Вот он сидит, массивный старик с одутловатым лицом, с пушком редких седых волос и выцветшими глазами. Перед ним, прямо на письменном столе его кабинета, разложена нехитрая снедь: черный хлеб, сыр, изюм, стакан апельсинового сока. Хант настроен философски. Бесконечно самовлюбленный, он убежден в том, что его привычки должны стать нормой для каждого американца. Поэтому эта трапеза имеет рекламно-просветительный характер — она происходит в присутствии представителей печати.

— Белый сахар — это яд номер один,— глубокомысленно изрекает новоявленный пророк.— Белая мука — яд номер два, жиры — яд номер три.

Толстосум безмерно доволен собой. Он поучает присутствующих, уверяет их, что открыл секрет долголетия и процветания и что этот секрет невероятно прост. Он заключается в том, чтобы «избегать употребления в пищу продуктов белого цвета».

Надо думать, что в свете такого сногсшибательного открытия известный профессор Висконсинского университета Роберт Лэпман срочно пересматривает выводы своего многолетнего труда, изложенные им в вышедшем недавно в Америке обширном исследовании. Не ведая о роли белого цвета в пище, профессор Лэпман, очевидно, по наивности своей считает: «Важным моментом в характеристике богатых людей является тот факт, что они живут дольше, чем остальное взрослое население Америки».

Гарольд Хант делает нефть. Нефть сделала Гарольда Ханта. «Хант ойл компани» росла очень быстро. Увеличивалась потребность в нефти. Она нужна миллионам автомобилей, ставших основным видом транспорта, опередившим по своему значению железные дороги и суда. Все больше нефти требуется для авиации и флота, для химии и металлургии. И Хант растет как на дрожжах. Он ухитряется заполучить многие нефтеносные участки. Ему принадлежит несколько сот скважин в тринадцати штатах страны; главные из них в Техасе, Арканзасе, Луизиане.

Но самое удивительное даже не это. Пожалуй, самое удивительное то, что он сумел оградить свои сокровища от жадных лап могущественных конкурентов. Спрятать нефтеносные участки от Рокфеллеров — это в Америке требует изворотливости чрезвычайной, ловкости рук незаурядной. Недавно мне попался знаменитый американский справочник «Who is who» — «Кто есть кто», года издания 1950-го. Это был год, когда состояние техасца, судя по всему, уже перевалило за несколько сот миллионов. И вот справочник, в котором вы можете найти сведения о лицах вовсе малоприметных, в стране, где обладателей тугих кошельков почти что обожествляют, о миллиардере Ханте всего две строчки: «Нефтепромышленник, основатель радио- и телевизионной программы «Форум фактов». И это все. Даже без традиционных года и места рождения.

Что и говорить, глубоко законспирировался Хант, прячась подальше от жадных и длинных рук Рокфеллеров.

Сложный комплекс. Огромное хозяйство. Миллионные обороты. И вполне закономерно возникает вопрос: а как может не очень грамотный, не обладающий специальными познаниями в нефтяном деле, финансах, промышленном производстве предприниматель управляться со всем этим многотрудным хозяйством.

На жалованье у миллиардера команда специалистов. Уже после первых удач на нефтяном поприще, не переоценивая собственных знаний и умения, он стал привлекать к своему бизнесу опытных людей — администраторов и финансистов, инженеров и геологов. В стране, где все покупается и все продается, знания такой же товар, как колбаса или холодильник. Их можно продавать и покупать. Хант покупает.

Во главе огромного хантовского предприятия в настоящее время находится целый штаб специалистов высокой квалифи-

кации. Руководит им пронырливый и опытный Сидней Латам — человек, которого называют «правой рукой Ханта».

В регентский совет, руководимый Латамом, входят сыновья и также мужья дочерей Ханта. Это в основном люди уже другой формации, особенно зятья.

Ныне различные должности в хантовских предприятиях занимают его сыновья — Нельсон Хант, Уильям Хант и самый младший, Ламар Хант. При деле и мужья двух его дочерей. Их Хант выбирал строго и придирчиво. Личные счета и родственные связи, знания в нефтяном деле, финансах и деловая хватка, состояние здоровья и наследственность, образование и круг знакомств, таланты деляг и еще десятки других обстоятельств были тщательно изучены и взвешены раньше, чем каждый из этих претендентов был введен в круг хантовского семейства.

А будучи введенными, они оказались в упряжке. От них требуется полное и безоговорочное подчинение воле главы семейства.

Так, начав свою карьеру за зеленым сукном игорных домов Арканзаса, Хант остался игроком и взгромоздившись волею случая на вершину делового Олимпа.

Хант скуп. Скуп чудовищно. Скуп неправдоподобно. Я обратил внимание на его прическу — он был подстрижен неровно, клоки волос были выхвачены то тут, то там. Как-то я спросил о причине этого одного из его приближенных. Пряча усмешку, тот ответил мне, что его босс не считает возможным разоряться на парикмахера, предпочитая стричь себя сам.

Не так давно жители Рэмси — захудалого местечка в Иллинойсе, где родился миллиардер,— вознамерились отремонтировать местную церковь, в ограде которой, кстати сказать, расположено то, что у людей нормальных именуется родными могилами, место последнего успокоения отца и матери Ханта. Для ремонта нужна была небольшая сумма — несколько сот долларов. Единственная из оставшихся в живых родственников, сестра Ханта попросила брата от имени жителей Рэмси прислать немного денег на восстановление пришедшей в ветхость церкви. Ну конечно же, Хант не отказал землякам. Обладатель сотен миллионов долларов раскошелился незамедлительно. Церковный староста получил от него чек на... 5 долларов.

Но есть один случай, когда Хант не скупится, когда, не глядя, подписывает чеки на круглые суммы. Это бывает, когда

речь идет о финансировании фашистских организаций. «Общество Джона Бэрча», минитмены, ку-клукс-клан — все эти ударные отряды американской реакции числят Гарольда Ханта среди своих благодетелей. Особенно щедр Хант в отношении ку-клукс-клана. То ли потому, что большую часть клановских погромщиков составляют его земляки, то ли потому, что миллиардер считает клан наиболее эффективным орудием достижения своих реакционных целей, но так или иначе именно клановцы получают особенно щедрые дары от техасского толстосума.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

И здесь, я думаю, нам есть смысл задержаться немного и поговорить о ку-клукс-клане.

Что представляет из себя эта таинственная и мрачная организация, какие цели ставит перед собой, к чему стремится, из кого состоит?

Мы знаем о ку-клукс-клане много и мало. Если спросить сегодня любого старшеклассника, что такое ку-клукс-клан, он скажет, что это американская реакционная организация, преследующая негров, члены которой одеваются в странные средневековые белые балахоны и прячут свои лица под маской. И все эти ответы будут правильными.

Но почему ку-клукс-клан называется так? Почему члены этой организации прибегают к такому странному мрачному ритуалу, к таким необычным одеяниям? Откуда взялась эта организация, из кого состоит? Можно задать еще много «почему», на которые ответит далеко не каждый даже в Соединенных Штатах Америки.

Мне уже давно хотелось поближе присмотреться к деятельности клана, побывать, если это окажется возможным, в его организациях, посмотреть на клановцев ночью, в балахонах, и днем, без балахонов, в обыкновенных цивильных костюмах. Но каждый раз, когда я пытался это сделать, меня отговаривали от таких попыток, говорили, что это и невозможно, и опасно. И действительно, клановцы ревниво оберегают свои секреты, не подпуская посторонних к своим организациям, на свои сборища. Несколько попыток посмотреть на ку-клукс-клан, что называется, «вблизи», предпринятых мною во вре-

мя пребывания в Соединенных Штатах Америки, окончились безрезультатно.

Но отказываться от задуманного не хотелось. И я продолжал свои попытки, изучал документы в американских архивах, встречался с людьми, которые могли что-нибудь рассказать о клане. Прежде всего я попытался выяснить, откуда взялось такое необычное название этой организации. Ведь слово «ку-клукс-клан» в толковых словарях английского языка не значится. Объяснить достоверно происхождение этого словосочетания оказалось довольно трудно. В Америке его толкуют по-разному. Когда я спросил об истории возникновения слова «ку-клукс-клан» у своего коллеги, специалиста-историка Гарвардского университета, он сказал, что «ку-клукс» — это, видимо, испорченное греческое слово «куклос»— «круг», которым создатели организации хотели подчеркнуть сплоченность единомышленников, объединяющихся в этом клане.

Возможно, что это и так, хотя, честно говоря, как-то не верится, что невежественные южане-рабовладельцы, создавшие в прошлом веке эту организацию, были сведущи в греческом.

Довелось мне слышать и другую версию. Ее поведал мне странный тип, с которым столкнула меня журналистская судьба в одном из маленьких городков Техаса. Стоял жаркий день, и я зашел в небольшой ресторанчик, чтобы перевести дух от изнуряющего зноя. Очевидно, такое желание возникло не только у меня, и маленький зал этого заведения был переполнен до отказа. Не без труда разыскав свободное место, я пристроился за одним из столиков. Моим соседом оказался немолодой уже человек с мутными глазами и трясущимися руками, в которых он держал бокал неразбавленного виски со льдом. Судя по заплетающемуся языку, он находился здесь уже довольно долго и стакан, который он держал в руках, был явно не первый.

Обрадовавшись неожиданному собеседнику, он охотно вступил в разговор. С пьяной откровенностью он тут же принялся жаловаться незнакомому человеку на свои беды. «Я, наверно, выгляжу жалко,— сказал он.— А ведь еще совсем недавно я был в этом городе человеком уважаемым. Мне принадлежало два магазина и бензоколонка. И кроме того, я был руководителем местной организации ку-клукс-клана».

Если до этого признания я вполуха слушал пьяное бормотание случайного соседа по столику, то, услышав о клане, я

решил поддержать разговор. Из дальнейших сетований полупьяного лавочника я выяснил, что на его голову действительно обрушились неприятности. Он запутался в долгах, разорился и потерял свой бизнес. А вместе с ним и уважение сограждан. Ведь ценность человека в среде американских обывателей определяется прежде всего его кошельком. В довершение всего, как поведал, утирая пьяные слезы, разорившийся лавочник, он потерял свой командный пост в клане. «Меня обвинили в том, что, пропустив несколько стаканчиков виски, я наболтал лишнего о делах нашего клана».

Очевидно, недовольство клановцев болтливостью моего собеседника было небезосновательным. Мне в тот день довелось услышать из его уст немало интересного. Я спросил его, в частности, откуда взялось название клана? Что оно означает? «Определенного смысла в этом слове нет,— сказал он.— Это просто звукоподражание. «Ку-клукс» — это подражание звуку взводимого курка». Что ж, это больше походит на правду и уж во всяком случае находится в полном соответствии со всем мрачным ритуалом этой организации.

Чем закончилась гражданская война в Америке?

Учебники, по которым учатся американские школьники, утверждают, что война между южанами-рабовладельцами и возглавлявшимися Авраамом Линкольном северянами, выступавшими за ликвидацию рабства негров, завершилась в апреле 1865 года разгромом войск рабовладельцев, именовавших себя конфедератами. Учебники повествуют об этом в тонах самых торжественных и идиллических. «Позорной системе рабства негров, привезенных в цепях из Африки и проданных подобно бессловесной скотине на невольничьих аукционах на берегах Миссисипи плантаторам Джорджии, Луизианы, Теннеси, Каролины, был положен конец». Этому учат школьников Америки.

Справедливость восторжествовала. Демократия упрочилась. Негры были освобождены. Так утверждают учебники!

Но жизнь, как известно, не учебник, а американский учебник тем более не жизнь.

Молодая буржуазия Северной Америки, заинтересованная в дешевом труде негров, стремилась в прошлом веке подорвать позиции плантаторов-рабовладельцев Юга.

3 апреля 1865 года войска северян вошли в столицу конфедератов Ричмонд, завершая разгром армии рабовладельцев. 10 дней спустя, 14-го апреля, наемник рабовладельцев

актер Бутс во время спектакля в столичном театре предательски подкрался к президенту Линкольну и выстрелом из пистолета смертельно его ранил. Убийство Авраама Линкольна открыло длинный список жертв политических убийств, которыми запятнала и пятнает себя сегодня Америка.

Несколько месяцев спустя, в декабре того же 1865 года, группа офицеров разбитой армии конфедератов-рабовладельцев, собравшись в городе Пуласки (штат Теннеси), решает учредить тайный орден расистов, который они называют ку-клукс-клан. Цель ордена — реванш за проигранную войну, увековечение рабства негров, расправа со всеми и каждым, кто этому противится. Методы — убийства из-за угла, линчевание, запугивание, террор, насилие.

Американцы обожают статистику. За океаном считают и подсчитывают все: количество сосисок, приходящихся на человека, и число кубометров воздуха, вдыхаемого ежедневно каждым из американцев, количество слов в очередной речи президента и вес воскресного приложения к «Нью-Йорк таймс».

Впрочем, в этой статистике есть свои изъяны и свои белые пятна, причем отнюдь не случайного происхождения. Когда я, к примеру, попытался получить данные о количестве жертв ку-клукс-клана за время его погромной деятельности, то оказалось, что такой статистики в Америке не существует. Но и без такой статистики ясно, что число этих жертв составляет многие тысячи. Тысячи людей: негров, белых, убитых из-за угла, сожженных заживо, затравленных собаками только за то, что у них черный цвет кожи, или за то, что люди осмеливаются выступать против позорного угнетения негров — таков мрачный итог деятельности куклуксклановских погромщиков.

Когда сто лет назад на улицах какого-нибудь городка в Луизиане или Каролине, Алабамы или Джорджии загорался крест, жители города знали — предстоит расправа с негром. И действительно, когда зарево зловещего костра растворялось в лучах восходящего солнца, город узнавал об очередной жертве клановских погромщиков. Так было сто лет назад. Так было пятьдесят лет назад. Так происходит и сегодня.

Мрачен ритуал клана. Известный всем, воспроизведенный на многих фотографиях белый балахон — не единственный его атрибут. Прием в клан обставлен со зловещей торжественностью. Взрослые дяди и тети после дня, заполненного повседневными хлопотами — торговлей в бакалейной лавочке или

сидением в директорском кресле городского банка, подсчетом барышей на самой современной электронно-вычислительной машине, торговлей подтяжками или холодильниками фирмы «Вестингауз»,— играют в пошлую и мрачную игру.

Темной ночью новообращенного долго везут куда-то, завязав ему предварительно глаза. Его вводят в помещение, скупо освещенное неверным пламенем свечей в виде горящего креста. Когда с него снимают повязку, он видит перед собой одетых в балахоны клановцев. Произнеся слова «страшной» клятвы, обещая «поддерживать богом данное навсегда превосходство белой расы, сохранять священные права, привилегии и институты белой Америки, быть готовым к применению физической силы против своих врагов», поклявшись хранить тайну клана и беспрекословно подчиняться его главарям, новообращенный расписывается кровью, выводя на бумаге алый крест.

Дешевый балаган, скажете вы. Да. Но не только. Как говорится, все это было бы, может быть, и смешно, если бы не было так грустно и отвратительно. Во всем этом маскараде не только критинизм недорослей и переростков, играющих в опасные игры, не только дурной вкус и отсутствие чувства меры. Во всем этом хитрый умысел и подлый замысел: зловещим облачением, мрачным изуверским ритуалом запугать тех, против кого направляет свои удары клан, лишить их воли к сопротивлению. Не вредно постращать и рядовых членов клана, людей, как правило, темных, невежественных, растерянных и сбитых с толку обывателей.

Точное число членов клана неведомо. Предпочитая действовать в темноте (дела, ими творимые, не терпят света), клановцы рьяно хранят свои тайны, безжалостно расправляясь с теми, кто пытается в них проникнуть. Однако сопоставляя отрывочные данные, которые удалось получить, можно определить нынешнее число членов этой организации в 100—150 тысяч. Число же так или иначе связанных с кланом значительно больше, приближаясь к пяти миллионам.

Чем больше я узнавал о клане, тем больше мне хотелось получше разглядеть механику этой организации, посмотреть вблизи на руководителей клана.

И вот поздней осенью 1971 года во время очередной поездки за океан мой друг, оператор Центрального телевидения Петр Федоров, и я решили пробраться на машине в штат Алабама, известный как центр ку-клукс-клана. Именно в этом

южном штате расположен небольшой городок Тускалуса, всеамериканская мрачная слава которого связана не с красотами ландшафта, не с промышленностью или университетом, а с тем, что именно здесь, в Тускалусе, или в ее окрестностях — точно это известно лишь небольшому кругу людей — находится штаб-квартира ку-клукс-клана и резиденция его главаря.

И вот мы в Тускалусе. Один из моих американских коллег, взявшийся помочь нам в осуществлении плана, который большинство из тех, кто был в него посвящен, считали по меньшей мере неосуществимым, поставил одно условие: «Я постараюсь вам помочь, но ответственность за все возможные последствия ложится на вас, джентльмены. Помните, что я вам это не советовал».

Быть может, впоследствии я расскажу подробно о том, каким образом нам удалось не только проникнуть в куклуксклановское логово, но и получить возможность пространно побеседовать с «Имперским Магом» и «Великим Драконом» Робертом Шелтоном. Сейчас это делать нецелесообразно и небезопасно для тех, кто нам в этом помог. Скажу только, что среди клановской верхушки не было единого мнения по поводу того, встречаться или нет с журналистом из Москвы. Верх взяло мнение Шелтона, решившего пойти на такую встречу. Почему? Когда я спросил об этом его самого, Великий Дракон ответил: «Очевидно, у нас с вами одинаковый повод искать такой встречи: всегда полезно посмотреть на противника вблизи». Возможно, у Шелтона были и другие причины. Суетно-тщеславный, он был явно польщен вниманием иностранных журналистов к его персоне.

Но так или иначе ранним ноябрьским утром 1971 года мы оказались в помещении, убранном безвкусно, но с претензией на роскошь, оцепленном со всех сторон рослыми детинами, мрачное выражение лиц которых не сулило ничего хорошего. Вскоре в комнату вошел человек в сером костюме, среднего роста, средних лет, средней упитанности, одетый, как типичный средний американец. Небольшие, странно круглые, водянисто-серые глаза его, впившись в собеседника, становились неподвижными, холодными, какими-то несвязанными со всем остальным лицом. Шевелились губы, собиралась в частые складки кожа лба, подрагивали щеки, а глаза оставались неподвижными, ничего не выражающими, вызывая неотвязную ассоциацию с медузой.

Клан как заправская шайка построен на беспрекословном

подчинении рядовых своим начальникам и всех вместе — атаману. В 1961 году на тайном сборище организации ку-клукс-клана на пост Имперского Мага был посажен земляк и близкий сподвижник одного из лидеров американского фашизма Джорджа Уоллеса алабамский расист Роберт Шелтон.

Изгнанный в свое время за неуспеваемость с первого курса Алабамского университета, потерпев неудачу на ниве бизнеса в качестве торгового агента крупной компании «Гудрич Тайер», Роберт Шелтон нашел себя на клановском поприще. Боссы оценили его зоологическую реакционность, полную неразборчивость в средствах, незаурядную ловкость и головоногость, и студент-недоучка, в короткий срок пройдя по ступеням клановской иерархии, был коронован Имперским Магом. С тех пор вот уже больше десяти лет этот мракобес возглавляет погромщиков. Оставаясь, как правило, в тени, он сосредоточил в своих руках власть, об истинных размерах которой в Америке знают лишь немногие.

Возможно, некоторые из читателей этой книги видели по телевидению эту не вполне обычную встречу, слышали отдельные эпизоды состоявшегося между нами разговора. Но телевизионный фильм уместил лишь небольшую часть беседы, длившуюся больше двух часов. Поэтому позволю себе воспроизвести здесь запись некоторых моих вопросов и ответов Шелтона.

— Скажите, как вы предпочитаете, чтобы я к вам обращался: мистер Шелтон, мистер Дракон или еще как-нибудь?

— Зовите меня Имперский Маг.

«Маг так Маг, пусть так. Мне, в общем-то, все равно»,— подумал я и приступил к вопросам.

— Не расскажете ли вы о цели вашей организации?

— Основная цель организации — пропаганда и поддержка христианства и превосходства белой расы.

— Если не секрет, как организован клан?

— Это не секрет. Вся территория Соединенных Штатов, на которой действуют организации клана, называется «Невидимая Империя». Империя подразделяется на королевства — объединения нескольких смежных штатов. В свою очередь королевства подразделяются на провинции, в которые входит один или несколько округов. Провинции состоят из клантонов. Клантон — это местная организация клана, его основная действующая единица. Клантоны в свою очередь подразделяются на небольшие группы, именуемые клавернами.

Во главе «Невидимой Империи» стоит Маг Империи, или Имперский Маг. Королевством управляет Великий Дракон. Я ношу оба титула, потому что помимо управления Невидимой Империей я возглавляю одно из королевств клана.

Управление провинцией находится в руках Великого Титана. Местным отделением заправляет Великий Циклоп. Великие Циклопы, имеющие перед кланом особые заслуги, получают титул Великого Благородного Циклопа. У каждого Циклопа есть двенадцать заместителей, которых мы именуем «Ужасами».

— Очень впечатляюще. Но не много ли ужасов на одного Циклопа?

— Нет, не много. Вполне достаточно.

— Сколько членов в вашей организации?

— Это наш секрет.

— Откуда берутся средства финансирования вашей обширной деятельности?

— Каждый член клана платит ежегодный взнос — пятнадцать — двадцать долларов.

— Но вряд ли этих средств хватает на финансирование всей деятельности клана.

— Существуют и другие источники.

— Какие?

— Разные.

— Не могли бы вы уточнить?

— Нет.

— Расскажите о деятельности клана.

— Наши главные цели и задачи — сохранение превосходства англосаксонской расы. В Соединенных Штатах не будет негритянской проблемы, если нас оставят в покое и предоставят нам самим ее решать. Негр останется диким зверем из джунглей, независимо от того, будем мы пускать его в школу вместе с белыми или не будем. Всевышний в своей беспредельной мудрости создал белую расу, чтобы она правила царством животных и низшими расами. Наш спаситель Иисус Христос учил нас любить и лелеять даже раба, но он не проповедовал господство раба над хозяином. Ку-клукс-клан хочет, чтобы чернокожие и желтокожие держались в должных рамках. Я организую нормандцев, граждан кельтского и англосаксонского происхождения, немцев, в единый союз, чтобы начать крупнейший крестовый поход, который когда-либо приходилось видеть в Соединенных Штатах Америки.

За окном стояла осень 1971 года. Американские газеты писали о подготовке очередной экспедиции на Луну, о снимках Марса, переданных советской космической станцией. В помещении, где происходила беседа, красовался дорогой цветной телевизор самой последней марки, а наисовременнейший кондиционер, нагнетая в комнату легкую прохладу, помогал переносить зной Южной Алабамы. И как-то не верилось в реальность происходившего в этой комнате. Хотелось ущипнуть себя, чтобы стряхнуть тяжелый и дурной сон. Но увы, это был не сон. Передо мной в кресле, задрав ногу на ногу, сидел носитель мрачно-шутовских титулов и вполне серьезно распространялся на тему о «крестовом походе».

А между тем беседа продолжалась. Желая произвести на собеседника впечатление, Шелтон стал распространяться о масштабах деятельности возглавляемой им организации.

— Вы знаете, из пятидесяти штатов страны мы имеем свои организации в сорока четырех. Если раньше полем деятельности клана являлись штаты Юга — Луизиана, Миссисипи, Алабама, Джорджия, Флорида, Северная и Южная Каролина,— то сейчас никто не удивляется, встретив белый балахон клана в северных штатах — Нью-Йорке, Висконсине, Агайо, Мичигане, Пенсильвании.

Затем, как бы спохватившись, Шелтон спешит оговориться:

— Мы ведем там деятельность в основном пропагандистскую. Это не то, что делал ку-клукс-клан прежде.

— Но,— заметил я,— мне доводилось читать в американских газетах о том, что на севере страны тоже горят клановские кресты.

— О, это только форма!

— Позвольте, но многочисленные случаи расправы с неграми, о которых сообщает американская печать, разве это обходится без участия ку-клукс-клана? Можете ли вы сказать, что клан полностью отказался от методов насилия и ограничивается сейчас лишь миссионерством и пропагандой?

После некоторой паузы Имперский Маг говорит:

— Нет, я этого сказать не могу. Но разговоры о насилии явно преувеличены.

— Вы говорите о новых методах клана. Но почему же вы используете тогда весь набор приемов и методов, которые существовали и сто лет назад? К чему все эти балахоны, тайные собрания, сожжение крестов?

— Мы сохраняем традицию. Мы сжигаем кресты, потому что наша организация христианская. Мы используем крест так же, как и древние христиане во время крестовых походов против антихриста. Мы просто добавили ритуал сожжения креста.

Они просто добавили ритуал сожжения, эти добрые христиане, толкующие во второй половине XX века о средневековых временах крестовых походов и борющиеся с антихристом!

Необычная беседа закончена. Провожаемые колючими взглядами шелтоновских телохранителей, мы выходим на улицу. Спустились сумерки. На некотором отдалении за нашей машиной следует автомобиль с потушенными фарами, сопровождающий нас до самой гостиницы, где нам предстоит провести ночь. На следующий день назначена встреча с представителями местной прессы, проявляющей к нашему пребыванию в Алабаме повышенный интерес. Еще бы: ведь мы первые русские, советские люди, оказавшиеся в Тускалусе.

Около гостиницы и в ее вестибюле замечаем нескольких типов подозрительного вида, торопящихся спрятаться, обнаружив, что мы их заметили. Захлопываются дверцы гостиничного лифта, и мы оказываемся наедине с пожилым негром-лифтером в красной с золотым галуном ливрее.

— Джентльмены поступят правильно, если покинут город нынешней ночью,— внезапно слышим тихий, но явственный шепот.

— Почему?

Но на лице негра такое выражение, будто он ничего не говорил.

Коротко обмениваемся мнениями, вспоминаем неприкрытые угрозы в наш адрес, прозвучавшие со страниц местной газеты. Автор статьи обрушился на самого Имперского Мага, обвиняя его в «потворстве мировому коммунизму». Приходит на память и подозрительная настойчивость одного из клановцев, дотошно домогавшегося, сколько мы еще предполагаем пробыть в Тускалусе, когда, по какой дороге и в каком направлении собираемся ехать отсюда.

Одним словом, глубокой ночью пробираемся к машине и изо всех сил нажимаем педаль газа. Дальний свет фар прорезает петляющую по алабамским лесам пустынную ночную дорогу. Кажется, наш отъезд прошел незамеченным. Увозим

с собой драгоценный груз — сотни метров отснятой кинопленки, распухнувшие от записей журналистские блокноты...

Если раньше, когда доводилось читать и слышать о клане, о бреднях его главарей, нет-нет да и закрадывалось сомнение, не преувеличение ли, возможно ли этакое в наши дни, в эпоху расщепления атома и покорения космоса, то встреча в клановском логове рассеяла все сомнения. Собственными ушами мы услыхали разглагольствования Имперского Мага.

Кстати, как он замешкался, когда речь зашла об источниках финансирования клана! Вряд ли всерьез можно говорить о том, что эта организация существует на пожертвования и ежегодные взносы его членов. Рядовые клановцы — это люди, как правило, несостоятельные, небогатые буржуа, сытые обыватели. За кулисами фашистского подполья силы в сегодняшней Америке могущественные и влиятельные. И первое место среди них по праву занимает техасский миллиардер Гарольд Хант.

Без преувеличения можно сказать, что не было в последние годы в Америке фашистского шабаша, к которому не имел бы отношения этот человек. Взять хотя бы того же Джорджа Уоллеса. Известно, что за стремительной карьерой фашиствующего демагога Джорджа Уоллеса стоят деньги Дюпонов. Не обошлось в этом деле и без Ханта. Он не поскупился, финансируя его политическую кампанию. В том, что Хант не ограничился денежной поддержкой, но и самолично окунулся летом и осенью 1968 года в предвыборную схватку, мне довелось убедиться собственными глазами.

ХАНТ СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНОЙ

Уже несколько лет я собирал материалы о Ханте, разговарибал с людьми, близко его знающими, читал его писания. Но встретиться с ним все не удавалось. А очень хотелось вблизи посмотреть на человека, которого зовут «самым страшным человеком в Америке».

И вот летом 1968 года, когда Гарольд Хант явился в Майами-Бич, где происходил в те дни съезд республиканской партии Соединенных Штатов, которому предстояло выдвинуть кандидата на президентский пост, я наконец его увидел. Хант

вознамерился помочь Уоллесу, решив самолично вмешаться в ход съезда.

Мне хотелось бы здесь рассказать о встрече с Хантом.

Мой друг и коллега Мэлор Стуруа, приехавший в те дни в Майами-Бич в качестве корреспондента «Известий», знал о моей длительной охоте за Хантом. Как-то раз ранним утром он даже не вошел, а ворвался в мой номер гостиницы.

— Дружище, я засек Ханта! Он инкогнито приехал на съезд и живет в соседнем отеле. Поспешим...

Зная страсть моего друга ко всяким розыгрышам — я сам не раз был их жертвой, особенно в студенческие времена,— я воспринял преподнесенную мне сенсацию с достаточной долей скепсиса.

— Знаю я твои штучки! Пойдем-ка лучше позавтракаем.

— Какой к чертям завтрак, генацвале! Я угощаю тебя Хантом! — И без дальнейших слов Стуруа поволок меня через дорогу.

Бывают же на свете такие совпадения: не успели мы вбежать в подъезд, отодвинув плечом оторопевшего швейцара дорогого отеля, своим видом скорее напоминавшего спикера английской палаты лордов, как буквально нос к носу столкнулись с Хантом. Он ковылял по вестибюлю навстречу нам по направлению к выходу.

— Мистер Хант, мы хотели бы с вами поговорить.

— А кто вы такие?

— Журналисты.

— Я не даю никаких интервью, и вообще я занят.

— Видите ли, мистер Хант,— затараторил скороговоркой Стуруа, никогда не испытывающий недостатка в журналистской находчивости,— мы хотели бы поговорить с вами о вашей книге «Альпака». Она нас крайне интересует. Кстати, не могли бы вы расписаться вот на этом экземпляре?

С ловкостью фокусника Мэлор извлек из кармана хантовскую книжонку и протянул ее явно польщенному автору.

Видно, миллиардеры тоже не чужды авторского тщеславия. Во всяком случае, этот трюк моего друга сыграл решающую роль, и Хант, сменив гнев на милость, согласился с нами поговорить.

Позже я спросил у Мэлора, по какому счастливому совпадению у него в кармане так кстати оказалось хантовское рукоблудие.

— Какое там к бесу совпадение! Узнав случайно от од-

ного из американских коллег, что сюда должен приехать Хант, я полдня бегал в поисках этого творения.

Что ни говорите, а друг — это всегда друг! Но так или иначе, а с Хантом мы все-таки поговорили. Не спеша. Без помех.

Беседуя, мы слушали, смотрели и... поражались. Поражались тому, чтó он говорил, как говорил, как себя вел, как выглядел. Начну с последнего. Внешний облик Ханта как-то удивительно диссонировал с обстановкой дорогого отеля, в котором шла эта необычная пресс-конференция. Утопая в роскошном кресле, перед нами сидел долговязый старик в стоптанных башмаках и носках, свисавших на ботинки, в засаленном пиджаке, несвежей рубашке, украшенной галстуком-бабочкой в горошек, из тех, в которых щеголяют официанты дешевых ресторанчиков. Выцветшие, когда-то, очевидно, голубые, а сейчас медузьего цвета глаза, мокрые губы, неожиданный для его высокого роста тонкий голосок, то и дело срывающийся на пронзительный фальцет.

Самое выразительное в хантовском облике, пожалуй, руки. Думается, что руки могут подчас сказать о человеке, о его характере, ощущениях, восприятии сиюминутной ситуации даже больше, нежели лицо и признанное зеркало души — глаза. Глаза можно потушить, сделать их непроницаемыми и невыразительными, прикрыть их, в конце концов, темными очками.

Но вот руки... Ох уж эти руки! Они живут своей жизнью. выдавая то, что спрятали, скрыли лицо и глаза. Мне, например, первое рукопожатие говорит обычно о человеке больше, нежели многие фразы первого знакомства. Прикосновение хантовской длани — вялой, как будто бы без костей, влажной, холодной и липкой — вызвало мгновенную дрожь омерзения, желание поскорее найти рукомойник.

Во все время разговора его руки жили своей обособленной жизнью. Большие, усыпанные веснушками, покрытые густым рыжевато-седым пухом, со сморщенной, будто бы пергаментной кожей и большими, неподстриженными грязно-желтыми ногтями, они беспрестанно находились в движении — сжимались, разжимались, сплетались пальцами, тискали друг друга, непрерывно и непроизвольно, как паучьи лапки. Десять, двадцать, сорок минут — на протяжении всего разговора.

Разговора о чем? Об «Альпаке», о Хантовом бизнесе, о том, с какой целью он приехал в Майами-Бич и обретается в кулуарах съезда республиканской партии, об убийстве братьев Кеннеди.

Расшифровывая сейчас пленку маленького карманного магнитофона, который я во время беседы включил, чтобы не упустить ничего из этого разговора, я поражаюсь примитивности и бессодержательности того, что говорил Хант. Его сентенции и рассуждения выдавали удивительную ограниченность, патологическую злобность.

Надо сказать, что на протяжении всей беседы он не знал, кто мы такие. То ли растерявшись от нашего напора, то ли расчувствовавшись от внимания к его сочинению, он так и не задал вопроса, какой орган прессы мы представляем.

— Мистер Хант, как вы думаете, кто стоит за покушением на президента Кеннеди? Кто его убил?

— Коммунисты.

— Ну, а Роберта Кеннеди?

— Тоже коммунисты. И Мартина Лютера Кинга.

— Мистер Хант, но разве вы коммунист? — делая наивные глаза, спросил я.

— Что-о-о?!

— Но ведь существуют серьезные основания считать, что именно вы имеете непосредственное отношение к убийству президента.

Лицо Ханта начало медленно багроветь.

— А кто вы такие, собственно говоря? — вместо ответа вопрошает он.

— Мы журналисты из Советского Союза и притом коммунисты.

Надо было видеть лицо Ханта в этот момент! Из багрово-красного оно стало пепельно-серым. Раскрыв рот, он судорожно хватал воздух. В глазах его был нескрываемый страх. Да, да, Хант испугался! Очевидно, он решил, что сейчас мы начнем его убивать. Затем, обнаружив, что кровожадных намерений мы не выказываем, он несколько успокоился и, вытащив из кармана платок, отер им мгновенно вспотевший лоб.

— Надеюсь, джентльмены, что это шутка,— после долгой паузы прошамкал пришедший наконец в себя миллиардер.— Должен вам сказать, что вы плохо шутите. У старика Ханта хороший нюх на коммунистов. Я чувствую их за сто миль.— Уколов нас неприязненным взглядом, он тяжело поднялся с кресла и, не попрощавшись, медленно заковылял прочь.

Мы откровенно хохотали. Уж очень жалок и смешон оказался при ближайшем рассмотрении этот «самый страшный человек в Америке».



преступление века

ТРАГИЧЕСКИЙ УЗЕЛ

Теперь нам пора обратиться к той точке, в которой пересеклись жизненные пути Кеннеди и Хантов, схлестнулись в тугой узел жизненные линии обоих семейств. История гибели в ноябре 1963 года Джона Кеннеди пока еще напоминает айсберг: над поверхностью возвышается лишь небольшая часть, а весь этот массив скрыт от людских глаз.

Еще меньше известно о заговоре, жертвой которого пал летом 1968 года Роберт Кеннеди. Речь идет не о непосредственных исполнителях. Речь идет о пружинах заговора.

Надо сказать, что есть все основания считать, что пружины эти если не одни и те же, то, по крайней мере близки друг другу и в случае с Джоном Кеннеди, и в случае с Робертом Кеннеди, и в случае с таинственной аварией самолета в 1964 году, в которой лишь чудом уцелел младший из братьев — Эдвард. Я подозреваю, что не обошлось без вмешательства тех же сил в печально знаменитом «случае на мосту», жертвой которого стала не только молодая женщина, но и репутация младшего Кеннеди. Но по порядку.

25 ноября 1963 года, то есть на третий после убийства президента Кеннеди в день, когда гроб с его телом не был еще

предан земле, американские газеты на видных местах опубликовали сообщение агентства «Ассошиэйтед пресс», которое гласило:

«Сегодня по тревоге полицейские быстро поднялись на крышу семиэтажного здания финансового управления в Вашингтоне. Причиной тревоги было сообщение о том, что на крыше здания замечен человек с оружием в руках. Особенно тщательно был осмотрен угол крыши, обращенный к пересечению 10-й улицы и Конститьюшн-авеню. На другой стороне 10-й улицы находится дверь, через которую входит в министерство юстиции и выходит из него Роберт Кеннеди. В последние дни министр, находящийся в трауре в связи с гибелью брата, в министерство не приезжал. Поиски не дали результатов. Очевидно, злоумышленник скрылся до приезда полиции».

Семь месяцев спустя, 19 июня 1964 года, дикторы американских радио- и телевизионных станций прервали передачи для того, чтобы передать в эфир экстренное сообщение: «В результате авиационной катастрофы, причины которой остаются невыясненными, разбился небольшой одномоторный самолет. На его борту находился сенатор Эдвард Кеннеди, самый младший из братьев Кеннеди. Летчик и остальные пассажиры мертвы. Сенатор в бессознательном состоянии доставлен в госпиталь. У него повреждены три позвонка, сломано два ребра, не работает легкое. Врачи отказываются отвечать на вопросы: выживет ли молодой сенатор, и если выживет, то не останется ли парализованным на всю жизнь?»

Случайность ли все это? Просто фатальное совпадение или злой умысел? Ответов на эти вопросы нет и по сей день. Очевидным является лишь одно — братья Кеннеди оказались в центре политического водоворота борьбы.

Официальная версия, гласящая, что убийство президента Кеннеди было делом рук одиночки, сводившего с ним чуть ли не личные счеты, не удовлетворила мировое общественное мнение, и вряд ли надо быть пророком, чтобы предсказать, что версия эта не относится к разряду долговечных.

Но уже сейчас вдумчивому, склонному анализировать и сопоставлять человеку очевидно, что Джон Кеннеди пал жертвой затянувшихся в мертвый узел страстей и интересов, интриг и корысти, честолюбия и страхов, завершившихся залпами на далласской улице.

Роль далеко не последнюю во всем этом сыграли столкновения интересов различных группировок американских моно-

полий. То, что в политической литературе именуется «американским монополистическим капиталом»,— штука, во-первых, не отвлеченная, безликая и, во-вторых, отнюдь не однородная. Объединенные лишь самыми общими классовыми интересами, монополистические династии сшибаются в жестоких схватках за сферы влияния, за источники сырья, за выгодные заказы, за покупателя, а в конечном счете — за прибыли.

Грызня происходит не только между династиями монополистов и группировками, в которые они драки ради объединяются, но и внутри группировок, династий, семей. Хорошо известно, к примеру, семейство миллиардеров Рокфеллеров. Менее известно, что семейство состоит из двух частей, ведущих между собой финансовую войну. Началась она после того, как в начале нынешнего века родной брат Джона Д. Рокфеллера — отца пяти братьев, стоящих ныне во главе нефтяного бизнеса,— Уильям Рокфеллер, не поделив с братом прибылей, порвал с ним и основал собственное дело.

Семейство Дюпонов также состоит из двух кланов, ожесточенно враждующих друг с другом. Междоусобная борьба внутри семейства Фордов, о которой в этой книге рассказано, закончившаяся таинственной смертью единственного сына старого Генри Форда — Эдзела, едва не завершилась крахом всего семейного бизнеса. Брат против брата, сосед на соседа, город на город, предприниматели одного экономического района против магнатов другого!

Но, пожалуй, наиболее острым противоречием, разделившим ныне лагерь крупнейших воротил Америки на два стана, является противоречие между старыми и так называемыми молодыми группировками предпринимателей.

В послевоенные годы в Соединенных Штатах, в силу различных капризов истории, прихотей научно-технической революции и зигзагов деловой конъюнктуры, выросла как на дрожжах группа неимоверно богатых и беспардонно напористых дельцов. Они вступили со старыми группировками богатеев в борьбу не на жизнь, а на смерть. Это наиболее авантюристические, наиболее грубо-прямолинейные деятели в сегодняшнем мире американского большого бизнеса: общество Джона Бэрча и куклуксклановские погромщики — их возлюбленные чада; крайности агрессивного внешнеполитического курса — их программа.

Борьба между новыми группировками предпринимателей, рвущимися к богатству и власти, и старыми династиями, де-

лающими все для того, чтобы лишить их первого и не дать второго, конечно, только общий фон, на котором вспыхнула вражда семейств Хантов и Кеннеди. Точно так же психологическим фоном — а для правильного понимания исторического процесса за экономикой не надо забывать фактов и психологических — была ненависть провинциальных, неотесанных выскочек к столичным аристократам, во всем блеске их богатства и власти.

«Стоит ли сегодня ворошить все детали далласского убийства»,— задавался иногда вопрос в американской печати. Ничего, дескать, кроме излишнего будоражения общественного мнения и возбуждения подозрительности, это не дает. Но вот загремели выстрелы в Лос-Анджелесе, и всем стало очевидно, что дело не только в установлении исторической правды, что важно уже само по себе, но и в проблемах дня сегодняшнего и даже завтрашнего. Преступление не закончено. Оно продолжается. Заговор действует. Заговорщики на свободе, и кто знает, какие планы, ободренные безнаказанностью, они сегодня вынашивают.

И дело здесь не только в семействе Кеннеди. Защищая интересы американской буржуазии, братья Кеннеди просто выступали за более осторожный и осмотрительный курс, чем и навлекли на себя злобу крайней реакции, желающей видеть в Белом доме кого-нибудь из своих. Рассмотреть пружины этого заговора, методы, которыми заговорщики действуют,— значит яснее представить себе реальность фашистской опасности в Соединенных Штатах.

Одним словом, вернуться к некоторым обстоятельствам гибели президента Джона Кеннеди, а также коснуться убийства его брата, который был близок к тому, чтобы стать осенью 1968 года 37-м в истории Америки президентом,— это не значит отвлечься от современности. Наоборот, это необходимо для того, чтобы лучше понять то, что происходит, что может происходить в крупнейшем государстве капиталистического мира.

Выяснить полную и истинную картину того, что случилось осенним днем 1963 года на далласской улице в течение считанных секунд, но что, судя по всему, готовилось скрупулезно и тщательно, наконец, выяснить, что и посейчас занимает умы миллионов людей, еще предстоит. Сколько было выстрелов? Где находились снайперы и сколько их было? Это не просто вопрос техники преступления, это существенно важная про-



Белый дом.



Джозеф Кеннеди-старший с сыновьями (слева направо: стоят — Джон, Джозеф-младший, сидят — Эдвард и Роберт).

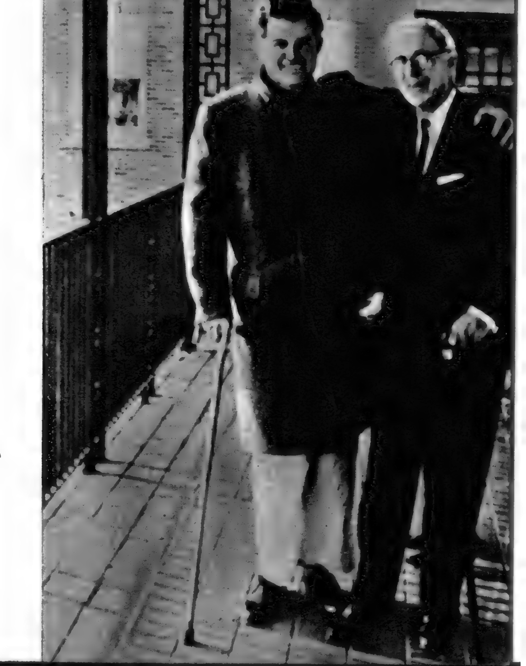


Братья Кеннеди — Роберт, Эдвард, Джон.

Последние мгновения жизни 35-го президента.

Выстрел в Далласе.

Здесь убили Роберта Кеннеди.



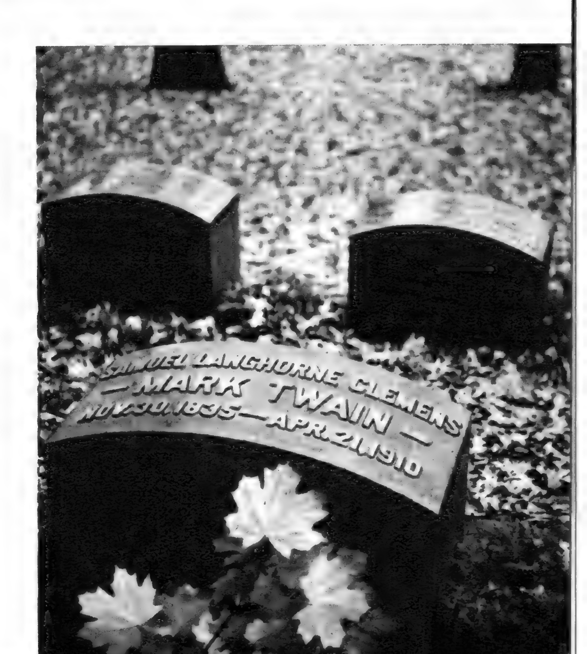
Эдвард Кеннеди с отцом после аварии самолета.

Знаменитый мост Сан-Франциско.

Одноэтажная Америка.



У забытой могилы.

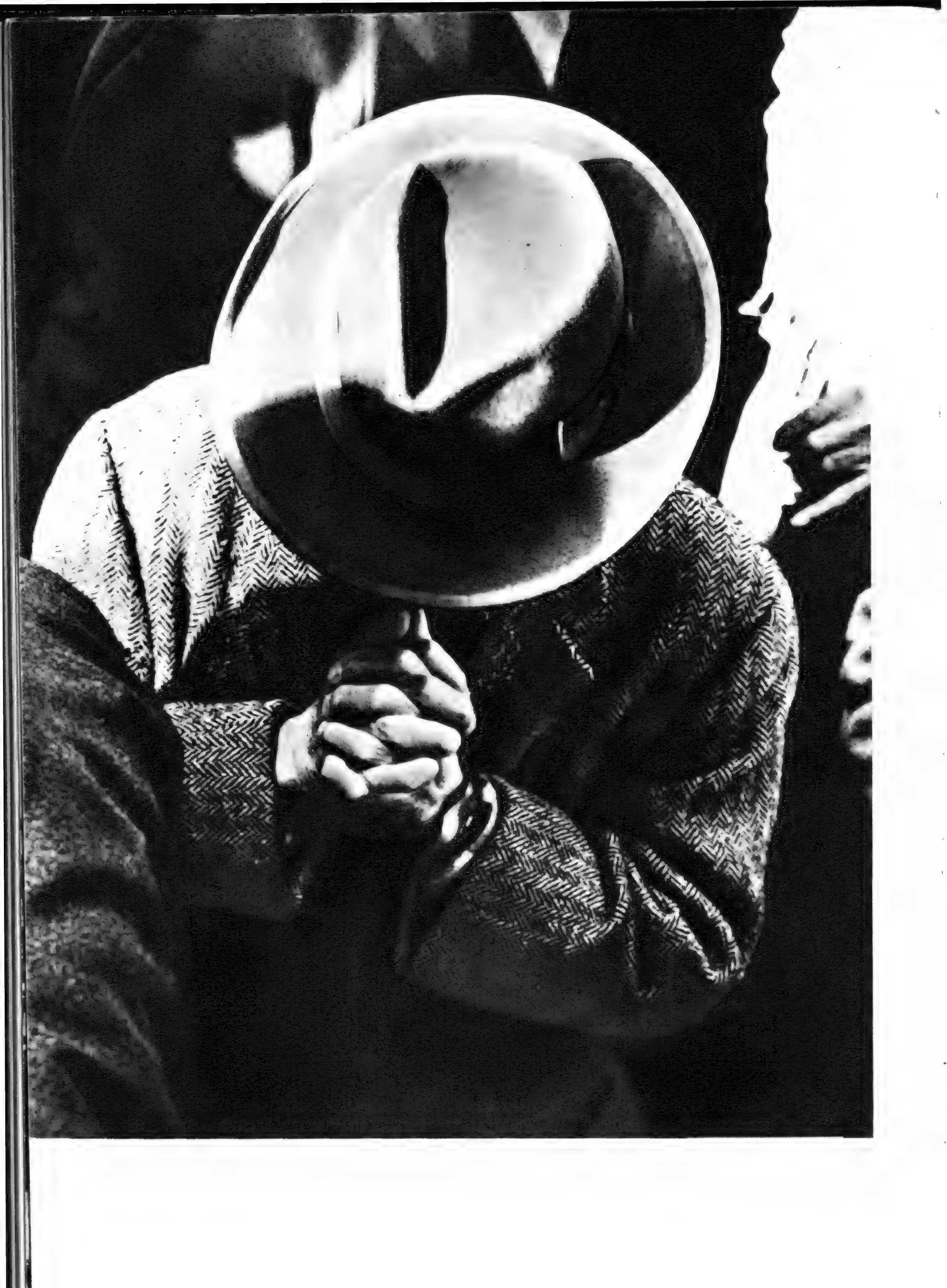


Здесь покоится Марк Твен.

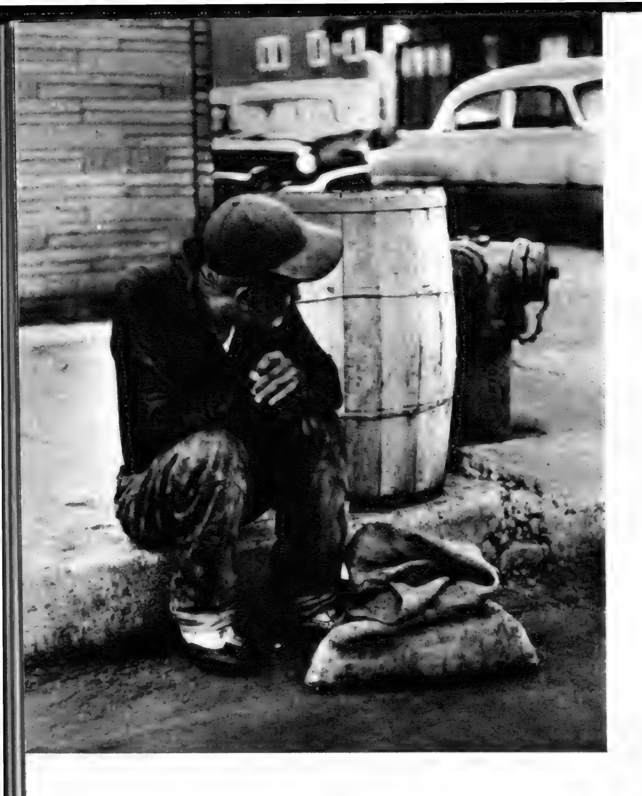


Ковбои не в кино, а в жизни.

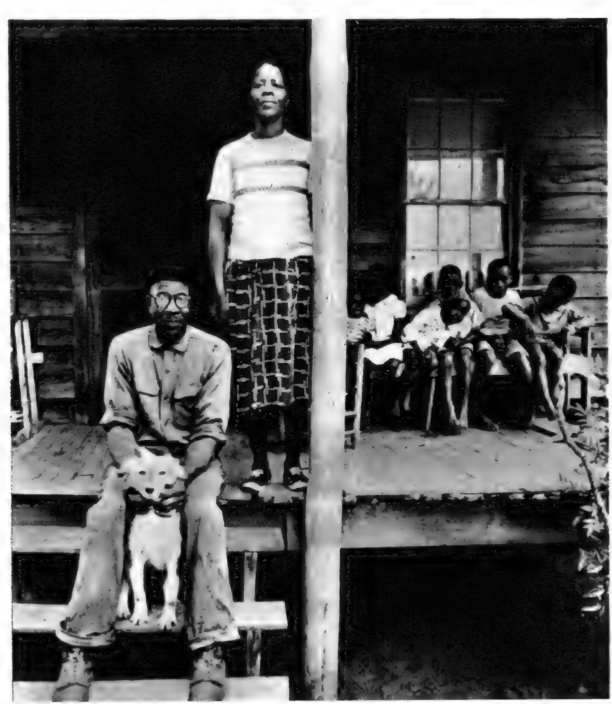
Это и есть родео.



И это тоже Америка.



Для них Америка — мачеха.





«Верните моего папу домой» — написано на плакате. Демонстрация против войны во Вьетнаме.



Штыки против борцов за мир.

Это не военный парад и не военные учения: такие отряды разгоняют мирные демонстрации.





Газ, дубинка, оружие — все идет в ход против демонстрантов.

блема, в том числе и имеющая непосредственное отношение к нашему повествованию. Официальная версия утверждает, что налицо был некий кустарь-одиночка по имени Ли Харви Освальд. По не вполне ясным для расследовавшей преступление государственной комиссии причинам Освальд решил свести счеты с президентом Соединенных Штатов и с удивительной легкостью сумел это осуществить.

Впрочем, утверждение о «не вполне ясных мотивах» нуждается в некотором уточнении. Кое-кому из членов этой высокой комиссии данная проблема кажется очень простой. Дело, видите ли, в том, что жена Ли Харви Освальда — Марина накануне 22 ноября отвергла своего незадачливого супруга. И тот, дабы восстановить свое мужское достоинство и произвести впечатление на ветреную и коварную супругу, вознамерился... убить президента Соединенных Штатов.

Столь анекдотическая версия была бы, конечно, очень смешной, если бы, во-первых, не относилась к столь несмешному сюжету, а во-вторых, не была бы выдвинутой лицом сугубо официальным. Речь идет о вышедшей в США книге «Портрет убийцы», принадлежащей перу одного из членов следственной комиссии, на которую была возложена обязанность всестороннего рассмотрения далласского преступления, лидера республиканской партии в конгрессе США Джеральда Форда. Это, разумеется, собственная версия достопочтенного джентльмена, а не учтенная в официальных документах. Однако тот факт, что видный партийный деятель, да к тому же входивший в число лиц, которым было поручено расследование преступления, публично выдвигает такую, с позволения сказать, версию, говорит о многом.

Различимая невооруженным глазом нелепость этой самой «версии» достопочтенного парламентского лидера и правительственного следователя доказывает, что кое-кто в Америке готов схватиться за любую нелепицу, лишь бы залатать зияющие прорехи в том, что выдается за результат тщательного и объективного расследования. Все это нужно, чтобы убедить американцев, что происшедшее носило случайный характер.

Между тем с течением времени множатся становящиеся известными факты, многие из которых рушат непрочное строение выводов следственной комиссии. Вот один лишь пример.

26 томов приложений к докладу этой комиссии — еще далеко не все, чем следователи располагали. В бронированных подвалах одного из вашингтонских департаментов, тщательно

опечатанные и охраняемые, находятся 25 громоздких ящиков. В этих ящиках похоронено огромное количество документов, свидетельских показаний, данных экспертиз и многое другое, что сочтено «нецелесообразным доводить до сведения публики». О характере запрятанных документов можно судить по тому немногому, что так или иначе выплывает наружу.

Весной 1968 года получил огласку один материал, извлеченный из этих ящиков. Он говорит о том, что в ходе расследования комиссия с достоверностью установила, что Ли Харви Освальд, которому официальная версия приписала качества сверхснайпера — ибо только человек, не имеющий себе равных в истории снайперского искусства, мог в считанные секунды сделать все выстрелы по движущейся мишени, поразившие Кеннеди,— был в действительности исключительно плохим стрелком. Это зафиксировано со всей возможной юридической точностью, с приложением официальных данных, учебных мишеней периода пребывания Освальда в американской армии, в том числе и самого последнего периода.

При всей кажущейся второстепенности этого документа, уже один он может поставить под сомнение всю версию, освященную авторитетом специальной государственной комиссии, расследовавшей убийство.

Любопытно, что официальные выводы о выстрелах с одной стороны опираются на свидетельские показания лишь меньшинства тех, кто был подвергнут допросу следователями. Мне довелось тщательно изучить показания 121 свидетеля, собранные в 26 томах приложений к докладу комиссии. Результаты получились интересные: 32 свидетеля высказали убеждение в том, что выстрелы прозвучали из склада школьных учебников,— гипотеза, ставшая официальной точкой зрения. 51 (!) свидетель категорически с этим не согласился, настаивая на том, что выстрелы были произведены с другой стороны, с железнодорожной насыпи над туннелем, в который должна была въехать машина президента. Ряд свидетелей утверждали, что выстрелы прогремели сразу с нескольких сторон — и спереди, и справа, и слева от президентского автомобиля, а 30 свидетелей не высказали определенного мнения.

Уже сам этот подсчет, основанный исключительно на официальных документах следственной комиссии, свидетельствует о том, что большинство очевидцев не подтвердило в ходе следствия то, что было преподнесено миру в качестве абсолютной и окончательно установленной истины. «Главная слабость до-

клада комиссии,—констатировал американский журнал «Майнорити оф уан»,— состоит в отказе серьезно рассмотреть возможность какого-либо другого источника выстрела, помимо склада, несмотря на то, что на такой источник указывает большинство прямых свидетелей... Таково было впечатление не у перепуганных зевак, а у полицейских, помощников шерифа, агентов секретной службы и большинства зрителей, находившихся в тот момент на улице.

В ноябре 1966 года «Нью-Йорк таймс» — самая солидная из американских газет,— поместила снимок, который случайно был обнаружен в архивах агентства Юнайтед пресс интернейшнл три года спустя после убийства президента Кеннеди. На этом снимке можно различить с правой стороны впереди по движению автомобиля, в котором ехал президент, на холме за забором силуэт автомашины и стоящего около него человека, целящегося из винтовки. Отсюда можно заключить, что Освальд был не единственный, стрелявший в Кеннеди.

Газета сообщила, что, как только этот снимок был обнаружен в архивах агентства, специально снаряженные репортеры выехали в Даллас, где встретились с одним из свидетелей убийства президента, железнодорожным служащим Ли Бауэрсом. Бауэрс подтвердил, что он своими глазами видел за забором, как раз там, где это зафиксировано на опубликованном фотоснимке, человека с винтовкой, наведенной на президента. «Меня в те дни не захотели выслушать»,— добавил железнодорожник. Репортеры, взявшие это сенсационное интервью, не успели еще вернуться в свою редакцию, как Бауэрс... при невыясненных обстоятельствах погиб во время железнодорожной катастрофы.

И здесь мы подошли к весьма существенному обстоятельству, которое само по себе, даже если бы не было многого другого, не может не настораживать, не может не навести на мысль, что весьма влиятельные и практически неограниченные могущественные силы в Техасе делают все для того, чтобы навеки похоронить концы далласского преступления. Особая атмосфера этого города делает кучку людей, хозяйничающих в нем, бесконтрольными владыками. Ежемесячно в Далласе совершается убийств больше, чем во всей Англии. В одном лишь 1963 году до дня, когда жертвой убийц пал президент Кеннеди, в этом городе было застрелено 110 человек, причем в подавляющем большинстве случаев убийцы не были найдены и остались безнаказанными.

Так было до выстрелов, стоивших жизни главе американского государства. Так продолжается и после него. При этом в период, последовавший за убийством президента, таинственная гибель постигала людей, которые так или иначе могли рассматриваться как нежелательные свидетели.

Читатели этой книги, очевидно, слыхали имя Джека Руби. В прошлом чикагский гангстер, он, перебравшись на жительство в Даллас, на деньги, добытые темными делами, открыл ночное кабаре «Карусель». Здесь собирались подонки, уголовники, здесь совершались различные мошеннические сделки.

Именно Руби и его «Карусель» были избраны заговорщиками как связующее звено между участниками заговора. В кабаре различные темные личности, среди которых бывал и Освальд, встречались с приезжавшими тайно именитыми и богатыми далласцами. В задних комнатах вертепа Руби накануне преступления шли долгие совещания. Сам же Руби оказался в центре внимания после того, как именно ему было поручено обрубить важную нить, убив только что арестованного и еще не успевшего дать показания Освальда. Непонятным образом пройдя через все оцепления, минуя охрану, Руби на следующий же после гибели президента день проник в полицейский участок, где содержался под охраной предполагаемый убийца президента, и на глазах у всех, в упор разрядил свой пистолет в Освальда.

Но это было потом. А за восемь дней до убийства Кеннеди в принадлежащем Джеку Руби кабаре «Карусель» состоялась одна из тех таинственных встреч, которая, по мнению многих, была важным звеном в подготовке преступления. К участию в этой встрече по разным причинам были привлечены журналисты Уильям Хантер и Джеймс Кёте, а также юрист Том Говард, впоследствии взявший на себя роль адвоката Руби. Говард первый разговаривал с Руби после убийства Освальда. В беседе с глазу на глаз Руби рассказал ему обо всем происшедшем, а Говард давал своему подзащитному советы, какие признания делать, а чего говорить не следует.

Вскоре после этого много знавший адвокат внезапно для всех родных и соседей умер от «инфаркта», хотя никогда прежде на сердце не жаловался. Сама по себе смерть эта особого внимания не привлекла бы, если бы ею не был открыт длинный список таинственных смертей, обязательно касавшийся людей, которые могли бы пролить свет на заговор.

Следующей в этом зловещем списке была смерть Хантера.

По приглашению полицейских чинов этот участник тайной встречи в «Карусели» зашел в здание далласского полицейского управления. Через несколько минут к зданию подъехала машина «скорой помощи», куда было перенесено тело Хантера с простреленной головой. Как свидетельствует официальный доклад по этому поводу, «имел место несчастный инцидент в результате случайного выстрела полицейского агента, который в тот момент играл со своим коллегой в сыщиков и разбойников». Это выглядело бы скверной шуткой, если бы под издевательской шутовской бумагой не стояли подписи высокопоставленных далласских чинов, не в шутку удостоверенные вполне серьезной печатью.

Еще один участник встречи в «Карусели», журналист Кёте, был найден утром в своей спальне с переломанными шейными позвонками. Убийца не найден. На сей раз официальных версий не последовало.

Жена Томаса Киллэма не была принята в высшем свете Далласа, хотя многие представители этого света знали ее достаточно хорошо. В кабачке Руби она была эстрадной звездой. Ее супруг не был чрезмерно щепетилен, ибо бизнес жены давал ему возможность существовать безбедно, не затрудняя заботами о хлебе насущном. Много часов каждый день на протяжении нескольких лет проводил Киллэм в «Карусели», хорошо знал Руби, Освальда и других посетителей и завсегдатаев кабаре, их делишки, связи. Видимо, даже слишком хорошо. Очевидно, поэтому, при загадочных обстоятельствах, в марте 1964 года он вдруг взял да и ни с того ни с сего «выпал» из окна и разбился насмерть.

Его легкомысленная супруга, носившая отнюдь не легкомысленное имя Далила, навеки замолчала еще раньше, получив пулю в затылок. И на сей раз убийца найден не был, мотивы преступления не выяснены, и под могильный камень был упрятан еще один нежелательный свидетель.

Подружка Далилы Киллэм — Ненси Муни, тоже танцовщица из «Карусели», в качестве ценной свидетельницы была задержана далласской полицией и помещена в тюремную камеру якобы для того, чтобы с ней ничего не случилось. Через несколько дней было сообщено, что танцовщица повесилась в тюремной камере. На все вопросы репортеров следовал ответ — «никаких комментариев».

Злоключения артистов «Карусели» на этом не кончились.

Доверенным лицом Джека Руби был исполнитель шансонеток Карен Карлин. Он был последним человеком, с кем Руби о чем-то разговаривал, запершись в задней комнате кабаре, перед тем как отправиться в полицейский участок и застрелить Освальда. О чем шла речь во время этой беседы и что поведал Руби своему закадычному другу, никто уже не узнает. Карлин был убит несколькими выстрелами из пронесшейся мимо него на бешеной скорости автомашины. Как и во всех предыдущих случаях, убийцы найдены не были.

Эрлин Робертс не имела отношения к вертепу Руби. Она была скромной домовладелицей. На ее беду, именно в ее доме снимал комнату Ли Харви Освальд. В первые же сумбурные дни миссис Робертс поведала нагрянувшим к ней журналистам: «В то время как Освальд переодевался в своей комнате после смерти президента, к нашему дому подъехала полицейская машина и, просигналив два раза, удалилась. После этого Освальд сразу же вышел из дома». Опрометчиво сказанные слова о полицейской машине, очевидно, и стоили Эрлин Робертс жизни. Она скончалась от «внезапного сердечного приступа», так больше ничего и не успев поведать журналистам.

Надо сказать, что длинные руки далласского подполья дотянулись и до тех журналистов, которые осмелились проявить неуместное любопытство. В списке таинственных и до сего дня не объясненных смертей мы находим и несколько журналистских имен, причем каждый раз из тех представителей американской печати, которые пытались докапываться до истины, встречаться и расспрашивать людей, способных пролить какой-либо свет на тайну убийства президента.

Дороти Килгален при жизни была известна своей редкой журналистской удачливостью. Трудно сказать, каким образом, но она ухитрилась, единственная из всех своих коллег, в первые же дни после ареста Руби проникнуть в тюрьму и побеседовать с ним с глазу на глаз. Вечером того же дня она имела неосторожность сказать коллегам: «Еще пять дней — и я расскажу об этой истории всё». Дороти Килгален не рассказала никому ничего, потому что именно на пятый день, вернее — ночь, она умерла в собственной квартире. Причина смерти не установлена, объяснения не даны.

Уильям Уоли сидел за рулем того самого такси, в которое вскочил Освальд через несколько минут после роковых выстрелов. Что произошло по дороге к дому, где Освальд, по свидетельству своей квартирной хозяйки, переоделся и вышел,

услышав сигналы полицейской машины, достоверно неизвестно. Установлено только, что именно в этот короткий промежуток погиб еще один важный свидетель — полицейский Типпит, также один из участников пресловутого совещания в «Карусели». По имеющему хождение объяснению, он был застрелен Освальдом из такси. Зачем? Водитель этого такси Уоли тоже вскоре погиб в автомобильной катастрофе, когда в его машину на полной скорости врезался тяжелый грузовик.

Как мы видим, в нескольких случаях, сработанных в достаточной степени грубо, без труда проглядывают уши далласской полиции. Не уголовного подполья, не гангстеров и профессиональных убийц, а именно полиции. На это обстоятельство следует обратить сугубое внимание, ибо оно имеет самое прямое и непосредственное отношение к нашему рассказу. Вряд ли нужно особо доказывать, что самый богатый человек Далласа имеет достаточно возможностей как для того, чтобы держать в городской полиции своих людей, так и для того, чтобы оказывать на ее действия вполне ощутимое и в достаточной степени эффективное влияние.

Было бы неправильно, наверное, утверждать, что все чины далласской полиции употребляют свои усилия для того, чтобы помешать выяснению истины. Фрэнк Мартин был капитаном полиции города Далласа. Будучи одним из свидетелей происшедшего, участником ареста Освальда, а затем и Руби, он был вызван в Вашингтон в следственную комиссию для дачи показаний. Когда были заслушаны его ответы на подготовленные комиссией вопросы, у капитана Мартина осведомились, не желает ли он сообщить еще что-нибудь. «Я бы сказал кое-что,— ответил он не без очевидного колебания после долгой паузы,— но при непременном условии, что вы этого не будете записывать».

Фрэнк Мартин хорошо знал нравы своего города. Совесть побуждала его сообщить членам комиссии нечто, по его мнению, существенное, но, зная, чем рискует, он просил не протоколировать его ответ. «В таком случае,—неожиданно услышал он,— вам лучше ничего не говорить». Не правда ли, странное отсутствие любознательности, а говоря серьезно, элементарное нарушение профессионального долга со стороны тех, от кого требовалось выяснение истины? Таинственным образом далласские власти оказались осведомленными об этом эпизоде. А дальше все покатилось по уже прото404енной дорожке. Через два дня после разговора в комиссии Мартина, несмотря на

его возражения, доставили в Парклендский госпиталь города Далласа. После беглого осмотра ему было заявлено, что у него обнаружен «молниеносно прогрессирующий рак». Через три дня капитан далласской полиции Фрэнк Мартин был мертв.

Хочу обратить внимание читателей на то обстоятельство, что именно таким же был диагноз эскулапов о причине смерти самого Джека Руби, пожалуй главного свидетеля обвинения, человека, который был не просто винтиком в сложной машине заговора, но, скорее всего, одним из главных рычагов, во всяком случае, той его части, которая касалась практической организации преступления. Исступленно спасая свою шкуру, Джек Руби, находясь в тюрьме, использовал все средства — от мольбы до угроз разоблачения своих хозяев.

В сентябре 1965 года нескольким журналистам была предоставлена возможность встретиться с пребывавшим в камере смертников убийцей Освальда. Организаторы этого необычного интервью преследовали цель рассеять подозрения общественности, но постарались сделать так, чтобы Руби не сказал лишнего. Тем не менее, обманув бдительность стражи. Руби исхитрился и сделал заявление для печати. Он, в частности, сказал, что факты, связанные с убийством президента Кеннеди, никогда не будут разглашены, «потому что этого не хотят люди могущественные и занимающие высокие посты». Присутствовавший при беседе адвокат Руби Сол Данн пытался не дать ему говорить, но Руби резко сказал ему: «Оставьте меня в покое, я знаю, что делаю».

Судя по всему, он действительно знал, что делал. Один из многих участников заговора, исполнитель чьей-то воли, этот далласский кабатчик был превращен в козла отпущения и водворен в камеру смертников. И он воспользовался первой же представившейся ему возможностью, чтобы угрожать сенсационными разоблачениями. Он их не сделал, но дал понять, что в борьбе за свою шкуру прибегнет к этому, если его не вызволят.

Это обстоятельство объясняет, казалось бы, непонятную медлительность с приведением в исполнение смертного приговора, вынесенного Руби. Действительно, дело будто бы проще простого: на глазах охраны, среди бела дня Руби застрелил Освальда, и это на экранах своих телевизоров видели миллионы американцев, ибо в тот момент из Далласа на всю Америку шла прямая трансляция. Улики убийства налицо, и посадить в этих условиях на электрический стул слишком много знаю-

щего, а потому нежелательного свидетеля легче легкого. Ан нет, дело тянется, и Фемида не спешит вершить правосудие.

Почему? Не потому ли, что кто-то опасался разоблачений Руби, боялся того, что в тот момент, когда он поймет, что казнь неотвратима и ему нечего уже терять, он заговорит. В таком случае логично было не отнимать у смертника надежды на спасение до последнего момента и покончить с ним не путем официальной казни, а как-либо иначе.

Руби чувствовал неладное. В течение всех месяцев своего заключения, до суда и после него, главная просьба, истерическая мольба Руби звучала одинаково: «Увезите меня из Далласа. Содержите меня в тюрьме любого другого города. Здесь меня все равно убьют». Во время допросов в следственной комиссии, происходивших в том же Далласе, Руби, рыдая, молил членов комиссии: «Здесь я не могу говорить. Увезите меня в Вашингтон, и я расскажу все».

До тех пор пока Джек Руби, один из тех, кто наверняка немало мог бы рассказать о тайных пружинах заговора, находился на попечении далласских властей, заговорщики могли быть спокойны: Руби ничего не скажет. А если даже и скажет, его не услышат.

Но скандальные действия властей Далласа и тех, кто помогал им в сокрытии истины, вызвали широкие требования заново заслушать дело Руби, причем изъять его для этого из-под опеки далласских властей. Уже было объявлено, что новое судебное разбирательство должно состояться весной 1967 года в городе Уичито-Фоллс, куда Руби будет доставлен из далласской тюрьмы.

Однако не так-то просто справиться с далласской мафией. Было ясно, что выпустить Руби из своих рук она не пожелает. Так и случилось. В последние дни 1966 года тюремщики объявили ему, что для «медицинского обследования» его переводят в госпиталь. До этого в течение многих месяцев Руби находился под неусыпным медицинским наблюдением, однако чуть ли не ежедневные и систематические обследования его не обнаруживали ничего подозрительного.

Узник почувствовал неладное. Его беспокойство приняло вскоре форму паники, нашедшей выражение в непрерывных истериках, когда сразу же после того, как он был водворен в отдельную, тщательно охраняемую палату госпиталя, еще до всякого «обследования», ему стали делать по многу раз в сутки какие-то инъекции. Через несколько дней последовал диаг-

ноз: «стремительно прогрессирующий рак легких». Болезнь протекала молниеносно, и утром 3 января 1967 года навсегда замолчал один из важнейших свидетелей. Даллас не выпустил его из своих смертельных объятий, и он навеки остался в этом страшном городе, унеся свои тайны в далласскую землю.

Страшный круг замкнулся. Гору трупов нагромоздили таинственные и всесильные далласские владыки, хозяйничающие в американских каменных джунглях так же свирепо, как злобные хищники в девственных зарослях. Здесь один закон — закон силы, а силу в сегодняшней Америке дают деньги: чем больше денег, тем больше силы.

И что характерно: так называемая «большая печать Америки», иной раз поднимающая истошный вопль по поводу где-то и кем-то «попираемой демократии», в этом случае, впрочем как и во многих других, проявила олимпийское спокойствие и полную невозмутимость. Среди бела дня пристрелили президента, затем один за другим гибнут люди, которые могли бы помочь выяснению истины, а «поборники демократии» в лучшем случае ограничиваются соболезнующими воздыханиями, а то и вовсе помалкивают.

Видимо, эта вакханалия произвола вполне подходит под их понимание демократии.

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Говорят, что преступника всегда тянет на место совершенного им преступления. Трудно сказать, какие непознанные силы, какие психологические флюиды движут им в момент, когда он с замирающим от животного страха сердцем, с патологическим любопытством, пересиливающим этот страх, и с каким-то тайным сладострастием взирает на место, которое было свидетелем его темного деяния.

Кто объяснит, с какой целью в один из светлых осенних дней 1965 года Гарольд Хант пригласил посетивших его деловой кабинет журналистов сесть в лифт и подняться на обзорную площадку, расположенную на крыше 50-этажного здания, где находится его контора?

С крыши открывался внушительный вид большого города. Люди — точки, машины, не больше спичечного коробка, дело-

вито сновали по городским улицам. Скрипучим, каким-то ржаво-металлическим голосом, обратившись к присутствующим, Хант произнес:

— Посмотрите туда, джентльмены! Видите то кирпичное здание? Нет, не там, глядите левее, в направлении этой серой ленты шоссе. Нашли? Именно здесь два года назад застрелили Джека Кеннеди.

Воцаряется напряженная тишина, какая бывает в цирке, когда под его куполом на тонкой проволоке балансирует канатоходец. Чтобы разрядить напряжение, уменьшить неловкость, возникшую после его слов, Хант, преувеличенно громко вздохнув, цедит что-то по поводу того, что смерть Кеннеди была «ужасной трагедией для страны».

Правда, благочестивого сочувствия хватает ненадолго. Вскоре Ханта прорывает, и он, не очень даже пытаясь скрыть злобу, от которой его тонкий голос звучит совсем уже фальцетом, говорит о том, что Кеннеди, хотел он того или не хотел, оказался предателем Америки.

— Он проворонил Кубу,— бросает миллиардер, и тусклые, выцветшие его серо-голубые глаза полыхают вдруг недобрым огнем.— Он натворил немало и еще больше бы натворил, если бы...— Хант вдруг умолкает как бы обрывая себя на полуслове.

Искусный лицедей, владеющий каждым мускулом своего лица, на сей раз Хант не в состоянии скрыть клокочущую в нем ненависть.

Как ни прячутся концы далласского преступления, как ни осторожно, рассчитывая каждый свой шаг, действовали и осенью 1963 года, и все последующее время сам Хант и его выводок, кое-что постепенно всплывает наружу, заставляет задуматься, анализировать, сопоставлять. Давайте же рассмотрим некоторые из этих фактов и поразмыслим над ними.

Одним из интимных и закадычных друзей Гарольда Ханта уже много лет является некто Тэд Дили, тучный человек с астматической одышкой, вечно лоснящимся от пота лицом и в темных очках, которыми он прикрывает беспрестанно бегающие, заплывшие жиром глазки-буравчики. Он владелец одной из крупнейших в хантовской вотчине газет—«Даллас морнинг ньюс». И вот выясняется, что этот самый хантовский приятель Дили за месяц и пять дней до убийства президента неожиданно снимается с места и вылетает из Далласа в Вашингтон.

Там, пустив в ход все свои и не только свои связи, он добивается приглашения на завтрак в Белом доме, который Кеннеди давал для нескольких представителей прессы.

Как рассказал потом известный американский журналист Чарльз Бартлетт, тоже присутствовавший на этом завтраке, за столом произошел эпизод беспрецедентный и скандальный. К удивлению оторопевших участников приема, нарушая этикет и элементарные приличия, Дили принялся в грубой и развязной форме выговаривать президенту по поводу его политики. Свою нарочито наглую тираду хантовский приятель закончил выходкой, которая граничила уже с прямым оскорблением.

«Вы, господин президент, вместо того чтобы стать лидером на коне, тащитесь на грязной телеге»,— заявил Дили, имея в виду отказ Кеннеди от дальнейших авантюр против Кубы.

«После слов Дили,— рассказывает Бартлетт,— за столом наступило гробовое молчание, продолжавшееся довольно долго. Президент, глубоко возмущенный, явно пытался овладеть собой. Наконец после паузы Кеннеди ответил с достоинством, тихим голосом:

«Разница между вами и мной, господин Дили, заключается в том, что не вы были избраны президентом Соединенных

•ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ•

благотворительность напоказ



Хитрая штука эти самые «фонды». Как-то в Чикаго, куда меня пригласили американские коллеги, журналисты чикагского телевидения, речь зашла о «фонде Форда».

— Вот вы, коммунисты, утверждаете, что капиталисты грабят трудящихся,— обращаясь ко мне, сказал один из китов местной журналистики.— Хотите, я вам приведу пример, который убедит вас в том, что вы смотрите на вещи крайне односторонне?

Через несколько минут мы подъехали к современному зданию из стек-

Штатов, а я и что не вы несете ответственность за жизнь ста восьмидесяти миллионов американцев, а я».

А затем, все-таки не сдержавшись, бывший морской офицер, не скрывая сарказма, заявил, что он на своем веку видел немало людей, которым нравится война до тех пор, пока они ее не попробовали. А когда такие вояки увидят ее вблизи, она им очень скоро надоедает.

«Говорить о войнах,— закончил отчитывать Кеннеди посланца Ханта,— значительно легче, чем воевать».

Больше на протяжении завтрака президент ни разу не обратился к Дили и простился с ним более чем холодно».

Следующие два факта, относящиеся к тому же Дили, имели место пять недель спустя, а именно в тот роковой день 22 ноября 1963 года. В этот день принадлежащая именно Дили газета поместила на видном месте объявление, обведенное жирной траурной каймой и цинично-издевательски озаглавленное «Добро пожаловать, господин Кеннеди, в Даллас». Развязный текст, заключенный в траурную рамку, содержал почти не замаскированное подстрекательство к расправе с президентом, а траурная рамка выглядела как намек недвусмысленный и, как показали следующие события, пророче-

•ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ•

ла и алюминия, вывеска перед входом в которое гласила, что здесь обосновался медицинский научно-исследовательский институт.

— Этот институт основан «фондом Форда» и существует на деньги, которые «фонд» представляет в его распоряжение. Заметьте,— продолжал мой собеседник,— никакой прибыли семейство Фордов от этого не получает. Оно вкладывает сюда большие деньги исключительно ради гуманных соображений.

Институт был действительно отменный: хорошо оборудованные лаборатории, светлые палаты, где больных лечили при помощи новейших методов. Но при ближайшем рассмотрении все оказывается не таким уж радужным, как это рисовалось журналистам, поднаторевшим в расписывании прелестей капиталистической системы, а Форды — не такими уж бескорыстными добряками.

Начать с того, что и «фонд Форда», и «фонд Рокфеллеров», и еще два-три десятка такого же рода «фондов» появились на ниве американского бизнеса отнюдь не благотворительности ради. В американском налоговом законодательстве имеются статьи, по которым из наследства, оставляемого обладателем капитала своим близким, в виде налога изымаются до-

ский. Впрочем, дело, судя по всему, было не в ясновидении, а в информированности.

Подписав в печать номер с траурным объявлением, Дили остался в редакции, и вскоре к нему в кабинет, как свидетельствуют очевидцы, явился... Как вы думаете — кто? Владелец «Карусели» Джек Руби. Если и совпадение, то, прямо скажем, знаменательное совпадение!

Пойдем дальше. То, что провокационная выходка на приеме у президента и подстрекательское объявление в диливской газете не случайное совпадение, а элементы единой и продуманной кампании, подтвердилось последующими событиями. Дили трудился не покладая рук и с завидной целеустремленностью. Он, в частности, печатает тысячи листовок, которые раздавались прохожим на далласских улицах накануне прибытия президента. На этих листовках были помещены два фотоснимка президента: один анфас, другой в профиль. Таким точно манером, каким это делают в досье уголовных преступников. Под фотоснимками стояла подпись: «Разыскивается по обвинению в государственной измене».

Одним из обычных доводов тех, кто пытается отрицать наличие заговора с целью убийства Кеннеди, является аргумент

•ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ•

вольно большие суммы. Когда старый Генри Форд почувствовал, что дни его сочтены, он вознамерился обмануть закон. С этой целью он прибег к лазейке, существующей в правилах обложения налогами. Лазейка эта состоит в том, что деньги, переданные в так называемый «благотворительный фонд», не подлежат никакому налогообложению.

Создав «фонд Форда» и передав в его распоряжение немалую толику своих капиталов, автомобильный король убил несколько зайцев. Во-первых, он сохранил в руках своего семейства десятки миллионов долларов, которые в противном случае перешли бы в государственную казну. Во-вторых, организовав соответствующим образом структуру и механизм «фонда» и поставив во главе его своих внуков, он превратил этот «фонд» в своего рода финансовый резерв, из которого в любой момент фордовские наследники могут черпать деньги для финансирования своего бизнеса. В-третьих, раздувая невероятную рекламную шумиху в связи с учреждениями вроде того, которое было мне продемонстрировано в Чикаго, руководители фордовского королевства стремятся предстать перед своими согражданами не как эксплуататоры-грабители, а как некие бес-

о том, что если для исполнения замысла одиночки достаточно было только накануне узнать маршрут президентского кортежа по далласским улицам, то для тщательной организации нужно несколько дней, а далласские власти хранили в секрете этот маршрут. Однако из протокола совещания, состоявшегося у губернатора Техаса Коннэли за много дней до прибытия президента в Даллас, где уточнялись все детали, связанные с визитом, мы узнаем, что среди участников совещания был сын Дили — Джозеф, который был таким образом в курсе всего, в том числе и маршрута президентской кавалькады.

Быть может, кто-нибудь скажет, что все эти аргументы лишь косвенно говорят о причастности хантовского семейства к далласским событиям? Что ж, есть и попрямее. Траурное объявление, опубликованное в «Даллас морнинг ньюс» всего за несколько часов до роковых залпов, привлекло в дни расследования большое внимание. Естественно поэтому, что для следствия немаловажным был ответ на вопрос, чьих рук это дело, кто стоит за публикацией объявления.

Мимо этого немаловажного обстоятельства не могла пройти расследовавшая убийство комиссия. И вот что она установила: объявление было оплачено весьма щедро, в кассу газеты

·ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ·

сребреники, пекущиеся исключительно о благополучии ближних. И наконец, в четвертых, различного рода научные и другие учреждения, на финансирование которых уходит некоторая часть из фордовских миллионов, тоже учреждения далеко не благотворительные. Результаты научных изысканий, проводящихся в стенах этих учреждений, становятся собственностью все тех же Фордов, с лихвой возвращая им все затраты.

Точно так же дело обстоит и с другими «фондами», носящими имена королей американского капитала. Так показуха благотворительности оборачивается все тем же стяжательством.

внесено 1463 доллара. Деньги внес член общества Джона Бэрча некий Джо Гриннен. Его допросили, и он показал, что деньги для публикации объявления были им получены от трех техасских бизнесменов. Вот их имена — Эдгар Р. Крисси, Х. Р. Брайт и НЕЛЬСОН БАНКЕР ХАНТ. Да, да, Хант. Хант-младший, сын Гарольда Лафайетта Ханта.

Это уже обстоятельство, имеющее не косвенное, но прямое отношение к далласскому убийству.

Вся тщательно подготовленная и продуманная подстрекательская пропаганда, наличие которой само по себе отвергает версию об убийце-одиночке, направлялась организационным центром, присвоившим себе название «Американский следственный комитет». Нам неизвестен полный состав этого «комитета». Но два деятеля, об участии которых в «комитете» стало известно, дают богатую пищу для размышлений. Один из них — далласский главарь общества Джона Бэрча, наиболее фашистской из всех сегодняшних фашистских организаций Америки. Другой — все тот же Нельсон Банкер Хант, сын и наследник Гарольда Ханта.

Это уже аргументы не косвенные. А вот факт, относящийся и к самому Гарольду Ханту.

О нем рассказал американский публицист Альфред Бёрке, осенью 1961 года случайно оказавшийся в гостях на вилле Ханта. По словам Бёрке, Хант тогда яростно обрушился на президента, понося его последними словами, обвиняя в намерении сокрушить его, хантовский, бизнес. Особенно поразила Бёрке следующая тирада миллиардера, которую он тогда же записал в свой блокнот. «Иного пути нет,— заявил Хант.— Чтобы избавиться от предателей, засевших в нашем правительстве, нужно всех их перестрелять».

Может возникнуть вопрос: что же, сам Хант или кто-нибудь из его сыновей стреляли в Кеннеди?

Нет, конечно. Обладателю миллиардного состояния в Америке совершенно не обязательно выходить на дорогу с пистолетами в руках. На этот счет в Америке существует целая индустрия убийств. Она организована с большим размахом и построена по принципу промышленной корпорации. К услугам обладателя тугого кошелька все: наводчики и взломщики, налетчики и убийцы, причем в любом количестве. Убийцы-одиночки, убийцы, сведенные в группы и целые батальоны снайперов. Тщательно разработаны и организованы тайные маршруты, по которым после совершения преступления убийца или

убийцы переправляются из-под носа у полиции в другие страны и прячутся очень тщательно.

Есть в этой корпорации убийств и так называемые «чучела» — люди, которым надлежит попасться в руки полиции. Им заранее отводится такая роль. Они должны дать себя арестовать с тем, чтобы отвлечь внимание следствия от организации. Их ждут длительные сроки тюремного заключения, но по выходе из тюрьмы они получают крупное вознаграждение. В случае же, если такое «чучело» сажают на вполне реальный электрический стул, это вознаграждение передают его семье.

Одним словом, все разработано до мельчайших подробностей. Есть даже прейскурант. Так, скажем, известно, что за убийство журналиста корпорация взимает гонорар в 5 тысяч долларов. Бизнесмен стоит 10 тысяч. Президент крупной фирмы — 100 тысяч, и так далее.

Корпорация убийств возникла в Америке еще в конце 20-х годов. Тогда же были разработаны многие ее приемы. Скажем, таинственно исчезал человек. Его искали повсюду, но не могли найти. А между тем он был похоронен при большом стечении публики, правда не знавшей об этих похоронах. Делалось это так. Члены гангстерской шайки, изобретшей этот чудовищный способ, приобрели в нескольких городах Америки конторы по продаже похоронных принадлежностей. Путем назойливой рекламы они ввели в моду необычного вида гробы — пузатые и на высоких ножках. Никто не знал, что гробы эти не простые, а с двойным дном. Похищенный накануне гангстерами человек, после того как его убивали, запрятывался в потайное отделение этого гроба, а сверху клали усопшего гражданина. Ни родственники покойного, ни его друзья не догадывались, что в могилу опущен не один, а два трупа. Этот прием лишь случайно стал известен много лет спустя.

С тех пор индустрия убийства еще более усовершенствовалась, приобрела огромный размах. Ежегодно тысячи американцев исчезают бесследно. О размахе организованной преступности в Америке можно судить по тому, что, как стало известно, доход гангстерского подполья Америки составляет гигантскую сумму — 40 миллиардов долларов.

Так что к услугам Ханта поднаторевшие в своем деле убийцы. Правда, такое преступление, как, к примеру, далласское, идет, очевидно, по особой таксе. Но Гарольду Ханту и это по карману... В преддверии съезда демократической партии 1960 года Хант активно действовал в пользу Линдона

Джонсона, стремясь добиться выдвижения последнего на президентский пост. Когда выявилась перспектива выдвижения кандидатуры Кеннеди, Хант решил сыграть на антикатолических предрассудках большинства делегатов, принадлежащих к протестантской вере. По его наущению духовник хантовского семейства, преподобный Крисуэлл, накануне съезда составил пылкое обращение ко всем протестантам Америки, в котором утверждалось, что избрание президентом католика Кеннеди будет означать торжество дьявола и смертельный удар по истинной церкви.

Это обращение на деньги Ханта было отпечатано в миллионах экземпляров и разослано по всей Америке. Правда, сам Хант утверждает, что он не знал ничего об обращении, что оно было отпечатано и разослано без его ведома, по указанию одного из его служащих. Каждому, кто знаком с постановкой дела в хантовском логове, очевидна вздорность такого объяснения: без ведома Ханта в его империи не происходит ничего.

А в дни съезда, по признанию самого Ханта, он обосновался в гостинице рядом со зданием, где заседали делегаты, и собственноручно каждый день составлял для Джонсона меморандумы, в которых высказывались советы и пожелания на тему о том, как Джонсону надлежит себя вести.

— Если бы Линдон неукоснительно следовал моим советам,— без лишней скромности говорил Хант,— Кеннеди ни за что не удалось бы его обставить. Кстати, именно я посоветовал Джонсону, после того как кандидатура Кеннеди была выдвинута, согласиться на второе место в списке и принять предложение о вице-президентстве...

Мы уже говорили о подозрительных обстоятельствах, связанных с ролью в событиях 22 ноября 1963 года одного из сыновей Гарольда Ханта — Нельсона.

Не так давно выяснилось, что некоторые нити ведут и к другому хантовскому отпрыску — Ламару Ханту, не перенявшему от отца деловой изворотливости, но унаследовавшего страсть к авантюрам, азарт игрока и занимающего пост одного из руководителей американской футбольной лиги.

Показаниями свидетелей установлено, что за несколько дней до убийства президента все тот же Джек Руби, владелец «Карусели», проследовал в контору Ламара Ханта, где провел с глазу на глаз с сыном миллиардера довольно продолжительное время.

Совпадение, могут сказать. Не много ли совпадений кряду?

И почему все эти совпадения возникают не где-нибудь, а вокруг Ханта и его отпрысков?

Но и это еще не последнее звено в цепочке.

Утром, перед самым убийством президента, Джек Руби беседовал с хантовским приятелем Дили в редакции газеты, только что вышедшей с провокационным объявлением, обведенным траурной рамкой. Казалось бы, что могло быть общего между претендующим на респектабельность, богатым, вхожим в дом далласской знати Дили и вульгарным владельцем подозрительного ночного заведения? А вот поди ж ты! А когда через несколько дней после убийства Освальда Руби был схвачен и на его квартире произвели обыск, среди бумаг обнаружили толстую пачку хантовских пропагандистских материалов, в том числе два сценария, предназначавшихся для передачи радиостанций Ханта. Возникает вопрос: какое отношение имеет владелец кабаре к радиовещанию и не потому ли у него оказались дома эти материалы, что Руби как-то связан с Хантом?

За восемь дней до убийства президента, а именно 14 ноября, в задних комнатах принадлежащего Джеку Руби кабаре «Карусель» состоялась знаменательная встреча, в которой участвовали Руби, некий Бернард Вейсман, человек, привлекающий внимание следствия как, возможно, имеющий отношение к делу, полицейский Дж. Типпит, убитый на одной из далласских улиц при весьма странных обстоятельствах, через 45 минут после убийства президента (обвинение в убийстве Типпита было предъявлено Освальду), и ЕЩЕ ОДНО ТАИНСТВЕННОЕ ЛИЦО. В американской печати промелькнуло сообщение о том, что руководитель комиссии, расследовавшей убийство, председатель Верховного суда Эрл Уоррен, допрашивая Руби, назвал этого таинственного «некто» богатым нефтепромышленником. Вот оно, ключевое звено.

Стремясь запутать следствие и представить совещание в «Карусели» чуть ли не невинной встречей закадычных друзей, Руби на следствии поначалу утверждал, что никакой связи между этим совещанием и предстоящим приездом президента не было, но под конец заврался и стал противоречить самому себе. Однако никакими клещами у него невозможно было вытащить подробности об этой внезапно выплывшей детали: кто же этот таинственный богатый нефтепромышленник. «Тайна, окружающая нефтепромышленника,— заявила газета «Нью-Йорк джорнэл Американ»,— еще не разгадана, и она давит

на совесть тех, кто хочет, чтобы в полном и всестороннем расследовании одной из величайших в американской истории трагедий ни одного вопроса не осталось без ответа».

Пока что следствие оставило этот вопрос без ответа. Конечно, прямых улик все еще нет, но, с точки зрения автора этих строк, отнюдь не исключено, что они появятся. Впрочем, судя по всему, кое о чем догадываются, причем с первых же часов после убийства президента, и те, кому сие ведать надлежит в Америке. Догадываются и помалкивают.

Почему я думаю, что догадываются? Извольте. Вот что произошло всего несколько часов спустя после того, как раздались роковые выстрелы. Еще тело скончавшегося президента находилось в далласском госпитале, еще его вдова, потрясенная горем, не сняла обрызганного кровью мужа костюма, еще не была обнародована официальная версия об убийстве, еще метались по улицам Далласа полицейские и переодетые детективы, а агенты всемогущего ФБР уже стучались в наглухо запертые двери особняка Гарольда Ханта на далласской окраине.

Нет, они явились сюда не для того, чтобы арестовать миллиардера. Миллиардеров в Америке не арестовывают. Они пришли в хантовский дом даже не для того, чтобы задать ему кое-какие вопросы, хотя такие вопросы, на мой взгляд, были просто необходимы. Полные почтительного благоговения, они явились сюда для того, чтобы предложить Ханту немедленно скрыться из города.

Одним словом, той же ночью специальным самолетом Гарольд Лафайетт Хант с чадами и домочадцами отбыл в город Балтимору, где в течение многих недель после убийства Кеннеди, под недреманной охраной полицейского ока, в обстановке строжайшей тайны и секретности, пережидал бурю. Факт этот мало кому известен даже в Америке и тем более показателен! Если бы не было многого другого, уже одного этого факта достаточно для того, чтобы всерьез задуматься о роли Гарольда Лафайетта Ханта — техасского владыки и миллиардера, так и о деятельности, в этом случае гуверовского Федерального бюро расследований, о связях, целях, мотивах и ответственности в далласском преступлении.

ЗАГОВОР „68"

А что стоит за убийством Роберта Кеннеди? Имел ли место и на сей раз заговор? Или перед нами трагическая случайность, выходка террориста-одиночки, сводившего с сенатором какие-то неведомые личные счеты, или, того проще, акт одержимого какой-то манией, психически неполноценного человека? А если заговор имел место, то кто стоял за спиной исполнителей, не тянутся ли нити зловещей паутины туда же, куда ведут нити далласского убийства?

Точно также, как и в случае с убийством президента Джона Кеннеди, американские власти, расследуя убийство его брата, не пожалели усилий для того, чтобы представить дело таким образом, будто речь идет не о заговоре, а о дикой выходке полуневменяемого одиночки, сводившего с Робертом Кеннеди личные счеты.

Уже через несколько часов после убийства Роберта Кеннеди министр юстиции и генеральный прокурор Соединенных Штатов Рамсей Кларк, не дожидаясь материалов расследования, с подозрительной поспешностью поторопился заявить, что никакого заговора не было и речь идет об одиночном преступлении.

Напрасно суетился генеральный прокурор, напрасно с неприличной, не соответствующей высокому его положению поспешностью объявил об отсутствии заговора.

Прошло немного времени, и факты, которые, как известно, трудно долго утаивать, стали наносить одну брешь за другой тщательно сфабрикованной официальной версии, гласящей, что единственным убийцей Роберта Кеннеди был Сирхан Сирхан.

Летом и осенью 1971 года достоянием гласности стали обстоятельства, серьезно подорвавшие веру американской общественности в то, что ей было преподнесено властями. Стало известно, что врач лос-анджелесского госпиталя Ногучи, производивший вскрытие тела Роберта Кеннеди после его смерти, установил, что пуля, попавшая в шею сенатора ниже правого уха и оказавшаяся для него роковой, была выпущена из пистолета, находившегося на расстоянии от цели не более чем в семи-восьми сантиметрах. При этом роковой выстрел был произведен сзади. Показания всех свидетелей говорят о том, что Сирхан Сирхан находился, во-первых, не меньше чем в

двух-трех метрах от Кеннеди, а во-вторых, не сзади, а спереди.

Кто же был тогда настоящим убийцей, кто находился сзади и сделал смертельный выстрел? Выясняется, что лос-анджелесской полиции это было известно. В день убийства Роберта Кеннеди ею был допрошен в качестве одного из свидетелей корреспондент лос-анджелесского телевидения Д. Шульман, находившийся на месте преступления. Журналист заявил, что своими глазами видел, как приставленный местными властями к сенатору Кеннеди охранник Т. Сизар, стоявший за его спиной, почти вплотную к нему, как только Сирхан Сирхан открыл стрельбу, выхватил из кармана пистолет и в упор выстрелил в человека, которого ему было поручено охранять.

По неизвестным причинам следствие не пожелало приобщить к делу показания этого важнейшего свидетеля, а Сизар после короткого допроса в полиции был выпущен. Небезынтересно отметить, что Сизар известен в Лос-Анджелесе как один из самых ярых приверженцев Джорджа Уоллеса, активного расиста и фашиста.

Почему же его личность не привлекла внимания следствия? Это не единственное почему, возникающее у тех, кто знакомится с ходом следствия по делу об убийстве Роберта Кеннеди. Власти Лос-Анджелеса, к примеру, вынуждены были признать факт хищения некоторых важнейших документов из папок со следственными материалами. Они объясняли это «случайной небрежностью». Трудно сказать, на кого рассчитано такое объяснение. Тягчайшее преступление, всколыхнувшее Америку, привлекшее внимание всего мира, и «небрежность», в результате которой из следственного дела исчезают важнейшие документы!

В качестве веского доказательства на процессе Сирхана фигурировал пистолет с серийным номером 53725, который и был приобщен к делу об убийстве сенатора. В документах же экспертизы, находящихся в том же деле, говорится о том, что на месте преступления обнаружены гильзы, принадлежавшие пистолету с серийным номером 18602. Это явное несоответствие также не привлекло внимания следствия.

Прошло оно и мимо других фактов, которые не подтверждали официальной версии. А в тех случаях, когда факты эти обойти было невозможно, когда появлялись опасные свидетели, их постигала такая же судьба, какая выпала на долю сви-

детелей, нежелательных для организаторов преступления в Далласе.

Так, в день убийства Роберта Кеннеди полицией был задержан некий Криспин Гонсалес. Вскоре стало известно, что он дал показания, не совпавшие с версией следствия. Прошло несколько дней, и было заявлено, что Гонсалес повесился в тюремной камере.

Нет, явно не сходятся концы с концами у тех, кто пытается отрицать факт заговора с целью убийства Роберта Кеннеди. Это был заговор. Тщательно подготовленный, продуманный и организованный. Организованный не только с точки зрения техники убийства, но и психологически.

Атмосфера ненависти вокруг Роберта Кеннеди особенно сгустилась после того, как весной 1968 года он объявил, что будет бороться за выдвижение своей кандидатуры на пост президента. При этом сенатор публично провозгласил, что в случае своего избрания он вернет политику страны на путь, намеченный президентом Кеннеди, политику ослабления международной напряженности.

Вряд ли такая программа вызвала восторг у тех, кто видел в Джоне Кеннеди человека, посягавшего на их неправедные военные прибыли. Вряд ли она, программа эта, устраивала тех, кто делает ставку на войну, безмерно наживаясь на гонке вооружений. Нет, Роберт Кеннеди, точно так же как и президент Джон Кеннеди, не был рыцарем без страха и упрека, боровшимся во имя высоких идеалов мира. Он просто представлял те круги американской буржуазии, которые склонны были более трезво смотреть на вещи, отдавать себе отчет в том, что в условиях ракетно-атомного века формула военного мыслителя прошлого фон Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики, но иными средствами», уже неприменима, что ныне такая «политика» чревата исчезновением как самой политики, так и политиков — ее творцов.

В разговоре со мной Роберт Кеннеди очень настойчиво несколько раз возвращался к мысли о том, что в современных условиях сосуществование системы свободного предпринимательства (как он деликатно называл милый его сердцу капиталистический строй) и социалистической системы является не проблемой выбора, а насущнейшей необходимостью, «strategy for survival» — «стратегией выживания», как он выразился. Подчеркнуто сдержанный на протяжении почти всей долгой беседы нашей, прятавший все эмоции под маской ари-

стократической светскости и рассчитанной холодности опытного политика, он в этом месте разговора, будто подброшенный пружиной, вскочил со своего кресла и возбужденно заходил по комнате. Его глуховатый голос в этот момент напрягся и зазвенел. Было видно, что эта проблема до глубины души волнует моего собеседника.

— Поймите,— говорил он,— мой великий брат ничего не изобрел. Он не взял свою политику с потолка. Он просто увидел единственный путь. Другого нет. Другой ведет нас в бездну. Но путь в бездну — разве это дорога? Либо, независимо от того, нравимся мы друг другу или не нравимся, скорее, не нравимся,— губы сенатора тронула мимолетная усмешка,— мы научимся сосуществовать, либо...— И он сделал резкий, энергичный жест рукой, значение которого не вызывало сомнений.

— Сенатор,— позволил я себе в этом месте реплику,— не так давно за слово «сосуществование» вызвали бы в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности.

— Боюсь, что с этим еще не покончено,—не принимая шутки, ответил он. И долгим взглядом посмотрел на портрет брата, висевший на стене.

И во время возникшей паузы мы оба, очевидно, подумали об одном и том же: о причинной связи, существовавшей между пониманием покойным президентом необходимости этого самого сосуществования и его насильственной смертью, глубинными причинами, стоявшими за заговором, которые некоторые американские политические писатели квалифицируют как государственный переворот.

— Понадобится немало времени, чтобы большинство людей здесь, в Вашингтоне, поняли то, что понимал, в чем отдавал себе отчет и чем руководствовался мой брат, поняли, что сосуществование — это не проблема выбора, а...— он пошевелил пальцами, подбирая нужное ему слово, и вдруг, сжав руку в кулак, с нажимом почти выкрикнул: — ...проблема судьбы!

И, помолчав, уже другим тоном, с грустной задумчивостью добавил:

— Даже я тогда не во всем понимал брата. Впрочем, от меня тогда требовалось больше делать, нежели думать. Думал он. Но когда его не стало, я понял, что я должен сделать то, что начал он, но не сумел: ему помешали.

Роберт Кеннеди, так же как и его старший брат, пришел

к мысли, о необходимости сосуществования не как к абстрактной идее, но как к пониманию преимуществ и благ мира перед разрушениями и трагедиями войны. Братья Кеннеди, представители своего класса, проводники его идей и политики, руководствовались не идеями добра и заботами о процветании человечества. Стратегию выживания они понимали как политику выживания их капиталистической Америки, их самих, их семей, их ближних, их класса. Этим и только этим руководствовался президент Кеннеди. Только из этого исходил сенатор Кеннеди, научившийся в последний период своей политической деятельности без запинки произносить слово «сосуществование».

Но каковы бы ни были исходные мотивы, это был несомненно шаг вперед по сравнению с зоологическим антикоммунизмом многих вашингтонских вершителей судеб, по сравнению с теми, кто готов поставить мир на край термоядерной пропасти в своем страхе перед поступательным ходом истории, кто взирает на все в мире происходящее только и исключительно сквозь призму своих военных барышей, своей корысти.

Джон Кеннеди, в отличие от большинства из тех, кто его окружал, пожелавший считаться с пускай неприятной ему, но реальной действительностью, был на вашингтонском Олимпе белой вороной. Его младшие братья, сенатор от штата Нью-Йорк Роберт Кеннеди и сенатор от штата Массачузетс Кеннеди Эдвард, не скрывавшие после гибели президента своего стремления продолжить начатое братом, стали бельмом на глазу у тех же сил, которые организовали далласское убийство.

Что дальше? Кто следующий? — вопрошает американская печать. Конец ли это? Сразу же после убийства Роберта Кеннеди в газетах промелькнули сообщения об угрозах, раздающихся в адрес последнего из братьев Кеннеди — Эдварда. А эпизод с неожиданной аварией на мосту машины сенатора летом 1969 года, как мне представляется, не случайность. Многое в этой истории выглядит очень странно. Ну хотя бы то обстоятельство, что этот эпизод произошел как раз в тот момент, когда в нем так нуждались политические противники Эдварда Кеннеди — люди могущественные, влиятельные, борющиеся с этим семейством не на жизнь, а на смерть уже многие годы.

Взять хотя бы ту пропагандистскую свистопляску, которая была поднята вокруг случая на мосту. Очевидные усилия всячески раздуть это дело, представить молодого сенатора в

крайне невыгодном для него свете не могут, думается, быть отнесены только на счет свойственной американской прессе манере поспекулировать на сенсации. Во всем этом проглядывают элементы планомерной кампании, рассчитанной на полную дискредитацию в глазах избирателей опасного конкурента.

Я пытался выяснить, находясь в Америке, у людей знающих и опытных, было ли в случае на мосту нечто такое, что действительно могло бы бросить серьезную тень на репутацию Эдварда Кеннеди?

— Что вы! — услыхал я в ответ.— Если бы у врагов Кеннеди была хотя бы какая-нибудь серьезная зацепка, разве выпустили бы они его из угла, ограничась только статьями в газетах! Ничего серьезного нет. В противном случае на политической сцене уже не было бы самого Кеннеди.

И после случая на мосту Эдвард Кеннеди живет как на вулкане. Мне довелось наблюдать это осенью 1970 года, в дни, когда он вел борьбу за свое переизбрание на пост сенатора от штата Массачузетс.

Поздно вечером 3 ноября семья Кеннеди почти в полном составе собралась на четырнадцатом этаже бостонского отеля «Паркер хауз», ожидая исхода голосования. Здесь были Эдвард с женой и тремя детьми, вдова Роберта Этель со старшими сыновьями, а также сестры Юнис и Джин с мужьями и детьми.

Отель был оцеплен усиленными отрядами полиции. При выходе из лифта полицейские, переодетые в штатское, тщательно обыскали меня, хотя при мне был соответствующий, подписанный самим Эдвардом Кеннеди пропуск. Детективы в форме и без формы находились и в самом зале, у всех дверей, на черной лестнице. Тень отеля «Амбассадор» явно лежала на этом зале бостонской гостиницы «Паркер хауз».

Жена Эдварда жалась к Этель Кеннеди, все время поглядывая в зал настороженными глазами, словно отыскивая в нем кого-то.

— Честно говоря, я постоянно боюсь, что Тэда убьют, как Джека и Бобби,— признается она.— Хотите услышать нечто ужасное? Несколько месяцев назад мы летели в самолете и сидевший сзади ребенок проколол воздушный шарик. Он лопнул с громким треском. Тэд резко вздрогнул и вобрал голову в плечи. Какой это ужас! Лопается шарик, а мой муж думает, что в него стреляют. Значит, он всегда живет с этой мыслью.

Что это? Вендетта — кровавая месть?

Страх. Страх тех, кто как огня боится мирного сосуществования, даже намека на улучшение международного климата, и готов расправиться с каждым, кто грозит военным барышам. Страх тех, кто, боясь быть разоблаченным в заговоре и убийстве президента Кеннеди, нанизывает преступление на новое преступление, убийство на убийство.

За несколько недель до своей гибели Роберт Кеннеди направил окружному прокурору Нью-Орлеана Гаррисону, ведущему расследование обстоятельств убийства президента Кеннеди,— расследование, вызывающее дикую злобу определенных кругов, письмо. Как стало известно, в этом письме говорилось об убеждении сенатора в том, что президент Кеннеди пал жертвой не убийцы-одиночки, а тщательно спланированного, организованного и широко разветвленного заговора. В письме содержались слова о том, что если Роберт Кеннеди будет избран президентом, он не пожалеет сил для того, чтобы раскрыть заговор и покарать заговорщиков.

Сыграло ли это обстоятельство свою роль, активизировало ли заговорщиков? Вот что ответил прокурор города Нью-Орлеан Джим Гаррисон. Привожу запись разговора с Гаррисоном, состоявшегося в конце 1968 года:

«Вопрос. Господин прокурор, правда ли, что Роберт Кеннеди собирался, став президентом, начать преследование людей, ответственных за убийство брата? Что вы можете сказать по этому поводу?

Гаррисон. У меня было несколько друзей, близких к покойному сенатору. После встреч с ними мне стало ясно, что Роберт Кеннеди понимал и отдавал себе отчет в том, что произошло в действительности. Однако, судя по всему, он принял решение сделать что-то реальное, когда займет пост. Я убежден, что, став президентом, он бы докопался до истины. Именно поэтому они и убили его».

И разве в свете этого так уж невероятно предположение, что это обещание ускорило, если не предопределило роковые выстрелы в Лос-Анджелесе! Организаторы далласского заговора нагромоздили гору трупов. И весьма возможно, что они почли необходимым избавиться от самого опасного для них человека, особенно после того, как стало очевидным, что у него немало шансов получить в руки рычаги государственного аппарата и вместе с ними немало возможностей достать преступников, как бы глубоко они ни запрятались.

Были, конечно, были причины у тех, кто убрал со своей дороги Джона Кеннеди, бояться и ненавидеть его брата, предпринимать все, дабы не допустить его в Белый дом.

Факты, ставшие известными подтверждают наличие заговора. Убийца был не один. Свидетели видели его сообщников. Без пропуска, ведомый чьей-то услужливой рукой, они оказались там, где не должен был и не мог оказаться посторонний. Исполнитель чьей-то злой воли, он сделал свое черное дело.

Чьей? На этот вопрос еще предстоит ответить. Истории еще предстоит выяснить конкретные имена организаторов заговора, его механизм, где и как были расставлены непосредственные исполнители того, что стало продолжением далласского убийства, заговором 1968 года.

В дни процесса над Сирханом создавалось впечатление, что кто-то очень заинтересован в том, чтобы следствие не столько выяснило истину, сколько упрятало ее как можно дальше. Все делалось для того, чтобы представить дело таким образом, будто так же, как в Далласе, убийство сенатора — дело рук фанатика-одиночки.

Незадолго до начала суда мне довелось побывать в лос-анджелесском отеле «Амбассадор», там, где летом 1968 года пал, сраженный пулями наемного убийцы, Роберт Кеннеди.

Я прошел через мрачный, несмотря на бело-золотой цвет мебели и стен, с низким, давящим потолком банкетный зал отеля, где не ведавший о роковой западне сенатор благодарил калифорнийцев за оказанную ему в ходе предварительных выборов поддержку, и оказался в полутемном, примыкающем к ресторанной кухне коридоре, где находился убийца, разрядивший обойму своего револьвера в сенатора.

Ощущение от этого посещения было странным и неприятным. На том месте, где упал сраженный пулями Роберт Кеннеди, стоял чан с грязной посудой, серый бетонный пол был завален отбросами, залит водой.

Не знаю, был ли во всем этом умысел, определенный расчет или только циничное равнодушие. Но выглядело это так, будто кто-то, намеренно придавая обстановке вид более чем будничный, пытался представить дело так, что ничего из ряда вон выходящего здесь не произошло, стремился заставить как можно скорее забыть кровавую трагедию.

Уже тогда, находясь в помещении, где было совершено это позорное убийство, я подумал, что вряд ли следует ожидать от здешних властей стремления выяснить истину. Выйдет

она на поверхность или нет, сказать пока трудно. Но уже сейчас совершенно очевидна малая убедительность доводов тех, кто хотел бы замкнуть все на личности фанатичного одиночки.

Речь, безусловно, идет о заговоре. Не просто о заговоре, в который вступил десяток деклассированных, развращенных американским образом жизни молодых людей — они лишь исполнители,— заговоре, за которым стоят круги влиятельные, люди безжалостные и в сегодняшней Америке всесильные. Речь идет о системе, в которой такие заговоры возможны. Речь идет о строе, который сделал кулак источником права, пулю наемного убийцы неопровержимым аргументом, возвел насилие на уровень политики, закона, философии и государственного мировоззрения.

Убийство братьев Кеннеди, охота за последним из них, оставшимся в живых,— это следствие и результат острой борьбы сил могущественных, не останавливающихся в достижении своих целей ни перед чем.

Немалую роль тут играют противоборство и грызня крупной американской буржуазии. И не случайно, а закономерно в фокусе событий оказались представители двух могущественных семейств.

Их цель — богатство и власть, их методы — «честно, если можно, бесчестно, если нельзя иначе», и буржуазный парламентаризм, и пуля наемного убийцы, и сладкогласные речи политических краснобаев, и стальные наручники полицейских держиморд; их закон — закон джунглей: все против всех, каждый против каждого.

У них есть бурное прошлое. Есть у них кровавое настоящее.

Будущего у них нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга, которую вы только что прочитали, основана на фактах и только на фактах. Автор поставил перед собой задачу рассказать читателям о самых богатых людях Америки, о том, как возникли эти богатства, как преумножаются они.

И если в этой книге оказалось так много историй, присутствующих чаще в рассказах из жизни преступного мира, то в этом нет вины автора. В самом деле: нет американской миллиардерской семьи, нет истории возникновения того или иного огромного состояния, чтобы ее семейные архивы не хранили мрачных тайн, связанных с убийствами и самоубийствами, заговорами и диверсиями, шантажом, взрывами и отравлениями.

Нет буквально ни одной статьи уголовного кодекса, иллюстрации к которой вы не нашли бы в истории богатейших семей Америки. Оттенок детектива, уголовщины — не результат усилий автора этой книги. Просто такова жизнь, такова действительность крупнейшего государства современного капиталистического мира.

Немало выдающихся умов и незаурядных людей дал миру американский народ, трудолюбивый и талантливый. Американский Ломоносов — Франклин и великолепный изобретатель Эдисон, воздухоплаватели братья Райт и селекционер Бербанк, медик доктор Солк и «отец кибернетики» Винер, физики Оппенгеймер, Полинг, великий артист Чаплин, классики литературы Марк Твен и Джек Лондон, выдающиеся инженеры, архитекторы, рабочие высочайшей квалификации, тысячи замечательных мастеров своего дела — вот кому обязана Америка славой своей цивилизации.

Но творили и творят одни, а богатели и богатеют другие. Изобретения Эдисона золотым дождем пролились в сундуки Морганов, вакцина Солка принесла миллионы Дюпонам, открытия Винера обогатили электронного короля Хьюза. Сами же творцы, как правило, далеки от богатства. Не один гений умер в американском «обществе изобилия» в нищете. Деловой климат Америки таков, что деньги идут в руки не первооткрывателю физического закона, а карточному шулеру Гарольсону Ханту; не инженеру — создателю невиданного аппарата, а ростовщику Томасу Меллону, «знающему все законы, касающиеся прав кредитора на имущество должника»; не тому, кто вывел новый сорт пшеницы, написал замечательную

книгу, возвел чудо техники — многокилометровый ажурный мост, а сыну конокрада ханже-изуверу Джону Д. Рокфеллеру-старшему, гангстеру Вандербильту, пройдохе Скайфу.

Сложен современный бизнес. Управление им требует, помимо всего прочего, специальных знаний в области промышленности и финансов, геологии и психологии, в торговле, в новейших отраслях точных наук и многого другого. Но талант ученого и специалиста в современной Америке — всего лишь товар. Талант — еще далеко не всегда деньги, зато деньги — верная возможность купить талант по сходной цене и поставить его себе на службу.

Доллары, если их много, заменяют и ум, и знания. Бездарный или заурядный предстает выдающимся, бесчестный и растленный — образцом для подражания. Миллионы долларов дают в Америке их обладателям власть, практически неограниченную.

Прочитав эту книгу, вы особенно ясно увидите всю лицемерность «ахов» и «охов» официального Вашингтона и буржуазной пропаганды Америки в связи с двойным убийством братьев Кеннеди — убийством, показавшим всему миру подлинный облик каменных джунглей, именуемых буржуазным государством Соединенных Штатов Америки. Нет, речь идет не о случайных трагедиях, не о чем-то из ряда вон выходящем и нетипичном для американского образа жизни. Беззакония, насилия, убийства — не исключение. Это и есть американский образ жизни. Грязь и доллары, кровь и доллары неразделимы.

Владыки современной Америки пытаются спрятать свое лицо под маской буржуазной добропорядочности, корчат из себя людей цивилизованных, больше того — ревнителей и защитников цивилизации. Жизнь срывает эту маску, и перед миром предстает истинное, отвратительное лицо этих владык — лицо убийц и насильников, стяжателей и эксплуататоров, подлинное лицо капиталистической Америки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

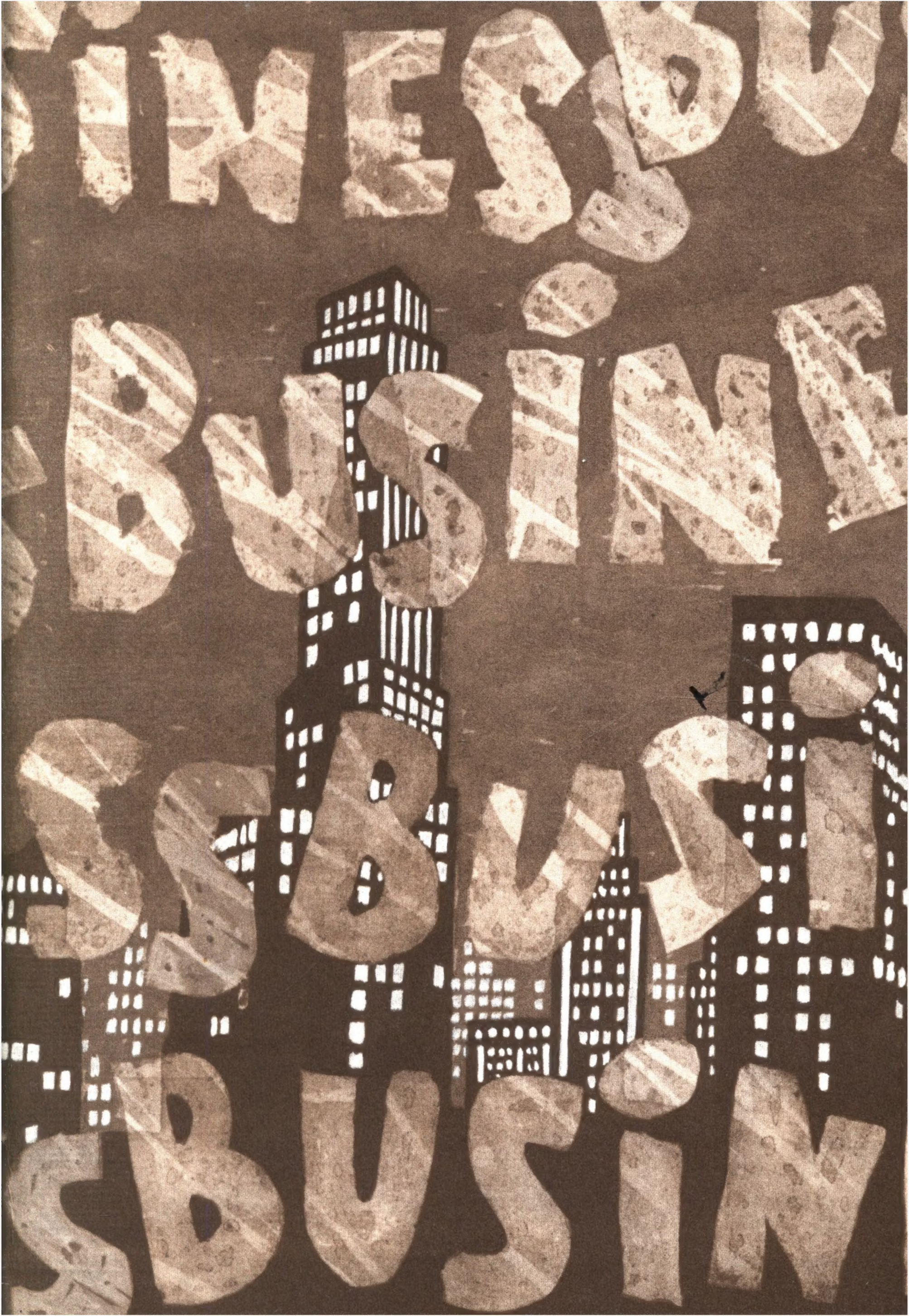
Для старшего возраста

Зорин Валентин Сергеевич

ВЛАДЫКИ БЕЗ МАСОК

Ответственный редактор *А. И. Моисеева.* Художественный редактор *В. А. Горячева.* Технический редактор *Е. М. Захарова.* Корректоры *В. И. Дод* и *Э. Л. Лофенфельд.* Сдано в набор 27/VI 1972 г. Подписано к печати 15/XI 1972 г. Формат 60×84 1/16. Печ. л. 16. Усл. печ. л. 14,93. (Уч.-изд. л. 12,1+16 вкл.=14,70). Тираж 150 000 (50 001—150 000) экз. ТП 1972 № 367. А03430. Цена 76 коп. на бум. № 1. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 4405.




INESBU
BUSINE
SBUSI
SBUSIN

76 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»


ВАЛЕНТИН ЗОРИН • ВЛАДЫКИ БЕЗ МАСОК